

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИЗВЕСТИЯ
ЮЖНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2015

№ 1

Известия ЮФУ
Филологические науки
2015. № 1

Редакционная коллегия:

Н. В. Изотова, главный редактор
С. Г. Агапова, зам. главного редактора
Е. В. Григорьева, зам. главного редактора
И. В. Нефедов, зав. редакцией журнала
Е. В. Ахмадулин, раздел журналистики
Н. Н. Маевский, раздел образования
Т. В. Милевская, раздел языкознания
Л. В. Табаченко, раздел рецензий и хроники
В. Н. Чубарова, раздел литературоведения

Редакционный совет:

В. Ю. Меликян, Южный федеральный университет, Россия
Джордж Гайдн Фоулер, университет Индианы, США
О. В. Александрова, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия
Афит Эрнандес Вильальба, Технологический университет Монтеррей, Мексика
Е. Л. Варганова, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия
Вольфганг Мюль-Беннингхауз, Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия
Л. П. Громова, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
С. Н. Зотов, Таганрогский педагогический институт им. А.П. Чехова, Россия
В. И. Карасик, Волгоградский государственный педагогический университет, Россия
Мануэль Перес Хименес, Университет Алкала, Испания
Стефенс Митчел, Нью-Йоркский университет, США

Номер подготовил редактор В.И. Литвиненко

Адрес редакции:

*344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 150, к. 11
тел. (863) 264-47-88*

Св. о рег. ПИ № ФС77-28745 от 05.07.2007 г.

© Редакционная коллегия журнала
«Известия Южного федерального
университета. Филологические науки»,
2015 г.

Proceedings of Southern federal university. Philology 2015. № 1

Editorial board

Natalya Valeryanovna Izotova, chief editor
Sofiya Grigorievna Agapova, deputy of chief editor
Elena Valentinovna Grigorieva, deputy of chief editor
Igor Vladislavovich Nefedov, head of the editorial's
Evgeny Valerievich Ahmadulin, journalism section
Nikolay Nikolaevich Maevskiy, education section
Tatyana Valentinovna Milevskaya, linguistics section
Lyudmila Vladimirovna Tabachenko, reviews and chronicles section
Valentina Nikolaevna Chubarova, literature study section

Editorial Council

Vadim Yurievich Melikyan, Southern Federal University, Russian Federation
George Hayden Fowler, Department of Slavic Languages and Literatures, Indiana University, Bloomington, IN 47405-7103 USA, United States
Olga Viktorovna Alexandrova, Moscow state university of M.V. Lomonosov, Russian Federation
Afit Hernandez Vilalba, Technological University of Monterrey, Mexico
Elena Leonidovna Vartanova, Moscow state university of M.V. Lomonosov, Russian Federation
Wolfgang Mull-Benninghaus, Berlin University. Humboldt, Germany
Ludmila Petrovna Gromova, St. Petersburg State University, Russian Federation
Sergey Nikolaevich Zotov, Taganrog Institute of A.P. Chekhov, Russian Federation
Vladimir Ilyich Karasik, Volgograd State Pedagogical University, Russian Federation
Manuel Peres Jimenes, University of Alcalá, Spain
Stephens Mitchell, New York University, United States of America

The editor of the issue is V.I. Litvinenko.

Mailing Address:

Office 11, 150, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006
Nefedov Igor Vladislavovich
Phone: +79604643321
Email: igornef@yandex.ru

© Editorial board of "Proceedings of
Southern federal university. Philology",
2015.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Суровцева Е.В.

- А.И. Солженицын и Р. Медведев: дискуссия вокруг
«Письма вождям Советского Союза» и её восприятие в
эмигрантской печати (М. Агурский) 12

Батова О.С.

- Архетип отца в творчестве Л. Пантелеева 21

Мусукаева А.Х.

- О роли этно-фольклорных традиций в северокавказском
романе (Е. Уруймагова «Навстречу жизни») 28

Рецов В.В.

- Иван Аянов в роли «Несравненного Лепорелло» (к вопро-
су о теме Дон Жуана в романе И.А. Гончарова «Обрыв») .. 38

Маслаков А.А.

- Функционально-тематические разновидности эссеи-
стики (на примере прозы И.А. Бродского) 47

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сидорова М.Ю.

- Русский синтаксис для студентов отделения «Зару-
бежная филология» 58

Коростова С.В.

- Эмотикон языковой личности в текстах современных
масс-медиа 77

Абрамова Н.В.

- Структурно-семантическая характеристика
фразеологизмов современного немецкого языка 88

Аль Шаммари Маджида Джамиль Ашур

- Актуальные арабизмы религиозного содержания (на
материале современных словарей иностранных слов) 102

Боднарук Е.В.

- Выражение футуральной перспективы в несобственно-
прямой речи 109

Ларина Т.Ю.

- Особенности онимической концептуализации и
категоризации и место онимов в ментальном лексиконе 119

Денисова В.Л.

- Семантическое значение лексемы «红/ красный» в
китайском и русском языках 129

Хазагеров Г.Г., Щаренская Н.М. Советский «житийный канон» в биографии ученого и проблема его преодоления	135
ЖУРНАЛИСТИКА	
Филиппова В.А. Медиасистемы России и Бразилии на современном этапе массовой коммуникации	144
Капустина А.Г. Правовой статус журналистов и блогеров в новейшем информационном законодательстве Российской Федерации	153
ОБРАЗОВАНИЕ	
Колесина К.Ю., Маевский Н.Н., Прищепина Е.М. О взаимосвязи гуманитарного (филологического) и педагогического образования в классическом университете	162
Сибул В.В., Иванова А.Г. Вопросы профессионально-ориентированного обучения иностранным языку студентов экономических специальностей	175
РЕЦЕНЗИИ	
Николаев С.Г. Русская картина мира средствами английского языка: требование времени или «культурный каприз»? (Юзефович Н.Г. Интерлингвокультурная картина мира в английском языке вторичной культурной ориентации (на материале описания российской действительности): монография. Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2013. 266 с.)	182
Котелевская В.В. «Взорванная идиллия» швейцарского мифа (Матт П., фон. Литературная память Швейцарии: Прошлое и настоящее / пер. с нем. Т.А. Баскаковой. М.: Центр книги Рудомино, 2013. 464 с. (Серия «Литературная Гельвеция»))	185
ХРОНИКА	
Котелевская В.В. XII съезд российского союза германистов (ноябрь 2014 г., Калининград)	188
Коростова С.В. Международная научная конференция «Перевод как средство взаимодействия культур» (17 – 22 октября 2014 г., Краков)	190
Табаченко Л.В. Форум по славистике для ректоров российских и германских вузов (29.09 – 01.10.2014 г., Берлин, Германия) ...	192

Овруцкий А.В. Международная конференция «Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации» (октябрь 2014, Майкоп)	195
Положение о правилах рецензирования статей в журнале «Известия Южного федерального университета. Филологические науки»	197
Требования к материалам, публикуемым в журнале	198

 CONTENTS №1 2015

LITERATURE STUDY

Surovtseva E. V.

- A.I. Solzhenitsyn and R. Medvedev: discussion of “Letters to leaders of the Soviet Union” and its comprehension in migrant press (M.Agursky) 12

Batova O.S.

- Father’s archetype in L.Pantelev’s creative work 21

Musukaeva A.H.

- On the role of ethnic and folklore traditions in North Caucasus novel (E.Uruymagova “Towards life”) 28

Retsov V.V.

- Ivan Ayanov as "Matchless Leporello" (Concerning the subject of Don Juan in I.A. Goncharov's novel "The Precipice") 38

Maslov A.A.

- Functional and thematic diversity of essayistics (on the example of J.Brodsky prose) 47

LINGUISTICS

Sidorova M. Yu.

- Russian syntax for students of “Foreign linguistics” department 58

Korostova S.V.

- Emoticon of the language personality in the texts of modern mass media 77

Abramova N.V.

- Structural-semantic characteristic of phraseologisms in modern German language 88

Al Shammari Majid Jamil Ashur

- Actual Arabic loan-words of religious content (on the material of modern foreign words) 102

Bodnaruk E.V.

- Expression of future prospective in indirect speech 109

Larina T. Yu.

- Features of the onymic conceptualization and categorization and place of onyms in mental lexicon 119

Denisova V.L.

- Semantic meaning of the lexeme «*红*/ red» in Chinese and Russian 129

<i>Khazagerov G.G., Scharenskaya N.M.</i>	
Soviet “Life Canon” in scientist’s biography and problem of its overcoming	135
JOURNALISM	
<i>Filippova V.A.</i>	
Russian and Brazil media systems at the modern stage of mass communication	144
<i>Kapustina A.G.</i>	
Law status of journalists and bloggers in the newest information legislation of Russian Federation	153
EDUCATION	
<i>Kolesina K. Yu., Maevsky N.N., Prischepa E.M.</i>	
On the interrelation of the humanities (linguistics) and pedagogy education at classic university	162
<i>Sibul V.V., Ivanova A.G.</i>	
Questions of professional-oriented teaching of foreign language for students of economic specialty	175
REVIEWS	
<i>Nikolaev S.G.</i> Russian world picture by means of the English language: time demand or “cultural caprice”? (<i>Yuzefovich N.G.</i> Interlinguacultural world picture in English of the second cultural orientation (on the material of description of Russian reality): monography. Khabarovsk: FESUH Publishing House, 2013. 266 p.)	182
<i>Kotelevskaya V.V.</i> “Exploded idyll” of the Swiss myth (<i>Matt P., von.</i> Literature memory of Switzerland: Past and Present / transl.from German T.A. Baskakova. M.: Rudomino center book, 2013. 464 p. (Series “Literature Helvetia”))	185
CHRONICLES	
<i>Kotelevskaya V.V.</i> XII Conference of Russian Union of Germanists (November, 2014, Kaliningrad)	188
<i>Korostova S.V.</i> International science conference “Translation as a means of cultures interaction” (October, 17-22, 2014. Krakow	190
<i>Tabachenko L.V.</i> Forum on Slavonic philology for rectors of Russian and German universities (29.09 – 01.10.2014, Berlin, Germany)	192

<i>Ovrutsky A.V.</i> Conference “Cross-cultural space of literature and mass communication” (October 2014, Maykop)	195
Issue on review procedure of the articles in the journal “Proceedings of Southern federal university. Philology”	197
Guideline for the materials, publishing in the journal	198

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1
ББК 83.3

Е.В. Суровцева

**А. И. СОЛЖЕНИЦЫН
И Р. МЕДВЕДЕВ:
ДИСКУССИЯ ВОКРУГ
«ПИСЬМА ВОЖДЯМ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА»
И ЕЁ ВОСПРИЯТИЕ
В ЭМИГРАНТСКОЙ ПЕЧАТИ
(М. АГУРСКИЙ)**

В статье дается характеристика особому эпистолярному жанру – жанру «письма вождю»; кратко анализируется письмо-декларация А.И.Солженицына «Письмо вождям Советского Союза» (это своеобразный «урок царям») и его полемика с Р.А.Медведевым вокруг данного текста. Солженицын и Медведев расходятся во взглядах на существующую идеологию, на национальную проблему, на демократизацию страны, на религию, на судьбы русского народа в XX в. Рассматривается также восприятие полемики Солженицына и Медведева М.Агурским.

Ключевые слова: *эпистолярная литература, «письмо вождю», русская литература, цензура, литература и власть, А.И.Солженицын, Р.А.Медведев.*

Суровцева Екатерина Владимировна – канд. филол. наук, профессор Российской академии естествознания, старший научный сотрудник; Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, филологический факультет, лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии
Тел.: +7 (910) 471 89 00

E-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

© Суровцева Е.В., 2015.

В контексте рассматриваемого нами жанра «письма вождю», т. е. высокопоставленным лицам, созданного в советскую эпоху, необходимо проанализировать самое, пожалуй, известное обращением А. И. Солженицына «наверх» – письмо-декларацию «Письмо вождям Советского Союза» [Солженицын], написанное в августе 1973 г. в Рождестве-на-Истье (под городом Наро-Фоминском Московской области). «Это письмо родилось, развилось из единственной мысли: как избежать грозящей нам национальной катастрофы?» [Солженицын, с. 148]. Форма письма не была лишь жанровым приёмом. Основная мысль текста – идея об искажающем влиянии идеологии на развитие страны, на народ. Солженицын обращает внимание «вождей» на две опасности, грозящие нашей стране: «война с Китаем и общая с Западной цивилизацией гибель в тесноте и смраде изгаженной Земли» [Солженицын, с. 150]. Писатель обращается «наверх» из чувства патриотизма в надежде, что этот «верх» «не безнационален» [Солженицын, с. 149], иначе этим двум сторонам говорить не о чем. Александр Исаевич говорит о том, как пострадал русский народ в течение XX в.; о том, что самые страшные войны – войны идеологические; о том, что успехи во внешней политике не должны опьянять, ибо далеко не всё так блестяще, как может показаться. Автор письма знает, что имеет дело с реалистами, и поэтому предлагает преобразования, осуществление которых считает реальными. «Руководить нашей страной должны сообра-

жения внутреннего, нравственного, здорового развития народа, освобождение женщин от каторги заработков, особенно от лома и лопаты, исправление школы, детского воспитания, спасение почвы, вод, всей русской природы, восстановление здоровых городов, освоение Северо-Востока – и никакого Космоса, и никаких всемирно-исторических завоеваний, придуманных интернациональных задач...» [Солженицын, с. 183]. Подвергнув марксизм резкой критике, Александр Исаевич всё же не предлагает бороться с ним, он предлагает «спастись от него самим» [Солженицын, с. 178], а для этого надо всего лишь лишить его государственной поддержки. Солженицын выделяет такие бьющие в глаза преступления идеологии, как всеобщая ложь, «централизация всех видов духовной деятельности» [Солженицын, с. 171], отсутствие здоровой тишины, падение нравственности. Писатель считает, что только при помощи христианства можно исцелить Россию, причём он не просит никаких льгот для него, он думает, что вполне достаточно христианство не подавлять [Солженицын, с. 184]. Солженицын создаёт своё письмо потому, что не может молчать: «Этим письмом я... беру на себя тяжёлую ответственность перед русской историей. Но не взять на себя поиска выхода, но ничего не предпринять – ответственность ещё бóльшая» [Солженицын, с. 188]. Большое значение Солженицын придаёт национальным соображениям.

«Письмо вождям» по своей сути публицистично (именно в контексте солженицынской публицистики рассматривает это письмо Д. Штурман [Штурман]). В нём автор, как было показано ранее, излагает свои идеи относительно преобразования страны. Александр Исаевич всю свою жизнь находился в принципиальной оппозиции к советской власти и к советской идеологии, что отразилось, впрочем, не только в этом письме, но и во всех других письмах, обращённых «наверх». В этом письме писатель представляет свои взгляды на развитие страны как логически аргументированную систему. Писатель беседует с вождями как равный с равными, он не боится откровенно высказать своё несогласие с ними. В этом выразилась одна из основных черт Александра Исаевича – бескомпромиссность в отстаивании своего мнения, в отстаивании истины.

5 сентября письмо отнесено в ЦК КПСС. «“Письмо вождям” было взято в работу только через месяц, в конце сентября 1973 года. Сначала с ним, по указанию Суслова, ознакомились только Косыгин, Подгорный и Андропов. 4 октября появилась резолюция Брежнева: “Ознакомить членов ПБ (вкруговую)”. В конце декабря появилась ещё одна резолюция генсека: “Мы обсуждали вопрос о Солженицыне по частям на нескольких заседаниях ПБ – считаю, что необходимо, чтобы все товарищи прочли его письмо”. На документе расписались все до единого члены ПБ, но автору “Письма” никакого ответа никогда не было» [Сараскина, с. 683]. В январе 1974 г. текст был отправлен для публикации за границу (первая публикация состоялась в издательстве «УМКА-Press»), где переиздавался много раз.

«Письмо вождям Советского Союза» не прошло незамеченным ни в русской эмиграции, ни в Советском Союзе. 3 апреля 1974 года А.Д. Сахаров пишет статью под названием «О письме Александра Солженицына “Вождям Советского Союза”» (см. об этом нашу статью: [Суровцева]). Чуть позже – в этом же году – Р. Медведев опубликовал в немецком журнале «Шпигель» свой отзыв под названием «Что ждёт нас впереди? (О “Письме” А. И. Солженицына)» [Медведев]. Рой Александрович разбивает свой текст на главки согласно обсуждаемым им пунктам. По ним и проследим его возражения Солженицыну.

«О национальной жизни русского народа». Медведев пишет, солидаризуясь с Сахаровым: «А. Д. Сахаров уже справедливо критиковал национализм и изоляционизм Солженицына» [Медведев, с. 97]. «Как можно судить по одному из примечаний, он считал бы желательным отделение “окраинных наций” от СССР за исключением разве лишь Украины и Белоруссии» [Медведев, с. 97]. Но в то же время Медведев признаёт и некоторую правоту Солженицына: «И всё же собственно национальная жизнь русского народа, как это ни странно, затруднена гораздо больше, чем, скажем, армянского, грузинского или узбекского народов» [Медведев, с. 97]. По мысли Медведева, «...русский народ фактически лишён своей столицы. Москва, ставшая столицей многонационального Союза, почти утратила черты национального русского города, центра собственно русских земель, каким она была до революции, когда столицей империи являлся более европеизированный, чиновный и промышленный Петербург» [Медведев, с. 97]. Солженицын предлагает перенести центр государства на Северо-Восток, однако, как полагает Рой Александрович, «этот край наименее приспособлен для ведения сельского хозяйства» [Медведев, с. 97], если же попытаться «растеплить и отморозить» его, как предлагает Солженицын, то это – огромные затраты, которые не пойдут на развитие центра, что, по мнению Медведева, неразумно. «Так ли уж много людей согласится добровольно уехать из Москвы и из других благоустроенных центральных городов (тяготы жизни в столице Солженицын явно преувеличивает) на постоянное жительство в североуральскую тайгу или в Якутию? Крупные города притягивают людей из деревни не только более высокими заработками, не только театрами. Немалую роль играет и то, что в городах люди имеют несравненно большие возможности широко общаться с теми, кто близок им по духу и настроениям. Эта тяга к людям не в последнюю очередь предопределяет исчезновение крошечных деревень “в три избы”, о судьбе которых так сокрушается Солженицын» [Медведев, с. 98].

«О положении православной церкви». Солженицынская «тревога по поводу положения церкви в СССР не беспочвенна. Православная церковь в течение тысячи лет была важным элементом национальной жизни» [Медведев, с. 98]. Однако далее Медведев пишет: «[к]ак марксист, я считаю церковь пережитком прежних эпох. Я убеждён, что нравственное и духовное возрождение и развитие русского народа (как и других народов нашей страны) произойдёт не на основе христианства,

вообще не на религиозной основе. Мои надежды связаны с развитием политической свободы, свободы слова и информации, т. е. с развитием социалистической демократии. Однако в понятие этой демократии для меня входит и свобода совести. Пока у нас в стране есть верующие, они должны иметь возможность беспрепятственно выполнять все предписанные их религией обряды» [Медведев, с. 98]. Таким образом, налицо одно из важнейших расхождений во взглядах Солженицына и Медведева – первый из них религиозен, второй – атеист. Рост влияния церкви Медведев объясняет «реакцией на антидемократические процессы, происходящие в нашем обществе» [Медведев, с. 98]. Медведев пишет: «Есть люди, много лет считавшие себя атеистами, которые теперь обращаются к религии, стараясь заполнить образовавшийся у них духовный вакуум. Для многих интеллигентов обращение к церкви представляет легальную форму протеста против усиления политического и идеологического давления» [Медведев, с. 98]. С одной стороны, по мысли Медведева, необходимо возратить храмы верующим, разрешить строительство новых храмов и издание религиозной литературы и т.д. «Разумеется, это повысит моральную ответственность школы за воспитание юных граждан, но можно быть уверенным, что при хорошем школьном воспитании мало кто из детей последует примеру своих родителей (верующих. – Е. С.)» [Медведев, с. 99]. «Я уверен, что у православной церкви в нашей стране нет будущего, как уверен, что будущего – далёкого будущего – нет у религии вообще. Но религиозные убеждения могут быть у людей ещё сотни лет, и сотни лет может ещё просуществовать на Руси православная церковь. Если ей суждено умереть – пусть это будет естественная смерть» [Медведев, с. 99].

«Военно-промышленный комплекс и угроза войны». Медведев согласен с Солженицыным в том, «что угроза войны с Запада почти исчезла, хотя никак не могу согласиться с Солженицыным, что западный мир как единая весомая сила перестал противостоять СССР» [Медведев, с. 99]. «Более серьёзна в настоящее время угроза советско-китайской войны. Но и эту угрозу не следует преувеличивать» [Медведев, с. 99], так как «[у] Китая ещё много своих неосвоенных земель, и вряд ли он рискнёт на попытку решать свои демографические проблемы за счёт Сибири» [Медведев, с. 99]. «Я полностью, однако, согласен с Солженицыным, что надо сделать всё возможное, чтобы избежать этой войны. И я согласен также, что и при нынешних отношениях с Китаем у нас есть достаточный запас сил, чтобы не бояться значительного сокращения военных бюджетов» [Медведев, с. 100].

«Развитие социализма и развитие демократии». «Солженицын предлагает сохранить в России на будущее время “устойчивый и покойный” авторитарный строй...» [Медведев, с. 100]. «По существу, Солженицын отвергает для СССР – даже в перспективе – не только социалистическую демократию, но и всякую демократию вообще» [Медведев, с. 100]. Как замечает Солженицын в своём ответе Сахарову, «...Как и во многих местах, мне фальшиво приписано вместо сомнений о внезапном

введении демократии в сегодняшнем СССР – полное отвращение к демократии вообще» [Медведев, с. 100]. Далее Медведев пишет: «Подавляющее большинство советских граждан, безусловно, стоит за социалистический путь развития, хотя представления о социализме у многих людей различны» [Медведев, с. 100]. А вот как определяет сущность социализма солженицынский оппонент: «Социализм – общественный строй, при котором свободное развитие каждого человека является условием развития всего общества... социалистическая демократия означает гарантию прав не только большинства, но и меньшинства, в том числе и права меньшинства... социалистическая демократия означает гарантию свободы совести, слова и печати, свободы научного и художественного творчества, получения и распространения информации» [Медведев, с. 100]. При этом «...очень важным элементом демократии является свобода эмиграции» [Медведев, с. 101].

«Как и всякая наука, марксизм имеет право на ошибки». Медведев упрекает Солженицына в том, что тот «плохо знает марксизм, ибо приписывает ему положения, ничего общего с марксизмом не имеющие» [Медведев, с. 101]. «Солженицын пытается все недостатки и пороки, существующие в Советском Союзе, отнести за счёт марксизма-ленинизма, но это, выражаясь осторожно, не соответствует действительности» [Медведев, с. 101]. Например, по словам Медведева, марксизм не предполагает ни однопартийности, ни неразумной централизации, он не несёт ответственности за репрессии, как это предполагает Солженицын. «Но это отнюдь не значит, что марксизм – теория безошибочная...» [Медведев, с. 102]. Вместе с тем Медведев считает марксизм идеологией жизнеспособной: «Неопровержимым фактом является то, что марксизм оказал гигантское влияние на общественные, социальные и политические движения XX века и что под воздействием его идей изменился весь облик планеты... мёртвая идеология не способна была бы воодушевить и побудить к действию столько людей в нашем бурном столетии» [Медведев, с. 102]. По Медведеву, Солженицын неверно определил сущность марксизма: «Солженицын относится к марксизму как к вероучению, полагая, что стоит указать на его неточности, ошибки и неправильные предсказания – и от него отвернутся его последователи. Это наивно и неверно. В годы нашей учёбы – и моей, и Солженицына – марксизм-ленинизм действительно преподносился нам как вероучение. Но марксизм-ленинизм, научный социализм не вероучение, не свод догматов. Это – наука, и, как всякая наука, она должна развиваться, иметь свои достижения и ошибки, что-то отбрасывать и что-то открывать заново» [Медведев, с. 102].

«Технико-экономический прогресс и ресурсы планеты». Медведев упрекает Александра Исаевича в том, что «[в] своём письме Солженицын призывает остановить промышленный и экономический прогресс. Учение “мечтателей Просвещения” о бесконечном прогрессе было, по мнению Солженицына, ложным и губительным» [Медведев, с. 102]. С одной стороны, «Солженицын прав, когда говорит, что не может про-

должаться долго экономический прогресс, основанный на растущем использовании невозобновимых ресурсов планеты» [Медведев, с. 102]. С другой – «Отказ от хищнической разработки природных ресурсов вовсе не идентичен отказу от экономического прогресса» [Медведев, с. 102]. К тому же «Наша Земля – ещё не изглоданное червями яблоко, как думает Солженицын. Затронута пока лишь небольшая часть его кожуры...» [Медведев, с. 102].

«Об основном противоречии советского общества». «Таким основным противоречием в настоящее время является, по-видимому, растущее несоответствие между требованиями быстрого научно-технического и экономического прогресса и чрезмерно централизованной, а главное – бюрократизированной системой управления экономической и общественной жизнью страны» [Медведев, с. 103].

Заключает свой текст Медведев так: «Многие из великих писателей России – да и других стран – обладали нелёгким характером и придерживались крайне отсталых для своего времени идеологических и политических концепций. Это не помешало им оставить неповторимый след не только в истории художественного творчества, но и в общественно-политической истории человечества. Феномен Солженицына не является в этом отношении исключением в мировой литературе» [Медведев, с. 104]. Таким образом, несмотря на то, что Медведев соглашается с некоторыми частными положениями Солженицына, в целом он оценивает «Письмо вождям Советского Союза» крайне негативно и, отдавая должное масштабу личности Александра Исаевича, полагает, что тот придерживается отсталых взглядов.

Интересный отклик на обсуждение Медведевым «Письма» Солженицына мы находим в статье М. Агурского [Агурский], опубликованной в эмигрантской печати. В рамках данной статьи мы не будем подробно анализировать все положения Агурского, требующие самостоятельного вдумчивого анализа, сосредоточимся только на его соображениях относительно полемики Александра Исаевича и Роя Александровича.

Вот в каком контексте упоминается в тексте Агурского имя Медведева: «...официозный советский марксизм ныне является одним из основных видов советского экспорта в развивающиеся страны и западные левые движения. Необъятный советский пропагандистский аппарат, на который не жалеют денег, ведёт сам или через подставные организации массивную обработку молодёжи развивающихся стран, выдавая СССР за пример образцового решения социальных проблем. На самом же деле экспортный советский марксизм служит империалистическим целям внешней политики СССР и представляет собой серьёзную угрозу миру во всём мире. В свете этого трудно согласиться с точкой зрения Роя Медведева, который желал бы видеть СССР под властью некоей очищенной марксистской идеологии» [Агурский, с. 223 – 224].

«Разумеется, высказываемая здесь критика марксизма, как устаревшей идеологии, ставшей тормозом общественного прогресса, вовсе не означает отказа от принципа социальной справедливости. Дело лишь

в том, что марксизм закономерно приводит к обратным результатам. Он оказывается теоретическим оправданием тоталитаризма и ещё большего углубления социальной несправедливости по отношению прежде всего к трудящимся. Рой Медведев вряд ли согласился бы с тем, чтобы защищаемый им марксизм с человеческим лицом стал бы источником несправедливости и репрессий. Но тогда это будет уже не марксизм, а нечто совсем другое, ибо подлинный марксизм в его первоизданном виде в принципе отрицает всякие духовные и мораль» [Агурский, с. 224].

В одном месте статьи Михаил Самуилович сопрягает вместе имена и Сахарова, и Медведева: «По существу же дела в одном очень важном вопросе Медведев оказывается гораздо ближе к Солженицыну, чем Сахаров, ибо он признаёт целесообразность сохранения в СССР политической системы, отличающейся от парламентской, а это связано с существенным ограничением политических свобод» [Агурский, с. 224].

В конце цитируемой статьи Агурский приходит к выводу, что «со временем, точка зрения, высказанная Солженицыным, будет приобретать всё больше сторонников, несмотря на то, что сейчас её разделяет ещё небольшое количество людей» [Агурский, с. 225]. На наш взгляд, в процитированном отрывке нашла своё отражение высокая оценка Агурским «Письма» Солженицына, признание значимости данного текста для осмысления судьбы России как в прошлом, так и в настоящем.

Проблема восприятия солженицынского «Письма вождям Советского Союза» современниками требует дальнейшего кропотливого анализа. Так, заслуживает отдельного обсуждения солженицынского текста русской эмиграцией (в том числе необходимо более подробное и полное рассмотрение взглядов цитированного в нашей статье М. Агурского). Кроме того, на наш взгляд, «Письмо вождям Советского Союза» типологически близко к письму Л. Н. Толстого Николаю II «Царю и его помощникам» (1901), и это предположение требует подробного обоснования. Отдельная тема – сопоставление «Письма» А. И. Солженицына и таких текстов, как «Письмо к Государю Цесаревичу, Великому Князю Александру Николаевичу в 1832 году» М. П. Погодина и «Записка о внутреннем состоянии России» К. Аксакова (1855) на имя Александра II. Эти произведения, по сути, находятся на грани эпистолярного жанра и публицистики, поэтому необходим их детальный анализ с целью выявления всех особенностей их жанровой природы. Разработка заявленной нами темы будет продолжена.

Литература

Агурский М. Международное значение «Письма к вождям» // Вестн. русского христианского движения. Париж; Нью-Йорк; Москва, 1974. № 112 – 113.

Медведев Р. Что ждёт нас впереди? (О «Письме» А. И. Солженицына) // Диалог. 1990. № 4.

Сараскина Л. И. Александр Солженицын. Серия «Жизнь замечательных людей: Биография продолжается». М., 2008.

Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. Ярославль, 1995 – 1997. Т. 1: Статьи и речи. Ярославль, 1995.

Суровцева Е. В. А. И. Солженицын и А. Д. Сахаров: дискуссия вокруг «Письма вождям Советского Союза» и её восприятие в эмигрантской печати (М. Агурский) // Филол. науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 9: в 2 ч. Ч. 2.

Штурман Д. Городу и миру. О публицистике А. И. Солженицына. Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1988.

References

Agurskii M. Mezhdunarodnoe znachenie «Pis'ma k vozhdyam» // Vestnik russkogo khristianskogo dvizhenie. Parizh; N'yu-Iork; Moskva, 1974. № 112 – 113.

Medvedev R. Chto zhdet nas vpered? (O «Pis'me» A. I. Solzhenitsyna) // Dialog. 1990. № 4.

Saraskina L. I. Aleksandr Solzhenitsyn. Seriya «Zhizn' zamechatel'nykh lyudei: Biografiya prodolzhaetsya». M., 2008.

Shturman D. Gorodu i miru. O publitsistike A. I. Solzhenitsyna. Parizh; N'yu-Iork: Tret'ya volna, 1988.

Solzhenitsyn A. I. Publitsistika: v 3 t. Yaroslavl', 1995 – 1997. T. 1: Stat'i i rechi. Yaroslavl', 1995.

Surovtseva E. V. A. I. Solzhenitsyn i A. D. Sakharov: diskussiya vokrug «Pis'ma vozhdyam Sovetskogo Soyuz» i ee vospriyatie v emigrantskoi pechati (M. Agurskii) // Filol. nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2014. № 9: v 2 ch. Ch. 2.

Surovtseva E.V. (Moscow state university of M.V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation)

A.I. Solzhenitsyn and R. Medvedev: discussion of “Letters to leaders of the Soviet Union” and its comprehension in migrant press (M.Agursky)

This article describes the special epistolary genre - a genre of “letters to the leader”; it briefly analyzes the letter of declaration by Alexander Solzhenitsyn “Letter to the Leaders of the Soviet Union” (a kind of “lesson for tsars”) and his polemic with R.A. Medvedev concerning the text. Solzhenitsyn and Medvedev are different in their views on the current ideology, the national problem in the democratization of the country, on religion, on the nature of Marxism, on the military-industrial complex and the threat of war on the fate of the Russian people in the XX century, on the technical and economic progress and the planet’s resources. Despite the fact that Medvedev agrees with some private aspects of Solzhenitsyn, in general he evaluates the “Letter to the Leaders of the Soviet Union” as an extremely negative and realizing the scale of the Solzhenitsyn’s individual he believes that he adheres to the backward views. Solzhenitsyn serves as a believer, Medvedev - as a Marxist and an atheist. We have also considered the perception of controversy of Solzhenitsyn and Medvedev by M.Agursky.

He believes that Solzhenitsyn criticized Marxism in principle that denies the moral and concludes that “over time, the view expressed by Solzhenitsyn, will gain more and more supporters, despite the fact that small number of people share it”. The article by Agursky reflected high evaluation of “Letters” by Solzhenitsyn, recognition of the importance of this text for understanding the fate of Russia in the past and in the present.

Key words: *epistolary literature, “the letter to the leader,” Russian literature, censorship, literature and power, Alexander Solzhenitsyn, R.A. Medvedev.*

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna – Moscow state university of M.V. Lomonosov, faculty of philology, laboratory of general and computer lexicology and lexicography. Candidate of linguistics, professor of Russian academy of natural science, senior scientific worker. E-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

УДК 821.1 61.1+394+087.5
ББК 83.3(2)+83.8

О.С. Батова

АРХЕТИП ОТЦА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ПАНТЕЛЕЕВА

В статье сделан акцент на рассмотрении мифопоэтического «пласта» произведений Л. Пантелеева. В работе прослеживается взаимосвязь исторического времени и архетипа Отца, представленного в религиозном и гендерном контекстах.

Ключевые слова: *архетип, идея отцовства, Отец, гендер, феминизация.*

Батова Ольга Сергеевна – аспирант кафедры литературы Волгоградского государственного социально-педагогического университета
Тел.: 8-917-645-47-95
E-mail: reutolga@yandex.ru.

Отечественная критика XX в. трактовала произведения известного советского писателя Л. Пантелеева в рамках социологического или педагогического подходов¹. Иное прочтение в силу известных причин было практически невозможно, поэтому представляется оправданной попытка при изучении литературного наследия писателя сделать акцент на мифопоэтическом «пласте», а именно на архетипе Отца, проходящем красной нитью через все творчество писателя.

По мнению К.Г. Юнга, отец – это «auctor и авторитет, а потому закон и государство» [Юнг, с. 36], он является «всеобъемлющим образом Бога, динамическим принципом» [Там же]. Существуют различные подходы к трактовке архетипа Отца: мифолого-архетипический, восходящий «к коллективному бессознательному (прародитель, праотец, отец рода человеческого)» [Семикина, с. 129], исторический (отец нации), социокультурный, религиозный, гендерный и др. В данной работе мы акцентируем внимание на двух последних подходах, которые представлены в произведениях Л. Пантелеева. Заметим, что все вышеперечисленные трактовки зависят от взглядов и ценностей, преобладающих в обществе на том или ином этапе его развития. Конкретное историческое время может активизировать целое поколение мужчин с одинаковой жизненной направленностью [Болен]. Так происходит в эпоху общественных катаклизмов, войн и революций, когда на смену родству по крови приходит родство по духу, когда

отвергнутый семейный очаг заменяется жертвенным служением идее. Довольно часто разрушение семейных связей мы наблюдаем и в произведениях Л. Пантелеева, во многих из них актуализируется ситуация потери родного отца. Достаточно вспомнить Маринку («Маринка»), Матвея Капитоныча («На ялике»), Коську («Портрет»), детей из записок писателя «В осажденном городе». Особенно многочисленна плеяда персонажей-сирот в повести «Республика ШКИД». Так, например, Колька Громоносцев в пять лет «потерял отца, а позже и мать» [т. 2, с. 30]; «Панькин отец был умный и свободомыслящий: он принадлежал к местному социал-демократическому кружку. За это он был отстранен от должности учителя, проще сказать – выгнан. Он целиком отдал себя революционному делу, семья же голодала, дети росли... В 1917 году Панькиного отца убили на улице казаки» [Там же, с. 226]; Янкель вовсе не помнит отца: «Иногда что-то смутно промелькнет в его мозгу... Он сидит на гробу высоко над всеми, а за ними идут мать, бабушка и кто-то еще, кого он не знает... Больше он ничего вспомнить не мог. Кузница дворовая с пылающим горном стала его отцом» [Там же, с. 39].

Лишенные заботы родителей, ребята не могут в полной мере открывать для себя «государство, закон, долг, ответственность и разум» [Юнг, с. 36], поэтому постепенно «место отца начинает занимать человеческое общество» [Там же], причём герои Л. Пантелеева зачастую попадают в специфический воровской мир, где ими руководят криминальные авторитеты, т. е. происходит «не просто замена, а уже связанная с родителями действительность, проникшая благодаря родительскому первообразу в душу ребенка» [Там же]. Блуждающие по стране мальчишки предоставлены сами себе и думают только о собственном благополучии, мечтая стать лучшим вором.

Впоследствии, когда шкидцы попадают с улицы в школу им. Ф.М. Достоевского, настоящим родителем, воплощающим идею «Небесного отцовства», для них становится заведующий – Виктор Николаевич Сорокин. В этом образе идея отцовства реализуется в религиозном аспекте. Дело в том, что подлинный отец не следует культу силы, ведь «Творец создал людей не для того, чтобы повелевать и помыкать ими. Сотворение человека было актом именно Отцовской любви. Ради нее человек создан по образу и подобию Божию, то есть и бессмертным, и свободным. С первых и до последних страниц Библия свидетельствует о Боге не как о Хозяине, Повелителе, а именно как о любящем Отце» [Краснов, с. 28]. Викниксор, став главой республики ШКИД, создаёт своеобразную метафорическую семью. «Принятие ребенка в семью, желание согреть его лаской – богоугодное дело, но таковым оно может быть лишь для тех, чей образ жизни может стать достойным примером для других» [Савина, с. 46]. Педагог понимает, что ребята преступили Божии Заповеди под воздействием сложившихся обстоятельств, поэтому он старается обнаружить в душе каждого из воспитанников доброе зерно, тем самым укрепив «нити» духовного родства: например, у Николая Громоносцева Викниксор отмечает математический талант, а у

Гришки Черных – даровитость художника. В эпоху войн и революций именно Викниксор воплощает идею «Небесного отцовства», как и Отец в притче о блудном сыне, он не может не простить своих воспитанников и не способствовать их нравственному преобразению.

Любовь и милосердие Викниксора находят выражение в неравнодушном отношении к духовным потребностям ребят. Причем отеческое отношение Викниксора к воспитанникам «диктуется не юридическими (правовыми) рамками Закона, но имеет совершенно иной подтекст. Мы видим... христианскую помощь неимущему и нуждающемуся. Возникает новое – во Христе – благодатное единение людей» [Есаулов, с. 18]. Разумеется, не все педагоги руководствуются идеями любви и милосердия, некоторые взрослые стремятся в ШКИДу только затем, чтобы получить паёк и трудовые книжки: «пайкоеды, или слабовольные, приходили, осматривались день-два и убегали прочь, чувствуя свое бессилие перед табуном задорных и дерзких воспитанников» [т. 2, с. 72]. В сердце же Викниксора живёт подлинная любовь к ближнему, а значит, и любовь к Богу [Иов, гл. 1 – 5, 37 – 42]. Именно он является для шкидцев настоящим авторитетом. Достаточно вспомнить признание Коли Громнощцева, ставшего студентом сельскохозяйственного техникума: «Викниксор хорошо сделал, что определил меня сюда. Передайте ему привет и мое восхищение перед его талантом предугадывать жизнь, находить пути для нас» [т. 2, с. 393].

Идею «Небесного отцовства» воплощает и герой рассказа «Портрет» дядя Костя, по прозвищу Борода, который принимает сироту Коську в свою семью. Несмотря на то, что у Бороды тяжелое прошлое (в царское время он прошёл через каторгу), герой Пантелеева открывает свое сердце и полностью доверяет беспризорному мальчику, полагая, что тяжелые времена не вытеснили из души ребенка совесть и порядочность: «Костя! Ключ на том месте, где ты вчера выйти хотел. Заходи, пей чай, шамай. Сахар на полочке. Наколи дров, если умешь» [т. 1, с. 408]. Борода думает не только о материальных, но и о душевных потребностях ребенка, зная, что Коська лишен и родителей, и обучения, и многого другого.

В тех же произведениях Л. Пантелеева, в которых не актуализируется ситуация потери родителя, образ главы семейства реализуется в гендерном контексте «отцовское – материнское». Такое воплощение архетипа Отца мы встречаем в дневниковых записях писателя «Наша Маша», посвященных его дочери. Заметим, что помимо традиционной роли главы семейства, Пантелеев проявляет по отношению к Маше свойства, присущие скорее женщине-матери. Считается, что женщина, оставаясь «преимущественно в рамках роли жены / матери... передает свои ролевые навыки и ожидания, свой образ жизни следующему поколению с большей вероятностью, чем отец» [Чодороу, с. 208]. Хотя у Маши есть любящая и заботливая мать, судя по дневнику писателя, именно отец в большей степени, чем Элико, воспитывает дочку.

Усиление женского начала в образе родителя мужского пола можно объяснить тем, что с изменением социального мира меняются и нормативные ценности отцовства. В недалёком прошлом социокультурный канон, характерный для патриархального общества, выдвигал на первое место властность и суровость как антитезу и «дополнение материнской любви» [Кон]. Достаточно вспомнить автобиографическую повесть Л. Пантелеева «Ленька Пантелеев», в которой перед нами предстаёт образ главы семейства, наделённого строгостью, а порой и жестокостью. Отец мальчика явно противопоставлен доброй и спокойной матери: развивая в сыновьях храбрость, он «совсем маленькими сажал их на большой платяной шкаф, стоявший в прихожей. Мальчики плакали, орали, мать плакала тоже. Отец сидел в кабинете и поглядывал на часы. Эти «уроки храбрости» длились пятнадцать минут» [т. 1, с. 39]. Однако, несмотря ни на что, сын «страстно любил, так горячо обожал» [Там же, с. 50] отца. Любые отстранения от подобного образа воспринимались мальчиком как нечто необычное и непривычное. Однако в современном мире «отцовская любовь и тепло» [Кон], становятся более эффективными средствами «воспитания, чем строгость и телесные наказания» [Там же]. Поэтому не случайно неукоснительные требования и запреты по отношению к ребёнку вызывают у автора записок сомнения и рефлексии: «И все как будто правильно. Проявили настойчивость, твердость. Наказали. Проучили. А меня не оставляет ощущение сделанной ошибки» [т. 4, с. 107].

Разумеется, «многие мужчины формируют свои отцовские цели и методы в зависимости от собственных детских воспоминаний, подражая своим отцам или, напротив, желая исправить их недостатки. В эстафете отцовского опыта действует как механизм подражания (отец или дед как ролевые модели), так и критическая переработка отрицательного опыта (сын хочет быть лучше своего отца и избежать его ошибок)» [Кон]. Л. Пантелеев, вспоминая о своем отце («Отец на всю свою короткую жизнь зарядился, пропитался хорошими манерами и требовал, чтобы и мы их соблюдали» [т. 4, с. 128]), старается воспринять его опыт воспитания и научить азам хорошего поведения и свою Машу.

Феминизация мужского сознания представлена и в других произведениях Л. Пантелеева. В рассказе «Карусели» читатель вновь встречается с отцом и его дочкой Машей, которые по-прежнему проводят много времени вместе. Любящий родитель с удовольствием включается в игру с девочкой, хотя занятия с ребёнком женского пола – занятие, традиционно присущее матери семейства. В рассказе «Настенька» архетип Отца реализуется также в гендерном аспекте, но только по отношению к другим детям. Рассказчик грустно иронизирует по поводу родителя, который выполняет любые капризы своей избалованной дочурки: «Ведь по всему видно, что капитан человек храбрый. Не один раз небось водил он в атаку роты и батальоны, десятки, а может быть, и сотни, и тысячи людей подчинялись его слову, его приказу. А тут перед четырехлетней пигалицей этот герой теряется, робеет, отступает по всему фронту» [т. 3,

с. 280]. Приём градации актуализирует авторскую мысль о плодах по-добного воспитания: «Нет, дорогой капитан, боюсь, не успеется! Боюсь, придет время, и сядет эта милая сероглазая Настенька на шею папегенералу и маме-генеральше, и всем близким, и всему роду человеческому...» [Там же].

Таким образом, рассмотрев произведения Л. Пантелеева, можно прийти к выводу о том, что архетип Отца проходит через все творчество писателя. Воплощение данного архетипа зависит от исторического времени, в котором живут персонажи писателя. В произведениях, актуализирующих ситуацию потери родного отца в связи с социальными катаклизмами, данный архетип реализуется в религиозном контексте, воплощающем идею «Небесного отцовства». В повестях и рассказах, действие которых происходит в мирное время, архетип Отца представлен в образе главы семейства в гендерном контексте «отцовское-материнское».

Примечания

¹ Рассмотрению произведений Л. Пантелеева в рамках социологического или педагогического подходов посвящен ряд работ:

Ивич А. Воспитание поколений? о сов. литературе для детей: 4-е изд. М., 1969. 464 с.

Путилова Е. О... Началось в республике Шкид: очерк жизни и творчества Л. Пантелеева. Л., 1986. 126 с.: ил.

Сарнов Б. Л. Пантелеев: критико-биограф. очерк. М., 1959. 127 с.

Литература

Болен Дж. Ш. Боги в каждом мужчине: архетипы, управляющие жизнью мужчин / пер. Е. Мирошниченко. ИД «София», 2005. – URL: <http://www.psylib.org.ua/books/bolen02/index.htm> (дата обращения: 09.11.2014).

Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе / Петрозаводск, 1995. – URL: http://russian-literature.com/sites/default/files/pdf/kategorija-sobornosti-v-russkoj-literature_0.pdf (дата обращения 09.11.2014).

Кон И. С. Кризис отцовства и вертикаль власти // Русский Глобус: Международ. интернет-журн. 2010. № 2. – URL: <http://www.russian-globe.com/N96/Kon.KrizisOtsovstvaIVertikalVlasti.htm> (дата обращения? 09.11.2014).

Краснов М. А. Глава государства: рецепция идеи «отцовства» // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 27 – 38.

Пантелеев Л. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1: Ленька Пантелеев. Первые рассказы. Л., 1970. 479 с.: ил.

Пантелеев Л. Собр. соч.: в 4т. Т.2: «Республика ШКИД». Шкидские рассказы. Л., 1970.

Пантелеев Л. Собр. соч.: в 4 т. Т.3: Рассказы. Воспоминания. Дневники. Одноактные пьесы. Л., 1972.

Пантелеев Л. Собр. соч.: в 4 т. Т.4: Наша Маша. Литературные портреты. Л., 1971.

Савина Л. Н. Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX в. (Л.Н. Толстой «Детство», С.Т. Аксаков «Детские

годы Багрова-внука», Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Тёмы»): монография. Волгоград, 2002.

Семкина Ю. Г. Феномен «государственного отцовства» в современной женской прозе // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Филол. науки. 2013. № 1(76).

Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера: пер. с англ. М., 2006. 496 с. – (Гендерная коллекция. Зарубежная классика).

Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени – URL: http://books/pdf/1356634815_problemidushi.pdf (дата обращения: 09.11.2014).

References

Bolen Dzh. Sh. Bogi v kazhdom muzhchine: arkhetypy, upravlyayushchie zhizn'yu muzhchin / Dzh. Sh. Bolen; per. E. Miroshnichenko. – ID «Sofiya», 2005. – URL? <http://www.psylib.org.ua/books/bolen02/index.htm>. (data obrashcheniya: 09.11.2014).

Esaulov I. A. Kategoriya sobornosti v russkoi literature. Petrozavodsk: Izdvo Petrozavod. un-ta, 1995. – URL: http://russian-literature.com/sites/default/files/pdf/kategorija-sobornosti-v-russkoj-literature_0.pdf. (data obrashcheniya 09.11.2014).

Kon I. S. Krizis ottsovstva i vertikal' vlasti / I. S. Kon // Russkii Globus: Mezhd. internet-zhurn. 2010. № 2. – URL: <http://www.russian-globe.com/N96/Kon.KrizisOttsovstvaIVertikalVlasti.htm> (data obrashcheniya: 09.11.2014).

Krasnov M. A. Glava gosudarstva: retseptsiya idei «ottsovstva» // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2008. № 6. S. 27 – 38.

Panteleev L. Sobr. soch.: v 4 t. T. 1: Len'ka Panteleev. Pervye rasskazy. L.? Det. literatura, 1970.

Panteleev L. Sobr. soch.: v 4 t. T. 2: «Respublika ShKID». Shkidskie rasskazy. L., 1970.

Panteleev L. Sobr. soch.: v 4 t. T. 3: Rasskazy. Vospominaniya. Dnevnik. Odnokaknye p'esy. L., 1972.

Panteleev L. Sobr. soch.: v 4 t. T.4: Nasha Masha. Literaturnye portrety. L., 1971.

Savina L. N. Problematika i poetika avtobiograficheskikh povestei o detstve vtoroi poloviny XIX v. (L.N. Tolstoy «Detstvo», S.T. Aksakov «Detskie gody Bagrova-vnuka», N.G. Garin-Mikhailovskii «Detstvo Temy»): monografiya. Volgograd, 2002.

Semikina Yu. G. Fenomen «gosudarstvennogo ottsovstva» v sovremennoi zhenskoi proze // Izv. Volgogr. gos. pед. un-ta. Ser. Filologicheskie nauki. 2013. № 1(76).

Chodorou N. Vosproizvodstvo materinstva: psikhoanaliz i sotsiologiya gendera? per. s angl. M., 2006. (Gendernaya kolleksiya. Zarubezhnaya klassika).

Yung K. G. Problemy dushi nashego vremeni. – URL: http://books/pdf/1356634815_problemidushi.pdf (data obrashcheniya 09.11.2014).

Batova O.S. (Volgograd state social and pedagogic university, Volgograd, Russian Federation)
Father's archetype in L.Panteleev's creative work

This article gives an uncommon interpretation of works by L. Panteleev, which allows to pay attention to unexplored in the Soviet era ideas, themes, motifs, images of the writer, as well as to look differently at the known texts. Focus is concentrated on considering of myth and poetic "layer" of works by L.Panteleev. The paper presents the archetype of the Father, which is implemented in the religious and gender contexts. It is proved the importance of this archetype in the literary heritage of the writer. Special attention is paid to the time of action of the analyzed works which reflects the era of social collapses, wars and revolutions (novel "The Republic SHKID", story "Portrait"), and in peacetime (diaries of L. Panteleev "Our Masha" story "Caruseli" autobiographical novel "Lenka Panteleeva", story "Nastya"), which helps to understand and trace the relationship of historical time with the archetype of the Father. Of particular interest is the study of the feminization of the male characters in the author's mind, which makes it possible to see various embodiments of the archetype of the Father, and to present the most complete realization of the idea of fatherhood.

Key words: *archetype, idea of fatherhood, father, gender, feminization.*

Batova Olga Sergeevna – post-graduate student of literature dpt. Volgograd state social-pedagogical university. E-mail: reutolga@yandex.ru.

УДК 82-31
ББК 44*84 М-11

А.Х. Мусукаева

**О РОЛИ ЭТНО-
ФОЛЬКЛОРНЫХ
ТРАДИЦИЙ
В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ
РОМАНЕ
(Е. УРУЙМАГОВА
«НАВСТРЕЧУ ЖИЗНИ»)**

Исследуются роль и место художественно-этнографических и мифо-фольклорных традиций в жанре романа. Анализ проводится на материале произведения осетинской писательницы Е. Уруймаговой «Навстречу жизни». Подробно рассматриваются вопросы фольклорных и мифо-эпических мотивов в литературах региона, определяется воздействие этно-фольклорных традиций на творчество писателей. Роман «Навстречу жизни» анализируется в соотношении самостоятельных художественных систем – литературы и фольклора, при этом учитывается, что этно-фольклорные традиции в национальной романистике – один из способов обогащения её поэтики.

Ключевые слова: роман, миф, фольклорные традиции, художественный этнографизм, символика.

Мусукаева Анджелла Хамитовна – докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Института филологии Кабардино-Балкарского государственного университета
Тел.: 8(8552) 47-44-04; 8-938-692-73-43

© Мусукаева А.Х., 2015.

В данной статье мы ставим цель исследовать специфические особенности этно-фольклорных традиций в жанре романа северокавказских литератур периода 1960 – 1980-х гг., на материале романа Е. Уруймаговой «Навстречу жизни» (осетинская литература).

Этно-фольклорные истоки и традиции в северокавказской романистике привлекают внимание исследователей и, можно сказать, что фактически ни один из них не прошел мимо этой проблемы и специально, и в теоретических аспектах. Изучены и продолжают изучаться вопросы современных результатов воздействия этно-фольклорных традиций, их типологических трансформаций, а также творческого, современного прочтения культурного наследия в произведениях художников слова [Ш. Джикаев, 1972; Л. Бекизова, 1974; Ш. Дюмезиль, 1979; У. Далгат, 1981; Р. Бикмухаметов, 1983; Г. Гамзатов, 1986а; А. Мусукаева, 1993; М. Хачемизова, 2005; Л. Бекизова, 2008; и др.]. Этно-фольклорные традиции и шире – традиции народной культуры в прозе – актуальная проблема современного литературоведения, одна из своеобразных граней облика северокавказской романистики, один из способов и принципов обогащения ее поэтики, хотя концептуальная роль народной культуры прослежена на сегодняшний день в трудах исследователей гораздо меньше.

Речь не только о широком и целенаправленном использовании легенд, притч, сказаний, или обращении к народным верованиям, обрядам и т.д. Важно увидеть

и проанализировать их гуманистический смысл и проявить понимание того, почему во всех сложных перипетиях и событийных коллизиях главенствует человек, его деяния и мировидческий комплекс. Вне такого видения и понимания в диалоге литературы с народной культурой будет отсутствовать главное: причины и значение жизненности и неизбывности наследия, питающего письменное слово.

Остановимся прежде всего на проблемах фольклоризма.

Исследователями отмечается, что «наиболее очевидными формами фольклоризма выступает фольклоризм стилистически-речевой, фольклоризм поэтического строя литературного произведения и фольклоризм социально-этнографический» [Гамзатов, 1986б, с. 27]. Анализируя каждую из этих форм, способы и методы их использования в художественном произведении, можно видеть индивидуальные особенности таланта писателя, национальную почву, давшую толчок его дарованию, поэтические народные источники его творчества и, особенно, романного мышления.

Вопросы фольклоризма и мифопоэтического сознания особенно интенсивно исследуются в молодых литературах, где их влияние наиболее сильно. Проблемы эти анализируются как в теоретическом аспекте, так и специально, в историко-литературном ракурсе. И интерес этот закономерен, так как в нем заключено внимание к художественным традициям в целом, к генетическим духовным истокам художественного слова во всем их разнообразии и богатстве. Л. Якименко пишет: «исторический опыт народной жизни, отраженной в мифе, легенде, дает возможность с новых позиций взглянуть на действительность, приводит к обостренному осознанию процессов, происходящих в современной жизни» [Якименко, с.103].

Литературы Северного Кавказа уже на первых этапах своего развития взяли на вооружение художественное разнообразие и богатство родного фольклора, включив в свою орбиту как эпические, так и малые жанры. В нартском эпосе масштабность изображения, восходящая к космическим, вселенским масштабам, богатырским (нартским) подвигам героев, тесно сочеталась с бытописанием, обращенным к злобе дня, и этот принцип на первых порах многие писатели положили в основу романного изображения.

В творчестве каждого писателя в той или иной степени сохраняются результаты воздействия этно-фольклорных традиций.

Рассматривая произведения современной романистики, следует говорить о широком влиянии фольклора, о типологической трансформации его традиций, наконец, о творческом, умелом использовании их в произведениях многих художников слова. Этно-фольклорные традиции и шире – традиции народной культуры в современной литературе – одна из своеобразных граней художественного облика северокавказской романистики, один из способов обогащения ее поэтики. «Фольклор объемлет богатейший комплекс идейно-эстетических представлений народа» – пишет У. Далгат, [с. 11], и один из первых плодотворных ре-

зультатов соприкосновения его с литературой – постижение этих представлений.

Обращение к этно-фольклорным традициям нередко трактуется с точки зрения «вспомогательной»: фольклор – подспорье литературы, первая ее ступень в художественном освоении мира. Но следует, вероятно, помнить о том, что фольклор и литература – два разных и самостоятельных художественных мира, две системы, и поэтому нельзя ограничивать как значение художественного опыта фольклора для литературы только первыми периодами ее становления, так и видеть его только стимулирующую роль. Опыт его важен всегда, но на каждом этапе литература по-своему взаимодействует в нем. Творческая активность фольклора несомненна и в современной литературе, когда мы встречаемся с новым осмыслением мифов, легенд, сказаний и т.д. К примеру, образцом взаимодействия мифологических представлений с современным взглядом можно считать известную легенду о Манкурте и его матери (Ч. Айтматов «И дольше века длится день...»).

Нартский эпос для народов Северного Кавказа – первая стадия художественного освоения действительности. Как отмечает Р. Фидарова, он «для древних людей был синтезом всех ранних форм общественного сознания. В нем воплотились этнические, эстетические, религиозные, философские представления, семейно-нравственные и общественные идеалы многих поколений, их мечты и надежды» [Фидарова, с. 74]. В эпосе народов Кавказа немало общих тем, сказаний, есть общие герои в адыгском (адыгейско-кабардино-черкесском), осетинском, абхазском, карачаево-балкарском эпосе.

Происхождение мифологических героев у разных народов разнообразно: из пламени, из камня, из воды, из ореха и т.д. Известно о волшебном рождении Сосуко из камня. Интересно, что в «Сказках и мифах Океании» также приводится пример чудесного рождения одного из популярных героев мифа – Квата. Его мать «была камнем на дороге. Камень раскололся, и из него вышел Кват» [Мифы народов мира, с.133]. Немало идентичных примеров можно найти и в других мифах и сказках народов мира.

В лучших романах северокавказского региона 50-60-х годов (Ж. Залиханов, А. Кешоков, Д. Костанов, И. Машбаш, Х. Теунов, Е. Уруймагова, А. Шортанов) мифологические, фольклорно-этнографические сюжеты и темы трансформируются. Мы редко встретим «прямое» включение фольклорного сюжета в произведение, оно выглядело бы инородным, будучи внесенным в художественное повествование насильно, с определенной и плохо завуалированной целью. Фольклорные сюжеты, темы, символы, народные обычаи, обряды вводятся в большинстве случаев органически в тематическую, сюжетно-композиционную плоть романа, т.е., можно сказать иначе – фольклорно-этнографические мотивы в романах – это та художественная почва, на которой разворачивается изображение.

Обнаруживая этно-фольклорные мотивы или фольклорную символику в том или ином литературном произведении, мы не считаем свою задачу выполненной. Близость и совпадения еще не свидетельствуют о глубине и значимости фольклоризма в литературе. И не всегда примеры совпадений можно рассматривать как генетическую связь устного народного творчества и письменной литературы. Реальное, фактическое влияние фольклора на литературу значительно шире этих материализующихся в письменной литературе и легко поддающихся «вычислению» фольклорных конструкций, художественных приемов, средств и т.д.

Роман Е. Уруймаговой «Навстречу жизни» – одно из наиболее значительных произведений не только осетинской, но и всей северокавказской романистики. «Композиционное своеобразие романа определяется его проблематикой. Используя прием антитезы, автор строит свое произведение вокруг двух тематических центров и развивает события по двум сюжетным линиям, которые перекликаются между собой» – отмечается в «Очерках истории осетинской литературы» [Очерки истории..., с. 276].

Первая и основная сюжетная линия романа Е. Уруймаговой «Навстречу жизни»¹ – стремление народных масс к освободительной борьбе, формирование их сознательности. Тема народа решается в романе не только образами отдельных борцов, но и яркими массовыми сценами, отражающими общий рост сознания крестьянства. Массовые сцены складываются из десятков кратких, но емких описаний человеческих судеб, характеров, настроений, т. е. народная масса в романе не однородна, не безлика, она имеет четко определенную историческую, политическую, художественно-психологическую характеристику. В качестве одного из примеров можно привести сцену отправки политических заключенных в Сибирь, в которой дается емкая психологическая характеристика многих героев: это Михеич с Сашенькой, и невестка Сафы Абаева Сурат, это и крестьяне-горцы, делящиеся скудными припасами, и казачка, проклиная конвоиров: «Окрики полицейских, звон кандалов, надрывный стон, плач, рыдания – и среди всего этого бодрые слова Сергеева: «Товарищи, не оплакивайте нас... придет час и нашего торжества»².

Вторая сюжетная линия романа – деградация класса имущих, чья судьба неизбежно предрешена историческими событиями начала XX в. Тема вымирания, распада в романе воплощается описанием судеб двух семей «власть имущих» – Санянт Гуларовой и Сафа Абаева. Образом Санянт, гибелью ее семьи роман «Навстречу жизни» перекликается с классическими произведениями русской литературы XIX в., в частности с романом М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы». В. Гоффеншефер также отмечал в свое время, что роман «Навстречу жизни» образной системой близок произведениям русской и советской классики, приводя в качестве примера произведения А.Н. Островского, А.М. Горького.

Арина Петровна Головлёва и Санянт Гуларова – близкие друг другу по духу люди. Все свои силы, любовь, жизнь они отдают одной цели – на-

копительству, но время неумолимо, и они теряют и богатство, и наследников, для которых это богатство копилось. Философское кредо Саният раскрывает её высказывание: «Люди – волки. Они стараются растерзать тех, кто слабее... Деньги дают власть, а власть даёт силу...».

Одним из наиболее ярких характеров в романе является Темур Савкуев, представитель дур-дурских крестьян, выселенных с родных земель помещиком Тугановым. Судьба Темура – типична для обездоленных крестьян, именно поэтому он оказывается втянутым в водоворот крупных событий в жизни осетинского народа. Уход героя в абреки вызван ситуациями личного, семейного характера, но дальнейшее развитие событий приводит его к выводу, что есть вещи важнее личной мести. Дальнейший путь борца-одиночки писательницей намечается определенно: это будущий организатор и руководитель народных масс, твердо знающий методы борьбы и ее конечные цели. Но не столь все просто в художественном решении сложного, порой противоречивого «образа Темура». В романе художественно обнаруживается процесс формирования, мужания героя: от абрека до сознательного борца.

В романе «Навстречу жизни» особенности сюжетно-композиционного построения романа определяются той глубиной и масштабностью исследования событий, которые воссоздает художник слова. Знание жизни простого народа, крестьянской деревни, сложности и специфики взаимоотношений в горской семье, в быту, охват многих социальных слоев общества, проникновение в воссоздаваемое время и среду способствовали появлению глубоко реалистического и эпического полотна. Проблемы многогеройности и многоплановости романа были решены Е. Уруймаговой на высоком художественном уровне.

Представителей народных масс автор наделяет лучшими чертами: они горды, независимы, честны, справедливы. Так, характер независимой крестьянки создан автором в образе Разият: она горда даже своим по-крестьянски бедным положением, у неё золотые руки горянки, у которой «от вечерней зари до утренней... черкеска на тридцати крючках бывает готова...». Габо, стремянный помещика Туганова, сразу почувствовал на себе независимый характер Разият, лишь заговорил о том, что она нравится помещику Амурхану: «Предложите помещику свою сестру, а если не считаете зазорным говорить такое мне, замужней женщине, так предложите своей жене», – прервала она Габо, зардевшись от стыда». Трагична судьба Разият, как была трагична судьба простой крестьянки в то время. В романе создано несколько женских образов, разных по социальному положению, по характеру, по жизненному пути. Это Саният Гуларова, Сурат и Лидия Ивановна – невестки Сафа Абаева, Разият, женщины – казачки, крестьянки – осетинки, и, наконец, это – Залина. Именно ее образом автор прослеживает борьбу женщины – горянки за свое место на земле, за свою судьбу. Образ Залины – одно из наиболее значительных художественных достижений в романе. Ей свойственны острое чувство добра и справедливости: даже попав в дом Абаевых, став женой Владимира, Залина не примеряется, ищет новые пути борьбы.

В романе «Навстречу жизни» изображение народных обычаев, обрядов и поверий занимает значительное место.

Картины выселения дур-дурских крестьян с родных мест трагичны и реальны: «И поднялось село Дур-Дур с насиженного веками места, и огласился вечерний воздух стонами проклятья... Арбы, наполненные крестьянским скарбом: тюфяками, корытами, ситами, овчинными полушубками; дети, засунутые между подушками и одеялами; больные с запрокинутыми назад усталыми головами; тревожный собачий лай, блеяние овец, мычание коров, скрип сухих колес, детский крик, женские проклятия, глухие окрики мужских голосов – все это было словно во сне.»

Органичны в этой суровой картине жизни мотивы народных обычаев.

«Невысокая полная женщина, распустив седые волосы, била себя то в грудь, то по щекам и продолжала голосить: «Одеть бы вам, нашим мужьям и сыновьям, вместо шапок мужских платки бабьи за то, что не нашли в себе отваги мужской отстоять очаги наши и цепь надочажную». Картина, рисующая женщину с распущенными волосами и проклятиями, типична для траурных ситуаций у осетин. Осетинские женщины, как и женщины других народов Северного Кавказа, не принимали участия в общественной жизни общины, но их мнение, а часто и подстрекательная роль были определяющими. Именно они зачастую заставляли мужчин не идти на компромисс в кровной вражде, не прощать обидчикам, кровью мстить за притеснения и угнетения.

Е. Уруймагова далее уже научно объясняет, почему в словах героини прозвучала эта необходимость обратиться к «надочажной цепи»: «надочажная цепь – железная цепь над очагом для подвешивания котла, считавшаяся у осетин священным предметом, символом устойчивости семьи, фамилии». С центральным жилищем, являющимся организующим центром семьи, связывались у народов Кавказа домашний очаг и культ предков. Именно очаг и связанные с ним праздники и церемонии объединяли семью, делали ее стойкой перед разрушительными силами исторического процесса. В связи с поклонением огню народы Кавказа почитали и надочажную цепь. «Очаг и цепь, – читаем у Н.И. Березина, – священные предметы. Это символы семьи и рода. Во многих местах клянутся и присягают, касаясь рукой цепи, ее же целует новобрачная, вступая первый раз в дом мужа» [Березин, с. 16].

Об особом отношении горцев к надочажной цепи, котлам и другим принадлежностям очага свидетельствует высказывание М.М. Ковалевского: «Ни одна семья, несмотря на крайнюю нужду, не решится продать эти вещи, которые, по их мнению, настолько же священны, как и могилы предков» [Ковалевский, с. 326].

В случае раздела большой семьи и выделения сыновей, старший в семье обращаясь к культу предков, просил на то согласия, после же выделения новой семьи огонь из отчего очага переносили в новый. Гор-

цы считали, что этим поддерживается связь поколений, продолжается жизнь и процветание семьи и фамилии [Лонгворт].

С понятиями отчего дома, домашнего очага связывался и культ старших в роду, фамилии. К старшим относились как к хранителям родовых, семейных и фамильных традиций, считали их нравственной опорой общества и носителями культурных ценностей. Не случайно у горцев бытует пословица: «Без старшего в доме плохо горит огонь». Старшие были главами семейств, фамилий, входили в состав старейшин сельских общин [Ковалевский, с. 549]. Не случайно положение старших глав семейств дало основание этнографам назвать позднюю северокавказскую большую семью «отцовской». Глава такой семьи обладал неограниченной властью, единолично управлял хозяйством, определял обязанности каждого члена семьи, решал их судьбы, и все это Е. Уруймагова анализирует в романе «Навстречу жизни». Она подчеркивает, что уважительное отношение к очагу, к старшему, к традициям семьи воспитывало чувство родины у горцев. Своеобразное художественное решение в северокавказском романе обретает институт гостеприимства. В романах А. Шортанова «Горцы» (1953), Ж. Залиханова «Горные орлы» (1961), А. Кешокова «Вершины не спят» (1965), «Сломанная подкова» (1973), гостеприимство становится обязательным атрибутом детализации национальной действительности. Е. Уруймагова обращается к одному из аспектов института гостеприимства.

Как должна поступить хозяйка, если в момент прихода гостей мужа нет дома? Гостей могла принять старшая женщина в доме (свекровь) или мужчина – работник. Если же таковых не было, хозяйка, извинившись, должна была отказать в приеме: «Извините, но главы семьи нет в доме, поэтому не могу Вас принять». Героиня Е. Уруймаговой Разият именно так встречает Габо, когда он приходит в дом Темура: «Дела ваши да будут добрыми, – ответила она на приветствие, продолжая стоять у порога. – Мужа нет дома, потому и не зову», – добавила она, «не отходя от порога». Но Уруймагова показывает не просто соблюдение или несоблюдение этикета гостеприимства, традиционные детали народного этикета вплетаются в изображение сложного времени, социальных проблем, человеческих взаимоотношений, конкретизируют изображение, наполняя его дыханием реальности. И поэтому уже с первых страниц читатель обнаруживает четкую расстановку социальных «сил»: Габо – не просто чужой мужчина, он стремянный помещика Туганова, враг Темура, отсюда и соответственное отношение к нему Разият.

Изображение подробностей быта народной жизни, вековых традиций и обычаев – существенная черта романа, свидетельствующая не только о знании писательницей их нравственной и социальной сути, но и значительно повышающая художественный потенциал произведения, его воспитательное значение, которое исследователи, как правило, ранее связывали с идеологическими факторами.

Роман Е. Уруймаговой «Навстречу жизни» становится своеобразной вершиной развития национального романа 1950 – 1960-х гг. Этно-

фольклорные традиции, подробные описания народных обычаев, символика не являются самоцелью, это компоненты, благодаря которым возникают и художественное богатство, и своеобразие жанра. Здесь можно повторить мысль о том, что художественный этнографизм, этнофольклорные традиции создают живой колорит национального бытия, его специфику.

Богатый этнографический материал в сочетании с фольклорными мотивами и разнообразными способами их применения создают полную картину описываемой национальной жизни. Они дают веский повод для философских размышлений о месте человека на земле, о его; назначении, существуют в тесном сочетании с социальными, историческими и философскими проблемами.

Примечания

¹ «Навстречу жизни» – это роман-трилогия. Первая книга издана в 1948 г., вторая – в 1958, роман остался незавершенным в связи со смертью писательницы.

² Цитаты даны по изданию: *Уруймагова Е.* Навстречу жизни. Орджоникидзе, 1970.

Литература

- Бекизова Л.* Литература в потоке времени. Черкесск, 2008.
Бекизова Л. От богатырского эпоса к роману. Черкесск, 1974.
Березин Н. Кавказ. Петербург, 1919.
Бикмухаметов Р. Орбиты взаимодействия. М., 1983.
Гамзатов Г. Взаимодействие литературы и фольклора: проблемы и суждения // Взаимосвязи фольклора и литературы народов Дагестана. Махачкала, 1986а.
Гамзатов Г. Преодоление, становление, обновление: на путях формирования дагестанской литературы. Махачкала, 1986б.
Далгат У. Литература и фольклор. М., 1981.
Джикаев Ш. Фольклор и осетинская советская поэзия. Орджоникидзе, 1972.
Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1986, т. 1
Лонгворт Дж. Год среди черкесов. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв., Нальчик, 1974.
Дюмезиль Ш. Осетинский эпос и мифология. М., 1979.
Мифы народов мира: в 2 т. Т. 2. М., 1988.
Мусукаева А. Северокавказский роман. Художественная и этно-культурная типология. Нальчик, 1993.
Очерки истории осетинской литературы. Орджоникидзе, 1967.
Уруймагова Е. Навстречу жизни. Орджоникидзе, 1970.
Фидарова Р. Развитие художественного сознания народов Северного Кавказа и проблема характера // Вопросы осетинской литературы и фольклора. Орджоникидзе, 1984.
Хачемизова М. Художественный мир Тембота Керашева. Майкоп, 2005.

Якименко Л. Границы и возможности // ВЛ. 1978. № 11.

References

- Bekizova L. Literatura v potoke vremeni. Cherkessk, 2008.
 Bekizova L. Ot bogatyrskogo eposa k romanu. Cherkessk, 1974.
 Berezin N. Kavkaz. Peterburg, 1919.
 Bikmukhametov R. Orbitsy vzaimodeistviya. M., 1983;
 Dalgat U. Literatura i fol'klor. M., 1981.
 Dyumezil' Sh. Osetinskii epos i mifologiya. M., 1979.
 Dzhikaev Sh. Fol'klor i osetinskaya sovetskaya poeziya., - Ordzhonikidze, 1972.
 Fidarova R. Razvitie khudozhestvennogo soznaniya narodov Severnogo Kavkaza i problema kharaktera // Voprosy osetinskoi literatury i fol'klora. - Ordzhonikidze, 1984.
 Gamzatov G. Vzaimodeistvie literatury i fol'klora: problemy i suzheniya. // Vzaimosvyazi fol'klora i literatury narodov Dagestana. Makhachkala, 1986.
 Gamzatov G. Preodolenie, stanovlenie, obnovlenie: na putyakh formirovaniya dagestanskoi literatury. Makhachkala, 1986.
 Musukaeva A. Severokavkazskii roman. Khudozhestvennaya i etno-kul'turnaya tipologiya. Nal'chik, 1993.
 Khachemizova M. Khudozhestvennyi mir Tembota Kerasheva. Maikop, 2005.
 Kovalevskii M. Sovremennyyi obychai i drevnii zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii. M., 1986. T. 1
 Longvort Dzh. God sredi cherkesov. // Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv. Nal'chik, 1974.
 Mify narodov mira. V 2 t. T. 2. M., 1988.
 Ocherki istorii osetinskoi literatury. Ordzhonikidze, 1967.
 Uruymagova E. Navstrechu zhizni. Ordzhonikidze, 1970.
 Yakimenko L. Granitsy i vozmozhnosti. // VL. 1978. № 11.

Musukaeva A.H. (Kabardino-Balkarsky state university, Nalchik, Russian Federation)

On the role of ethnic and folklore traditions in North Caucasus novel (E.Uruymagova "Towards life")

The article "On the role of ethnic and folklore traditions in North Caucasus novel" is devoted to the study of the role and place of artistic, ethnographic and myth-folklore traditions in the genre of the novel. The analysis is carried out on the material of the Ossetian writer E. Uruymagova "Towards life". The paper discusses in detail folklore and myth and epic themes in the literature of the region and it is determined by the impact of ethnic and folk traditions in the work of writers. The novel "Towards Life" is analyzed in the ratio of independent art systems - literature and folklore, taking into consideration that the ethno-folk traditions in the national Romanist is one of the ways to enrich its poetics.

Key words: *novel, myth, folklore traditions, artistic ethnographism, symbolism.*

Musukaeva Andgella Hamitovna – Kabardino-Balkarsky state university, Institute of linguistics, Russian and Foreign literature dpt. Ph.D. of linguistics, professor. Head of Russian and Foreign literature dpt.

Tel.: 8(8552) 47-44-04; 8-938-692-73-43

УДК 82.091
ББК 83.3(2)

В.В. Рецов

**ИВАН АЯНОВ В РОЛИ
«НЕСРАВНЕННОГО
ЛЕПОРЕЛЛО»
(К ВОПРОСУ О ТЕМЕ ДОН
ЖУАНА В РОМАНЕ
И.А. ГОНЧАРОВА
«ОБРЫВ»)**

На основе анализа первых журнальных публикаций «Софья Николаевна Беловодова» (1860), «Портрет» (1861) и рукописных редакций романа «Обрыв» И.А. Гончарова прослежено развитие образа И.И. Аянова, связанного с формированием в итоговом романе писателя темы Дон Жуана. В результате проведенного исследования было выяснено, что донжуанская тема в романе претерпела определенные трансформации: от практически пунктирного упоминания в журнальных публикациях, через постепенное вкрапление в главах рукописных редакций первой части романа, до превращения ее в одну из ведущих тем в романе «Обрыв».

Ключевые слова: история создания романа «Обрыв», донжуанская тема, образ И.И. Аянова.

Рецов Василий Вячеславович – аспирант заочной формы обучения кафедры отечественной литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-918-58-28-620
E-mail: goustking@yandex.ru

© Рецов В.В., 2015.

Создавая роман «о страстях», И.А. Гончаров писал о том, что его авторское внимание принадлежит «неизбежным отношениям обоих полов между собой» [Гончаров, 1980, т. 6, с. 453]. Важные аспекты этих отношений, воплощенные в ключевом для европейской культуры образе Дон Жуана, были вновь актуализированы романтиками, в том числе русскими. В русской традиции наиболее ярким явился образ, созданный Пушкиным. Дон Гуана отличает не только особая личностная и эротическая, но и творческая энергия: «...У вас воображенье / В минуту дорисует остальное...» [Пушкин, с.19]. В силу стремления Гончарова к созданию типических образов он не мог обойти вниманием этого героя.

Образнеистового сладострастника появляется в последнем романе Гончарова уже в первой главе, когда Аянов говорит Райскому: «Ты просто – Дон Жуан!» [Гончаров, 1979, т. 5, с. 13]. Исследователи творчества Гончарова [Краснощекова, с. 383; Недзведский, с. 57; Мельник, 1985, с. 68; Молнар, с.376; Жан Бло, с.244 и др.] не раз обращались к трактовке писателем образа Дон Жуана и темы «донжуанства». В их работах роман «Обрыв» неизменно был в центре внимания, поскольку Борис Райский предстает в произведении «артистическим» Дон Жуаном.

Обратимся, однако, к тому герою романа, который первым отмечает в Райском свойства Дон Жуана. Образ И.И. Аянова рассматривался в науке о Гончарове в основном как образец авторской типизации [Мельник, 2012, с. 247;

Молнар, с. 402] или как пример создания автором «парадоксального и комического эффекта» [Гуськов, с. 297]. Но вследствие неочевидности мотивной взаимосвязи между Райским и его петербургским приятелем, Иван Аянов еще не упоминался в работах исследователей в контексте формирования донжуанской темы в романе «Обрыв».

Отметим, что эта тема в итоговом романе писателя не была новой для Гончарова. Сравнивая героя раннего очерка «Иван Савич Поджабрин» с героем последнего романа, М.В. Отрадин писал: «...В Райском и Поджабрине есть нечто общее: *донжуанство*» [Отрадин, с. 20]. Тот же исследователь утверждает: «Донжуанство – сквозная тема творчества Гончарова» [Там же].

Этим замечаниям предшествует озвученное еще в 1856 г. наблюдение А.В. Дружинина по поводу системы персонажей в очерке. Критик писал: «Что касается Поджабрин – этого петербургского Ловеласа <...> этот *комический сластолюбец* – очерчен великолепно г-ном Гончаровым. <...> Но кроме Ивана Саввича и его *несравненного Лепорелло* в рассказе г-на Гончарова есть много и других лиц, очерченных ловко и бойко... (Здесь и далее курсив наш. – В.Р.)»¹.

Критик отсылает здесь к неразлучной паре, актуализированной и сюжетом о Дон Жуане: хозяин и слуга. В творчестве Гончарова нередки эти отношения, определяющие свойства двух типологических персонажей. Однако присущая сюжету и образной системе предыдущих его произведений пара героев в романе «Обрыв» обретает иную, усложненную форму. Райский одинок, но, тем не менее, у него есть несколько условных «двойников». Таковым является Марк Волохов, что уже отмечалось исследователями [Краснощекова, с. 416; Старосельская, с. 56; и др.]. Но не менее содержательны отношения Райского и его петербургского приятеля Ивана Аянова. Образные и сюжетные взаимосвязи этих героев соотносимы с теми оценочными аспектами, которыми преисполнены отношения Дон Жуана и его слуги. Особенно выразительны они в пьесе Пушкина «Каменный гость», где именно Лепорелло не раз то в шутку, то всерьез и даже с испугом говорит Дон Гуану о нарушении им законов, влекущем главного героя к гибели. Пушкинский Лепорелло – шутник, который, в отличие от Дон Гуана, всегда видит, над чем можно и даже нужно шутить и над чем шутить непозволительно.

Иван Иванович Аянов является действующим лицом романа «Эпизоды из жизни Райского» с первых журнальных публикаций «Софьи Николаевны Беловодовой» (1860) и «Портрета» (1861), соотносимых по содержанию с первой, «петербургской» частью «Обрыва»². Заметим, что в ней уже содержатся основные тематические аспекты произведения, связанные с образом Райского: мечта героя о создании романа и его стремление пробудить жизнь в женщине. И Иван Иванович Аянов активно участвует в каждом из них.

Действие первой части романа начинается его фразой: «Не пора ли одеваться: четверть пятого! – сказал Аянов. – Да, пора, – отвечал Райский...» [Гончаров, 1979, т. 5, с. 10]. Однако Аянов не является слугой, да

и дружба между ним и Райским это, скорее, приятельство, основанное на общем деле, которым является «пробуждение» Софьи Беловодовой.

Закономерен вопрос: почему Аянов оказывается парой Райскому? Несхожесть персонажей очевидна, а об их взаимоотношениях в романе не рассказано, хотя приведена глава о юности Райского в Петербурге. Отметим, что в рукописи первой редакции главы первой части первой Гончаров намеревался объяснить приятельство участников сюжета. После реплики: «Не пора ли одеваться?...» – следовало авторское замечание: «Аянов сошелся с Райским случайно: Райский, по выходе из военной службы, поступил в тот же департамент, где был Аянов, и служил, то есть сидел, у него в столе» [Гончаров, 2008, т. 8, кн. 1, с. 121]³. В вариантах этой же редакции со знаком вставки на полях более подробно: «Аянов и Райский <сошлись где-то в свете> давно знакомы случайно и привыкли друг к другу также случайно: может быть отчасти еще и потому, что не похожи были друг на друга и каждый заинтересовался в другом тем, чего не было в себе. Это случается. Впрочем, они вовсе не были друзьями, а только короткими знакомыми... <...> Разговор у них почти всегда был спорный, чему виноват больше был Райский – в котором уживались невероятные крайности и противоречия...» (т. 8, кн. 2, с. 25).

Все эти дополнения оказались за пределами конечной версии романа, и остается неизвестно, как состоялось знакомство и как сложилось приятельство героев. Это не прояснено и в обширной биографии Аянова.

Результатом сокращений стало следующее: в романе «Обрыв» внимание читателя сосредоточено на основной сюжетной функции персонажа. Она присутствует и в журнальной публикации очерка «Софья Николаевна Беловодова», и в окончательном тексте. На первый взгляд, роль Аянова «проходная»: «Он <Райский> познакомился с ней <Софьей> и потом познакомил с домом ее бывшего своего сослуживца Аянова, чтобы два раза в неделю делать партию теткам, а сам, пользуясь этим скудным средством, сближался сколько возможно с кухней...» [Гончаров, 1979, т. 5, с. 24]. Но, на самом деле, в этом эпизоде Аянову фактически отводится роль Лепорелло, отвлекающего «публику», в то время как Дон Жуан-Райский стремится обольстить или, как в романе, «пробудить», «раскрыть» красавицу⁴. Такое амплуа главного героя позволяет рассматривать и образ Аянова в контексте творческой интерпретации Гончаровым традиционного сюжета о Дон Жуане.

При этом образ Дон Жуана не упоминается на страницах первых журнальных публикаций романа, несмотря на ряд мотивных переключек повествования с классическим сюжетом о «севильском обольстителе». В очерке «Софья Николаевна Беловодова» (1860) отсутствуют первая и пятая главы, которые есть в первой части окончательной версии романа, содержащие диалоги Райского и Аянова, где идет речь о Дон Жуане и, впервые, – о желании Райского написать роман.

При недостаточной отчетливости образа Аянова здесь, тем не менее, оговаривается его вышеупомянутая «отвлекающая» роль: «...Два раза в неделю делать партию теткам...» (т. 8, кн. 1, с. 17). Герою принад-

лежат только несколько реплик по ходу игры в карты. Отсутствует и его ироничное замечание в адрес Пахотина: «Этот тоже – Дон Жуан?» [Гончаров, 1979, т. 5, с. 25], нет и пространных рассуждений Райского о свойствах и признаках «истинного Дон Жуана».

По ходу сюжета и главный герой, и автор забывают об Аянове. Третья глава журнального очерка заканчивается отточишем с предшествующими ему словами автора: «...Так думал в сотый раз Райский, уходя домой и рассчитывая, когда увидится опять с ней...» (т. 8, кн. 1, с. 33). О том же, что произошло с Аяновым, неизвестно до самого окончания повествования.

В этом варианте Райский более *артист*, нежели *Дон Жуан*. В финале эпизода, в котором Софья поведала ему историю с Ельниным, герой восклицает: «Извлеките же пример для себя и поступите иначе с вашей дочерью, когда у вас будут дети... – Отдать ее за учителя? – сказала она. – Почему ж не отдать? – спросил он» (т. 8, кн. 1, с. 43). После этого видим замечание, которое будет выпущено позже: «Дон Кихот!» – подумал про себя Райский, глядя на нее, но говорил, говорил все в том же тоне, с которого начал, и не мог выскочить из роли, которою задался невзначай» (т. 8, кн. 1, с. 43). Взглянув на себя со стороны, Райский обнаруживает в себе наигранность «донкихотских» качеств, так же как и призывов к «новой правде», но упивается этой своей новой ролью.

Столь же неотчётлив образ Аянова в очерке «Портрет» (1861). Как и в главе семнадцатой части первой окончательной редакции, герой появляется неожиданно: «Он услышал сзади себя шаги и с живостью обернулся: пришел Аянов. – Иван Иваныч! – торжественно сказал Райский, – как я рад, что ты пришел!» (т. 8, кн. 1, с. 92). Но так же неожиданно и исчезает из сюжета. Ответив Аянову на его вопросы о Кириллове, этом «мученике от искусства», Райский начинает с энтузиазмом рисовать молящуюся фигуру, потом оставляет это занятие, вновь возвращается к портрету и, бережно упаковав, собирается везти его к Софье. Аянов же более не упомянут, и не для того ли он был нужен, чтобы поддержать беседу Райского с самим собой?

Подлинную кровь и плоть образ Аянова начинает обретать только в рукописях первой и пятой глав первой части. Его реплики здесь уже не просто вторят монологам Райского, в них начинает проступать характер, постепенно появляется насмешливый тон. Однако и в этих главах упоминания о Дон Жуане, позволяющие соотносить пары «Дон Жуан – Лепорелло» и «Райский – Аянов», появятся позже.

В рукописи первой редакции главы первой части первой на месте прямой характеристики: «Ты просто – Дон Жуан!» [Гончаров, 1979, т. 5, с. 13], – читаем расплывчатые и уклончивые замечания Аянова: «Право, Борис Палыч, если б я не знал тебя короче, я бы подумал, что ты... – Пустой человек! говори, не робей! – сказал Райский. – Конечно...» (т. 8, кн. 1, с. 123).

В рукописи второй редакции главы первой части первой диалог героев о Дон Жуане отсутствует, но появляется упоминание Аянова о со-

служивце Иване Петровиче, который «ни одной чиновнице, ни одной горничной проходу не дает...» (т. 8, кн. 1, с. 136). Здесь Аянов более строг и практичен и помимо советов «жениться», высказанных им и в первой редакции, поучает и отчитывает Райского: «Полно: страсти мешают жить: труд – вот лекарство от пустоты – дело» [Там же, с. 137]; «у тебя беспокойная натура <...> не было строгой руки и тяжелой школы – вот ты и куролесишь...» [Там же, с. 140].

В первоначальной редакции главы пятой части первой также нет упоминания о Дон Жуане. Позже оно появится в правке восклицания Аянова: «Она тебя Чацким назвала. Ты <был> и коммунистом, и *Дон Кихотом* и *Ловеласом*...» [Там же, с.141] – и в окончательном варианте: «А ты был и *Дон-Жуан* и *Дон-Кихот* вместе» [Гончаров, 1979, т. 5, с. 40]. Характерно и отношение Аянова к роману, задуманному главным героем. Рассмеявшись по поводу «серьезной мысли» Райского, Аянов произносит фразу: «А вправду: пиши, тебе больше нечего делать, как *играть романы, да записывать*» (т. 8, кн. 1, с. 141) (Курсив наш. – В.Р.). Она близка к окончательному варианту: «А вправду: пиши, тебе больше нечего делать, как писать романы... [Гончаров, 1979, т. 5, с. 40]», но более точна, так как приоткрывает суть «творческого метода» Райского. Совет же его визави: «...Не делать романов, если хочешь писать их» – присутствует в обеих редакциях.

В представленных эпизодах Аянов не столько услужливый напарник, сколько антагонист героя, иногда даже судья. Но функция его по-прежнему вспомогательная, и Аянов пока не «вжился» в роль Лепорелло. Связано это с тем, что Райский в первоначальных рукописях, прежде всего, художник и актер, также еще не определившийся в роли соблазнителя. В окончательном тексте романа образ Аянова смягчается, и во многом за счет личностной иронии.

Апогеем остроумия Аянова является его письмо, появляющееся в финале романа. Черновые редакции этого письма отсутствуют в публикации рукописей писателя. Относящееся к четвертой части романа, оно, по-видимому, было написано на заключительном этапе работы автора над текстом произведения за границей в мае – сентябре 1868 г.⁵

В своем письме Аянов иронизирует над намерением Райского ехать писать роман на Волгу в «дремлющую, блаженную тишь». Он пишет: «Что сделалось с тобой, любезный Борис Павлович?...в какую всероссийскую щель заполз ты от нашего мокрого, но вечно юного Петербурга». Вызывают его насмешку и пространные письма приятеля: «Забрасывал сначала своими повестями, то есть письмами, а тут вдруг и пропал, так что я не знаю, не переехал ли ты из своей трущобы – Малиновки, в какую-нибудь трущобу – Смородиновку...» [Гончаров, 1980, т. 6, с. 214].

Сам эпизод с чтением письма напоминает уже знакомые читателю диалоги героев. Фрагментирование его, комментарии Райского по содержанию письма: «– Вот животное, только о себе!», – и даже ремарки Аянова относительно такого прочтения: «...Вижу, что ты морщишься»;

«Внемли, бледней и трепещи!», «...Бери спирт и нюхай!» – все это создает комический эффект, присутствующий в диалогах героев в первой части.

Но сам тон письма говорит о том, что Аянов *нарочито* подробен в длинном перечне светских новостей петербургской жизни и нарочно испытывает терпение Райского: «Тебе скучно, вижу, что ты морщишься – спрашиваешь – что Софья Николаевна (начал живет читать Райский): сейчас, сейчас, я берег вести о ней pour la bonne bouche (на закуску)...» [Гончаров, 1980, т. 6, с. 215].

В пересказе истории Софьи Аянов предстает окончательно вжившимся в роль Лепорелло: «Играя с тетками, я служил, говорю, твоему делу, то есть пробуждению страсти в твоей мраморной кухне, с тою только разницею, что без тебя это дело пошло было впрок. Итальянец, граф Милари, должно быть служит по этой же части, то есть развивает страсти в женщинах, и едва ли не успешнее тебя» [Там же]. И отсутствие Райского не нарушает принятую Аяновым модель поведения: «А я все служил да служил делу, не забывая дружеской обязанности, и все ездил играть к теткам. Даже сблизился с Милари и стал условливаться с ним, как, бывало, с тобой, приходиться в одни часы, чтоб обоим было удобнее...» [Там же, с. 216].

Иван Иванович подробно описывает историю об «un faux pas» Софьи Беловодовой, приводя и салонные слухи, и непосредственное содержание записки Софьи Николаевны к Милари (которое узнает через Пахотина), и даже собственные варианты описания их встреч. Эти подробности не случайны, ведь он не просто передает сплетни и исполняет «дружескую обязанность», а «помогает» Райскому создавать роман: «... то первое и последнее мое письмо, или, пожалуй, глава из будущего твоего романа» [Там же, с. 221].

Характерно, что Аянов отмечает изменения, произошедшие с Софьей, подчеркивая роль, которую в них сыграл Дон-Жуан-Райский и он сам, «приятель, готовый служить», вечный – «несравненный Лепорелло». Он пишет: «И твоя Софья страдает теперь вдвойне: и оттого, что оскорблена внутренне <...> и, может быть, также немного и от того *чувства*, которое ты старался *пробудить* – и успел, а я, по дружбе к тебе, *поддержал* в ней...» (Курсив наш. – В.Р.) [Там же, с. 220].

***

При анализе образа Аянова и его роли в формировании темы Дон Жуана в романе «Обрыв» заметен большой временной разрыв между первыми публикациями и набросками и окончанием романа. Это неоднократно отмечалось самим автором, который писал А.А. Музалевской в 1868 г.: «Начало залежалось и теперь старо, а вновь написанное надо много отделять – и я махнул рукой и бросил» [Гончаров..., 2013, с. 297]. О том же – в письме С.А. Никитенко осенью того же года: «Я читал первую часть и мне самому страшно, как это все старо, длинно, скучно» [Там же, с. 298]. Этот факт не мог не отразиться на образе И.И. Аянова, основное действие которого относится к первой части, а са-

мое яркое проявление – к четвертой. Как было отмечено выше, только в письме Райскому Аянов вполне вживается в роль Лепорелло. В то же время постепенно формировавшаяся тема определила закономерность появления этого письма. В нем не только завершение истории Беловой, но ее финал в ключе уже сложившейся в романе «донжуанской темы». Дальнейшее развитие этой темы объясняет интригу событий в Малиновке, где Райский постоянно пребывает в состоянии метаморфоз, представляя то любовником, то художником, и стремится к синтезу этих состояний.

В процессе объединения Гончаровым «залежалого начала» с завершающими главами «донжуанская тема» становится более отчетлива и в первой части романа. Так, Гончаров вводит в диалоги героев прямую характеристику Аяновым Райского как Дон Жуана, пространное объяснение главного героя о «донжуанизме и донкихотстве», о том, чего не хватило «Байронскому Дон Жуану», о принципах эстетического наслаждения красотой и проч. Появляется в романе и целая галерея «ложных», комичных Дон Жуанов: Иван Петрович, Пахотин, Егорка (в «малиновской части»). А Иван Аянов из проходной персоны, какой он был в журнальных публикациях, превращается в благодушного приятеля, «готового служить» и наделенного весьма своеобразным чувством юмора.

Примечания

¹ См.: Примечания к очерку «Иван Савич Поджабрин», составленные Балакиным А. Ю., Гродецкой А. Г., Тунимановым В. А. [Гончаров, 1997, т. 1., с. 663].

² Журнальные публикации «Софья Николаевна Беловодова: (Пять глав из романа «Эпизоды из жизни Райского») // Современник. 1860. № 2» и «Портрет: (Из романа «Эпизоды из жизни Райского») // Отечественные записки – 1861. – № 2» в статье цитируются по изданию: *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т., т. 8, кн. 1. Обрыв. Рукописные редакции. СПб., 2008.

³ Далее том и страница этого издания обозначаются арабскими цифрами в круглых скобках.

⁴ Мотив «отвлечения» слугой публики активно используется и у Моцарта: «Сегодня одна Церлина владеет его <Дон Жуана> мыслями. Вот только как избавиться от Мазетто, не спускающего с невесты глаз? Как всегда, поможет Лепорелло. Пока верный слуга почти силой заставляя Мазетто танцевать, Дон Жуан уводит Церлину» [Моцарт, с.103].

⁵ К началу 1868 г. у Гончарова были готовы только три части романа «Художник Райский», о чтении которых автор упоминает в «Необыкновенной истории». Из письма к Стасюлевичу 6 (18) июня 1868 года становится ясно, что окончание третьей части соответствовало последней главе третьей части итоговой версии романа «Обрыв»: «...Я разобрал, наконец, и разложил по ящичкам свои тетради, листки, листочки, клочки и carnets и сунул их в нос. Потом прочел последние две главы, чтобы напомнить себе, где остановился (помните, выстрел и Марк)...» [Гончаров, 1980, т. 8, с.334].

Литература

- Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 20 т. СПб., 1997.
- Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 8 тт., М., 1977 – 1980.
- Гончаров И.А.* Софья Николаевна Беловодова: (Пять глав из романа «Эпизоды из жизни Райского») – Современник. 1860. № 2 // *Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 20 т., т. 8, кн. 1. СПб., 2008.
- Гончаров И.А.* Портрет (Из романа «Эпизоды из жизни Райского») – Отечественные записки 1861. № 2. // *Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 20 т., т. 8, кн. 1. СПб., 2008.
- Гончаров без глянца / сост., вступ. ст. П. Фокина. СПб., 2013. (Серия «Без глянца»).
- Гуськов С.Н.* Сувениры путешествия // Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск, 2003.
- Жан Бло* Иван Гончаров, или недостижимый реализм. СПб., 2004.
- Краснощечкова Е.А.* Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997.
- Мельник В.И.* Реализм И.А. Гончарова. Владивосток, 1985.
- Мельник В.И.* Гончаров. М., 2012.
- Молнар А.* Поэзия прозы в творчестве Гончарова. Ульяновск, 2012. *Моцарт В.А.* Дон Жуан. Либретто: Классические зарубежные оперы (либретто) / авт.-сост. А. Лидин. Ростов н/Д.; СПб., 2007.
- Недзведский В.А.* И.А. Гончаров – романист и художник. М., 1992.
- Отрадин М.В.* Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. СПб., 1994.
- Пушкин А.С.* Каменный гость // Дон Жуан русский: антология / сост., предисл. и примеч. А.В.Парина. М., 2000.
- Старосельская Н.Д.* Роман И.А. Гончарова «Обрыв». М., 1990.

References

- Goncharov I.A. Sobr. soch.: v 20 t. SPb., 1997.
- Goncharov I.A. Sobr. soch.: v 8 t. M., 1977 – 1980.
- Goncharov I.A. Sof'ya Nikolaevna Belovodova: (Pyat' glav iz romana «Epizody iz zhizni Raiskogo») – Sovremennik. 1860. № 2 // Goncharov I.A. Sobr. soch.: v 20 t., t. 8, kn. 1. SPb., 2008. S. 5 – 50.
- Goncharov I.A. Portret: (Iz romana «Epizody iz zhizni Raiskogo») – Otechestvennye zapiski. 1861. № 2. // Goncharov I.A. Sobr. soch.: v 20 t., t. 8, kn. 1. SPb., 2008. S. 88 – 114.
- Goncharov bez glyantsa; [sost.,vstup.st. P. Fokina]. SPb., 2013. 319 s. – (Seriya «Bez glyantsa»).
- Gus'kov S.N. Suveniry puteshestviya // Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 190-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova. Ul'yanovsk, 2003. s. 291 – 301.
- Zhan Blo Ivan Goncharov, ili nedostizhimyi realism. SPb., 2004.
- Krasnoshchekova E.A. Ivan Aleksandrovich Goncharov: Mir tvorchestva. SPb., 1997.
- Mel'nik V.I. Realizm I.A. Goncharova. Vladivostok, 1985. 139 s.
- Mel'nik V.I. Goncharov. M., 2012. 432 s.
- Molnar A. Poeziya prozy v tvorchestve Goncharova. Ul'yanovsk, 2012. 448 s.

Motsart V.A. Don Zhuan. Libretto / Klassicheskie zarubezhnye opery (libretto) / avt.-sost. A. Lidin. Rostov n/D.; SPb., 2007. 480 s.

Nedzvedskii V.A. I.A. Goncharov – romanist i khudozhnik. – M.: Izd-vo MGU, 1992. 176 s.

Otradin M.V. Proza I.A. Goncharova v literaturnom kontekste. SPb., 1994. 168 s.

Pushkin A.S. «Kamennyi gost'» / Don Zhuan russkii: Antologiya / Sost., predisl. i primech. A.V.Parina. M., 2000. 576 s.

Starosel'skaya N.D. Roman I.A. Goncharova «Obryv». M., 1990. –223 s.

Retsov V.V. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation)

Ivan Ayanov as “Matchless Leporello” (Concerning the subject of Don Juan in I.A. Goncharov’s novel “The Precipice”)

On the basis of the analysis of the first journal publications “Sophia Nikolaevna Belovodova” (1860), “Portrait” (1861) and manuscript editions of the novel “The Precipice” by I.A. Goncharov, the article traces the development of image of I.I. Ayanov associated with the formation of the final novel writer Don Juan theme. In the result of the study, it was found that the Don Juan theme in the novel has undergone some transformation from virtually dashed references in journal publications, through the gradual inclusion in chapters manuscript editions of the first part of the novel, to turn it into one of the leading themes in the novel “The Precipice”.

Key words: *history of the novel “The Precipice”, Don Juan theme, image of I.I. Ayanov.*

Retsov Vasily Vyacheslavovitch - postgraduate student of Russian literature department of the Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication, Southern Federal University. E-mail: goustking@yandex.ru

УДК 82.01/.09
ББК 83.0

А.А. Маслаков

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-
ТЕМАТИЧЕСКИЕ
РАЗНОВИДНОСТИ
ЭССЕИСТИКИ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОЗЫ
И.А. БРОДСКОГО)**

В статье анализируется, каким образом классификация разновидностей эссе связана с жанрообразующими чертами эссеистики. На примере прозаических произведений И.А. Бродского демонстрируется связь тематики произведения с его жанровыми особенностями, выделяются основные разновидности эссеистики этого поэта.

Ключевые слова: жанр эссе, жанровые разновидности, признаки жанра, субъективность, художественное эссе, автобиографическое эссе, биографическое эссе.

Маслаков Антон Александрович – преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся Института филологии, журналистики и межкультурных коммуникаций Южного федерального университета
Тел.: 8-908-175-10-87
E-mail: maslakovaa@mail.ru

© Маслаков А.А., 2015.

Проблема определения жанрообразующих черт эссе и связанная с ней проблема классификации разновидностей эссеистики продолжают оставаться актуальными для современного литературоведения. Решение этих двух вопросов тесно взаимосвязано, так как от того, как очерчиваются внешние рамки жанра, часто зависит проведение и внутренних границ.

Понятие эссе зачастую трактуется предельно широко, что приводит к восприятию его как особой жанровой системы или даже сферы мышления. Такое расширительное восприятие эссеистики нашло отражение в исследованиях отечественных литературоведов. Так, в диссертационной работе О.Б. Иванова, посвященной эссе как жанру европейской литературы, отмечается, что «эссеистка не поддается чёткому определению своей специфики, выступая, скорее, как некая особая жанровая система» [Иванов, с. 50]. Отдельные жанры этой системы объединяет общая характерная черта – «неопределимость» [Там же]. Исследователь предполагает, что она «входит в самую природу эссеистического произведения» [Там же]. Именно жанровая неопределённость произведения становится, по мнению О.Б. Иванова, признаком принадлежности произведения к жанровой системе эссе. Признание эссеистики особой жанровой системой, как представляется, связано с многообразием тематических и функциональных разновидностей жанра, а также спецификой, в равной степени отличающей эссеистику от новеллистики и публицистики.

Сходной точки зрения относительно границ эссеистики придерживается и М.Н. Эпштейн [Эпштейн, 1988]. Исследователь считает эссе одной из форм литературного творчества, получившей особый статус в современной литературе: «Многожанровость и даже междисциплинарность не только право, но и долг эссеистического творчества» [Там же, с. 343]. «Междисциплинарность», невозможность включить эссе в одну область культуры, так же как для О.Б. Иванова «неопределимость», является для М.Н. Эпштейна отличительной чертой эссеистики. По утверждению последнего, эссе является внеположенным литературным и даже культурным «системам»: «Парадокс эссеистического жанра заключается в том, что он не включается в одну из глобальных систем, или «дисциплин», человеческого духа, как роман включается в художественную, а, напротив, включает способы и орудия этих дисциплин в качестве своих составляющих» [Там же].

Автор использует понятие «эссеизм», чтобы отметить действие ряда факторов в современной культуре в целом. «Эссеизм – это *синтез разнообразных форм культуры на основе самосознания личности*<...>» [Эпштейн, 1987, с. 148]. Предпосылкой действия эссеизма является «культурная расчлененность окружающего мира». Этим обусловлено появление множества разновидностей эссеистики. Возможность проявления черт эссеистики в произведениях других жанров связана с другой предпосылкой – индивидуализацией, характерной для современного общества.

Несводимость эссе к традиционным формам художественной прозы и связанные с этим трудности, возникающие при попытке анализа эссеистических произведений, привели к тому, что жанр эссе в современном литературоведении рассматривается как внеродовая форма. В.Е. Хализев [Хализев] описывает внеродовые формы как область литературы, которая не поддается точному определению, но является устойчивой в своих базовых характеристиках: «...литературные произведения всех эпох... имеют определённую родовую специфику (форму эпическую, драматическую, лирическую либо нередкие в XX в. формы очерка, “потока сознания”, эссе)» [Хализев, с. 332]. Специфика родовой принадлежности, на которую обращает внимание В.Е. Хализев в приведённом фрагменте, является важным признаком эссе и служит для современных исследователей эссе одной из точек отсчёта при изучении жанра.

Близость эссеистики жанрам публицистики обусловила появление исследований, в которых эссе рассматривается именно как публицистическая форма. В своей монографии «Эссе: стилистический портрет» Л.Г. Кайда придерживается этой точки зрения на жанр и прослеживает историю эссе, начиная с древнегреческой литературы, находя признаки жанра в «Диалогах» Платона и отмечая проявления эссеистики в европейской литературе в произведениях всех исторических периодов [Кайда]. Характерно, что изучение эссе в качестве публицистического жанра не изменяет взгляда на жанрообразующие черты: субъективность и специфическая риторическая установка остаются признаками, по ко-

торым исследователь опознает произведения жанра. Сходным образом решает проблему признаков жанра и А.Л. Дмитриевский. Но последний сосредоточивается на предмете эссеистики, вводя категорию «тип духовности» для описания возможных видов эссеистики.

Исследования в области литературы «non-fiction», в частности работа Е.Г. Местергази «Литература нон-фикшн/non-fiction», продолжают развивать предложенную представителями морфологической школы литературоведения идею общности эссеистики и «литературы факта». Отмечается, что эссеистика отличается от литературы нон-фикшн некоторыми своими чертами. Произведения фактографического характера обладают качеством спонтанности, образ автора в подавляющем большинстве случаев идентичен «я»-персонажу. Для эссеистики не характерна высокая степень приближения к нерелексивной естественности письма, это проявляется, например, в риторической насыщенности произведений жанра в отличие от дневника или какого-либо другого жанра нон-фикшн.

Жанр эссе, используемый в научной публицистике, привлекает внимание исследователей-философов, которые называют эссеистику особым жанром философии. При этом учитывается близость эссеистики художественной прозе и особая позиция носителя высказывания. Так, Э.П. Шайхль утверждает: «“Я” в эссе можно в значительной степени отождествлять с личностью эссеиста – не так, как “Я” в других литературных жанрах. Разумеется, эссе отличается от другой нехудожественной прозы (в особенности от текстов инструкций) тем, что оно отвечает эстетическим требованиям, которые, как правило, предъявляются художественной литературе...» [Шайхль, с. 22 – 23]. Внимание к субъекту высказывания и противопоставление художественной и нехудожественной прозы, как видно из замечания учёного, представляется исследователям важным для понимания особенностей произведений этого жанра. Оценка степени тождественности субъекта эссеистического высказывания и личности автора даётся с оговоркой, поскольку исследователь, вероятно, замечает особенности позиционирования «я» в связи с «эстетическими требованиями», предъявляемыми к эссеистике.

По утверждению Т.Ю. Лямзиной, указывавшей на характерные черты зарубежных исследований в области эссеистики, «все исследования, посвященные эссе, отличает еще одна общая черта: они рассматривают индивидуальные особенности эссеиста и его произведения, пренебрегая общей теорией жанра. При этом исследователи все же опираются, вероятно, на какие-то личные представления о жанре, не излагая, однако, общей его концепции» [Лямзина]. Сходные тенденции можно отметить и в отечественном литературоведении последних десятилетий. Исследование эссе отдельных авторов, принадлежащих к разным направлениям, с ориентацией по преимуществу на стилистическое своеобразие произведений проводится в работах А.А. Медведева (1997), О.И. Дуровой (2000), К.В. Загородневой (2010) и других. Большинство перечисленных авторов отмечает отсутствие в науке единой приемлемой теории данно-

го жанра. Современные исследователи вынуждены опираться на наиболее общие, несистематизированные представления о жанре эссе.

Проблема жанрового определения эссе также была отмечена в публикациях К. Зацепина (2010), Голышко-Вольфсона (2010). Исследования этих авторов в области эссеистики относятся к началу 10-х гг. XXI в. и указывают на неослабевающий интерес к жанру. Однако, вслед за предшественниками в области изучения эссеистики, К. Зацепин в своей статье «Эссе: от философии к литературе» отмечает: эссе «...попало в разряд периферийных жанров под такими названиями, как “художественная публицистика”, “художественно-документальная литература” или “литература факта”. Соответственно, не был разработан и метаязык формально-эстетического анализа поэтики [эссе] (примеч. наше. – А.М.) – по причине отсутствия четких методологических различий, которые позволили бы описать этот жанр в качестве литературно-художественного» [Зацепин].

В отдельных случаях современные отечественные исследователи эссеистики опираются в своей работе на представления, накопленные в данной области зарубежными авторами. При этом, в соответствии с утверждением Т.Ю. Лямзиной, они обращают свое внимание на «индивидуальные особенности эссеиста» [Лямзина]. Это обстоятельство связано с интенсивностью проявления индивидуальных особенностей авторского сознания в произведениях жанра. Сами исследователи обращают внимание на это обстоятельство и стремятся связать с общей теорией жанра те характерные черты авторского стиля, которые выделяются ими при анализе произведений тех или иных авторов.

Так, в своей работе, посвящённой норвежской эссеистике, О.И. Дурова указывает на отличительные черты эссеистики, опираясь на высказывания Т.В. Адорно и Э. Одланда [Дурова]. Определяющим фактором идентичности эссе и своеобразия произведений исследуемых авторов является то, что произведение в этом жанре выступает в качестве «субъективной защиты против объективной сети понятий»: «“Новое” в эссеистике носит ярко выраженный индивидуально-личностный характер» [Дурова, с. 37] «Субъективность», как указывает О.И. Дурова вслед за зарубежными исследователями эссе, выступает жанрообразующим признаком эссеистики. Эссе противопоставляется научно-аналитическому способу освещения явления, которое производится с помощью понятий, и сужает понимание описываемого явления. Это сближает эссеистику с произведениями лирического рода.

Таким образом, подавляющее большинство современных исследователей эссеистики сходятся во мнении, что эссе существует на границе различных дисциплин и областей знания и, в зависимости от сближения с тем или иным жанром определённой области, принимает характерные черты, отличающие одну разновидность эссе от другой. При попытке классификации разновидностей жанра исследователь неизбежно сталкивается с проблемой «неопределимости» эссеистики [Иванов], рискуя смешать характерные признаки жанра, признаки его разновид-

ностей и черты авторского стиля. Эссе в своих различных вариантах может обладать чертами литературного, публицистического, научного произведения. «Прерывистость» [Гаспаров] эссеистики приводит к дополнительным сложностям с определением жанрового ядра, выдвигая на первый план черты стиля автора или какого-либо из функциональных стилей речи.

Оригинальная классификация видов эссеистики принадлежит А.Л. Дмитровскому, который, опираясь в качестве критерия на тип духовности, предлагает различать познавательный, лирический и нравоописательный виды эссе [Дмитровский, с. 110] в зависимости от преобладания одной из перечисленных составляющих в произведении. Опора на единый непротиворечивый критерий может значительно способствовать становлению теории жанра, однако тесная связь жанровых модификаций с изменчивым литературным процессом и тот факт, что эссе описывает область «непосредственно переживаемого» осложняет выделение подобного критерия. Так, при попытке применения предложенного исследователем критерия возникает затруднение, заключающееся в пересечении выделенных видов эссе. Причём встретить подобное наложение возможно при работе с эссеистикой одного автора. Например, автобиографические эссе И.А. Бродского могут быть в равной степени отнесены к лирическому и нравоописательному видам.

Классификацию, сходную с представленной выше, подвергает анализу в своей диссертационной работе О.Б. Иванов. Автор описывает попытки определить жанр эссе, предпринимаемые в английских и американских исследованиях на эту тему. В частности, он отмечает, что выделяются «беллетристически ориентированное» эссе, «не имеющее беллетристической ориентации» эссе и «эссеистическое» эссе [Иванов, с.52]. Кроме того, ссылаясь на Р. Шулеса, О.Б. Иванов указывает на выделение «драматического», «поэтического» и «повествовательного» эссе. Типологии, основанные на литературной принадлежности и родовой отнесённости, подтверждают междисциплинарный и внеродовой статус эссеистики. И всё же, по мнению О.Б. Иванова, «такой упрощенный подход не только не отражает специфику эссе, но и противоречит самому характеру эссеистики» [Иванов, с. 53]. Действительно, «драматическое» и «повествовательное» эссе теряют признаки эссеистики, их более правомерно отнести к произведениям жанров соответствующих родов. Признаки, характерные для эссе, вполне укладываются в рамки действия принципа эссеизма.

В современных исследованиях, посвящённых проблематике эссе, авторы, как и в случае с описанием жанровых особенностей, зачастую опираются на устоявшиеся представления и руководствуются закрепившимися терминами. Два наиболее распространённых термина, характеризующих разновидности эссе: «литературно-критическое эссе» [Руженцева] и «художественное эссе» [Брандес]. При характеристике тематического разнообразия эссе также используются термины «эссе об искусстве» [Загороднева], «эссе о культуре», «эссе о литературе»

и т. п. Наименования «литературно-критическое эссе» и «художественное эссе» обладают наибольшей терминологической точностью и означают понятия разного объема и содержания.

Наиболее продуктивным при работе с эссеистикой представляется выделение разновидностей жанра, связанных с другими жанрами, определяющими «лицо» произведения. При этом выделение тематических разновидностей эссеистики тесно связано с индивидуальным авторским стилем. Влияние на активность и сочетаемость тематических вариантов эссеистики определённого литературного периода оказывают особенности литературного процесса. Это связано с тем, что эссеистика активно взаимодействует с жанрами, которые наиболее популярны и востребованы в публицистике в определённый период времени.

Обращение к той или иной разновидности жанра связано с представлениями автора об особенностях функционирования эссе в современной автору литературной системе. Так, считая жанр эссе одной из форм искусства, И.А. Бродский в своём творчестве обращался к таким разновидностям эссеистики, которые отвечали соответствующим требованиям автора и его представлениям о поэзии. Бродский-писатель соотносил эссеистику со «стихами», т. е. с лирическим родом, который он считал высшей формой деятельности человека [Бродский, 2001].

Каждая из разновидностей эссе, как представляется, связана с одной из возможных тенденций к его сближению с другим жанром или дискурсивной практикой. Так, автобиографическое эссе, биографическое эссе и получившее широкое распространение эссе-путешествие соотносятся с мемуарной традицией развития жанра, в которой автор оказывается наиболее близок герою и часто создаёт в произведении свой персональный образ. В эссе этого типа в фокусе внимания носителя высказывания находятся персонаж или несколько персонажей, так или иначе соотносимых с «я»-персонажем.

На произведения этих разновидностей указывает жёсткое композиционное построение произведений по сравнению, например, с литературно-критическими, и их названия, ориентирующие читателя на главную тему. Таковы, например, произведения И.А. Бродского «Муза плача» (1982), посвящённое А.А. Ахматовой; «Песнь маятника» (1976), посвящённое Константину Кавафису; «Памяти Стивена Спендера» (1995). В первом и последнем из перечисленных эссе названия строго функциональны, они прямо указывают на жанровую разновидность эссеистического произведения. В эссе «Муза плача» и «Песня маятника» названия служат основным метафорическим источником сюжета и основанием для разговора, т. е. отчасти в названии находит своё воплощение один из лейтмотивов произведения.

Центральными в творчестве И.А. Бродского является вариант автобиографического эссе. Сама тематика произведения данного подтипа (наиболее характерными его представителями являются «Меньше единицы», «Полторы комнаты», «Трофейное», «Путеводитель по переименованному городу») прямо указывает, что центральный персонаж

соотносится с образом автора произведения. Такая позиция характерна для классического эссе, где описание индивидуальности является целью. Но многофункциональность эссе, необходимая для того, чтобы эссе состоялось, реализуется за счёт зазора между автобиографией как повествованием и рефлексией как попыткой самосознания некоего зыбкого ядра личности. «Манера спокойного воспоминания о своём далеко отошедшем прошлом эстетизированна и формально близка к рассказу», – пишет об автобиографии М.М. Бахтин [Бахтин, с. 133]. И.А. Бродский подчёркивает в одном из своих произведений: «Никогда не думай, сколько теряешь. Думай, сколько можешь приобрести» (это он). «Не выходи на прогулку, не захватив куртку». «Хорошо, что ты рыжий, что бы там ни говорили <...>» (это она).

Я слышу эти увещания и наставления, но они – фрагменты, детали. Память искажает, особенно тех, кого мы знаем лучше всего» [Бродский, т. 5, с. 348]. Воспоминания рассказчика обрывочны и экспрессивны, они являются отображением картины памяти носителя высказывания, а не фактографическим повествованием.

Те же приёмы характерны и для эссе-путешествий И.А. Бродского, где описание путешествия становится толчком к путешествию культурному, цивилизационному, но никак не географическому. Эссе-путешествия отчасти сходны с автобиографическими эссе и в том, что и для них, и даже в ещё большей мере свойственны «мозаичная композиция» и жанровая привязка произведения, важные в эссе-автобиографиях. Сюжетное значение каждого отрезка в отдельности, и значение сюжета в тексте снижается, поскольку небольшой отрезок может дать лишь условное представление о последовательности происходящего, а текст, составленный из контрастных отрезков, сконструированных по такому принципу, не может составить цельного сюжета.

Привязка к жанровой разновидности произведения является важной для сюжета произведения, элементы жанра путешествия регулярно проявляются в произведении. Этому способствует и географический экзотизм, характерный для эссе-путешествий И.А. Бродского. «Путешествие в Стамбул» (посвящённый Стамбулу), «Набережная неисцелимых» (о Венеции), «Посвящается позвоночнику» (описывающий путешествие в Рио-де-Жанейро), даже «Путеводитель по переименованному городу», повествующий о Ленинграде, – во всех этих произведениях рассказчик указывает на отличительные черты описываемого топоса. Например, в эссе «Посвящается позвоночнику» носитель высказывания делает следующее замечание, которое служит привязкой к топосу: «Пляжи в Рио, конечно же, потрясающие. Вообще, когда самолет начинает снижаться, вы видите, что почти все побережье Бразилии – один непрерывный пляж от экватора до Патагонии» [Бродский, т. 6, с. 59].

Таким образом, субъективность, которая служит одной из жанрообразующих черт жанра, определяет связь тематики эссе и особенностей его функционирования. Она позволяет сохранять ядро «эссеизма» в произведении, не изменяя важным для эссеистики принципам, таким как

лейтмотивная организации текста и первичность функции внушения. При этом тематика произведения определяет разнообразие разновидностей эссеистики, вступающих во взаимодействие с жанрами различных областей литературы.

Литература

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Брандес К.А.* Лингвотекстовые особенности речевого жанра «Художественное эссе» (на материале эссеистики С. Моэма): дис... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки. Киев, 1996.
- Бродский И.А.* Сочинения Иосифа Бродского. СПб., 2001. Т. 5 – 7.
- Гаспаров М.Л.* Критика как самоцель // Новое литературное обозрение. 1994. № 6.
- Гольинко-Вольфсон Д.* Эссе о невозможности эссе (Проза Аркадия Драгомощенко в контексте современной эссеистики) // Новое литературное обозрение. 2010. № 104 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/104/go18.html> (дата обращения: 15.01.2015).
- Дмитровский А.Л.* Эссе как жанр публицистики: дис... канд. филол. наук: 10.01.10 / Санкт-Петербург, гос. ун-т. СПб., 2002.
- Дурова О.И.* Норвежское эссе 1960 – 1990-х годов: поэтика, проблематика, гносеологические перспективы жанра публицистики: дис... д-ра. филол. наук. Краснодар, 2000.
- Загороднева К.В.* Жанр эссе об искусстве в английской литературе второй половины XIX века: дис... канд. филол. наук: 10.01.03. Пермь, 2010.
- Зацепин К.А.* Эссе: от философии к литературе // Новое литературное обозрение. 2010, № 104 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/104/za17.html> (дата обращения: 15.01.2015).
- Иванов О.Б.* Эссе в европейской философской и художественной культуре: дис... канд. филос. наук: 09.00.13 / Ростовский гос. ун-т. Ростов н/Д., 2004.
- Кайда Л.Г.* Эссе: стилистический портрет. М., 2008.
- Лямзина Т.Ю.* Жанр эссе (К проблеме формирования теории) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psujourn.narod.ru/lib/liamzina_essay.htm. (дата обращения: 15.01.2015).
- Медведев А.А.* Эссеистика В.В. Розанова о Ф.М. Достоевском и Л.Н. Толстом (Проблема понимания): автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1997.
- Местергази Е.Г.* Литература нон-фикшн/non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. М., 2007.
- Руженцева Н.Б.* Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX века: автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.02.01 / [Ур. гос. пед. ун-т]. Екатеринбург, 2001.
- Хализев В. Е.* Теория литературы: учебник: 4-е изд., испр. и доп. М., 2004.
- Шайхль З.П.* О форме эссе у Канетти (анализ его первого эссе о Краусе) // Вопросы философии. 2007. № 3.
- Эйтиейн М.Н.* Законы свободного жанра (Эссеистика и эссеизм в культуре нового времени) // Вопросы литературы. 1987. № 7.
- Эйтиейн М.Н.* Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX – XX веков. М., 1988.

References

- Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1979.
- Brandes K.A. Lingvotekstovye osobennosti rechevogo zhanra «Khudozhestvennoe esse» (na materiale esseistiki S. Moema): dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.04 – germanskii yazyki. Kiev, 1996.
- Brodskii I.A. Sochineniya Iosifa Brodskogo. SPb., 2001. T. 5 – 7.
- Dmitrovskii A.L. Esse kak zhanr publitsistiki: dis... kand. filolog. nauk: 10.01.10: Sankt-Peterburg, Gos. un-t. SPb., 2002.
- Durova O.I. Norvezhskoe esse 1960-1990-kh godov: poetika, problematika, gnoseologicheskie perspektivy zhanra publitsistiki: dis. ... d-ra. filol. nauk. Krasnodar, 2000.
- Epshtein M.N. Zakony svobodnogo zhanra (Esseistika i esseizm v kul'ture novogo vremeni) // Voprosy literatury. 1987. No 7.
- Epshtein M.N. Paradoksy novizny: o literaturnom razvitii XIX-XX vekov. M., 1988.
- Gasparov M.L. Kritika kak samotsel' // Novoe literaturnoe obozrenie. 1994. No 6.
- Golynko-Vol'fson D. Esse o nevozmozhnosti esse (Proza Arkadiya Dragomoshchenko v kontekste sovremennoi esseistiki) // Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, No104 [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/104/go18.html> (data obrashcheniya: 15.01.2015).
- Ivanov O.B. Esse v evropeiskoi filosofskoi i khudozhestvennoi kul'ture: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.13 / Rostovskii gos. un-t. Rostov-na-Donu, 2004.
- Kaida L.G. Esse: stilisticheskii portret. M., 2008.
- Khalizev V. E. Teoriya literatury: Uchebnyk: 4-e izd., ispr. i dop. M., 2004.
- Lyamzina T.Yu. Zhanr esse (K probleme formirovaniya teorii) [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://psujourn.narod.ru/lib/liamzina_essay.htm. (data obrashcheniya: 15.01.2015).
- Medvedev A.A. Esseistika V.V. Rozanova o F.M. Dostoevskom i L.N. Tolstom (Problema ponimaniya): avtoref. dis... kand. filol. nauk. M., 1997.
- Mestergazi E.G. Literatura non-fikshn/non-fiction: Eksperimental'naya entsiklopediya. Russkaya versiya. M., 2007.
- Ruzhentseva N.B. Pragmaticheskaya i rechevaya organizatsiya russkogo literaturno-kriticheskogo esse XX veka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01 / [Ur. gos. ped. un-t]. Ekaterinburg: 2001.
- Shaikhli' Z.P. O forme esse u Kanetti (analiz ego pervogo esse o Krause) // Voprosy filosofii. 2007. No 3.
- Zagorodneva K.V. Zhanr esse ob iskusstve v angliiskoi literature vtoroi poloviny XIX veka: dis.... kand. filol. nauk? 10.01.03. Perm', 2010.
- Zatsepin K.A. Esse: ot filosofii k literature // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010, № 104 [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/104/za17.html> (data obrashcheniya: 15.01.2015).

Maslakov A.A. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation)**Functional and thematic diversity of essayistics (on the example of J. Brodsky prose)**

The article analyzes how the classification of essay types is related to the genre forming features of essays. It is considered in what way at the end of XX - the beginning of the XXI century it has changed the understanding genre forming features of essays and its place in the literary process. Attention is paid to the genre of the essay universal signs, the importance of which is recognized by the majority of researchers: subjective and complex nature of the genre and “discontinuity” works of the genre. It also discusses the different types of genre classification of the essay, based on the features of the hermeneutic, communicative and tribal nature of the essay. According to the author in the construction of productive varieties of the genre classification can be an approach that takes into account the complex nature of literary essays and specificity of subjectivity associated with the position of the media statements in the work. On the example of prose works, J. Brodsky demonstrated relation with the theme of the work, genre features are highlighted in the main types of essays of the poet. The main variety of works of this author are biographical and autobiographical essay; sustainable variant is essay-journey. Subjectivity and leitmotif organization of the text in these works are the main markers of essayism.

Key words: *essay genre, genre variety, signs of the genre, subjectivity, art essays, autobiographical essays, biographical essays.*

Maslakov Anton Alexandrovich – Southern Federal University, Institute of linguistics, journalism and cross-cultural communication, Russian language for foreigners dpt., lecturer. E-mail: maslakovaa@mail.ru

---

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81`366=112.2
ББК 81.2

М.Ю. Сидорова

**РУССКИЙ СИНТАКСИС
ДЛЯ СТУДЕНТОВ
ОТДЕЛЕНИЯ
«ЗАРУБЕЖНАЯ
ФИЛОЛОГИЯ»**

В статье рассматриваются принципы построения курса русского синтаксиса для студентов отделения «Зарубежная филология» с учетом прикладных задач и современных концепций активного обучения. Демонстрируется, как без отказа от теоретической проблематики и с сохранением необходимых разделов (синтаксис слова, предложения и текста) в курсе осваиваются синтаксические знания и навыки, необходимые для преподавательской, переводческой, редакторской деятельности, создания и критики текстов, совершенствования компьютерной обработки языка.

Ключевые слова: *русский язык, синтаксис слова, синтаксис предложения, синтаксис текста, перевод, редактирование, обучение русскому языку, конструирование обучения.*

Сидорова Марина Юрьевна – докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
Тел.: +7-909-968-01-99
E-mail: sidorovadoma@mail.ru

© Сидорова М.Ю., 2015.

Agreed, you need to know your linguistics before you can develop a mature and sophisticated applied linguistics; but should one not need to know applied linguistics before one can develop a mature and sophisticated linguistics? Should there not at least be a discussion of cases when applied linguistic questions make linguists refine or rethink just what it is they possess?

David Crystal

Реформа образования и науки в РФ неизбежно приводит к смещению приоритетов филологии в прикладную сторону. Это отражается и в направлениях научных исследований, и в содержании учебных курсов. Вопросы «Что изучать, чтобы быть эффективными?» и «Чему учить, чтобы быть эффективными?» стоят прежде всего перед университетскими учеными. Прикладная переориентация не так трудна и сама по себе неплоха: в конце концов занятия «чистой наукой» не могут заменить необходимость выпускать специалистов, востребованных на рынке труда. Вполне возможно перестроить курс русского синтаксиса, к примеру, для бакалавриата «Зарубежная филология» (на русский язык – 8 кредитов за 4 семестра) так, чтобы он непосредственно отвечал карьерным потребностям обучающихся и в то же время развивал в студентах качества и представления, необходимые для исследовательской работы в области филологии. При этом решаются собственно научные задачи (объяснение устройства и функционирования мышления и коммуникации, предсказующая классифи-

кация языковых единиц и единств и т.п.), но каркас курса формируют задачи, которые предстоит решать выпускникам в их профессиональной деятельности. Их обобщенный список может выглядеть следующим образом.

1. Обучение:
  - a. русскому языку как родному и как неродному;
  - b. русских учащихся иностранному языку.
2. Компьютерная обработка языка:
  - a. разработка систем машинного перевода;
  - b. разработка поисковых и информационных систем.
3. Перевод:
  - a. деловой, технический, научный;
  - b. художественный.
4. Редактирование и создание текстов на русском языке, в том числе мультимедийных.

Ориентация на эти задачи, если она принимается не как вынужденная, а как сознательная, созвучная с точкой зрения на соотношение прикладной и научной лингвистики, высказанной Д. Кристалом в статье 2003 г. «Final Frontiers in Applied Linguistics» в порядке дискуссии с “пуристическим” утверждением П. Кордера «...”applied linguistics” presupposes “linguistics”... one cannot apply what one does not possess» и выступающей в качестве эпиграфа к этой статье [Crystal], не приводит к выхолащиванию предметного содержания курса, а задает угол зрения на объект и позволяет сформировать у молодого поколения лингвистов теоретическое научное мышление.

Что касается объекта, три обязательные части синтаксиса – **синтаксис слова, синтаксис предложения, синтаксис текста** – остаются на своем месте, но освещаются с выходом на указанные прикладные сферы, точнее – отталкиваясь от их потребностей. Это не насилие над материалом, а отражение языковой и коммуникативной реальности.

В самом деле, какой смысл обучать студента разграничению полнознаменательных и неполнознаменательных слов, изосемических и неизосемических конструкций, монопредикативных и полипредикативных предложений, если в результате он не научится применять это знание для сокращения и упрощения официально-деловых текстов, подобных следующему:

Структурное подразделение МГУ, ведущее подготовку специалистов по специальности «История искусств», обязано обеспечивать гарантию качества подготовки, в том числе путем:

- разработки стратегии обеспечения качества подготовки выпускников с привлечением представителей работодателей...

Какой смысл подчеркивать главные члены предложения и определять тип структурной схемы (при формально-синтаксическом подходе) или рассуждать о первичных и вторичных предикациях (при функционально-синтаксическом подходе), если выпускник в результате не будет видеть ни неоднозначности субъектной перспективы только

что приведенного фрагмента (к чему должны привлекаться *представители работодателей* – к *разработке стратегии* или к *подготовке выпускников?*), ни амбивалентного направления каузации в предложении типа *Заир – это страна, где корпорации вытесняют небольшие частные компании?*

Рассмотрение подобного языкового материала не только как поля приложения имеющихся теоретических знаний, но и как стимула для дальнейшей разработки лингвистической теории является нормальным вектором современной науки. Уже упомянутый Д. Кристал, автор значительного количества работ по теоретической лингвистике, признается, что именно этот вектор привел к созданию многих из них:

«I made a personal discovery of a critical and still rather neglected role of English adverbials by trying to answer the question “Is it really true that the English Present tense has 16 meanings and if so then how on earth do you teach them?” There is nothing worse than to see the facial expression of innocent hopeful expectation – the one that accompanies “You are a linguist, you’ll know!” – changed to one of disillusioned disbelief on hearing the response “No, I don’t, actually.” We then try to salvage some face by offering “to do some work on it» [Crystal].

«Осознание того, что нужно иметь в научной лингвистике частично происходит из осознания того, на какие вопросы мы должны ответить в лингвистике прикладной», – этот тезис Кристал наглядно демонстрирует в цитируемой статье на примере теоретических проблем, возникающих в английском языкознании в результате такого абсолютно практического процесса, как превращение английского в мировой язык. Таким образом, практическая ориентация вовсе не посягает на научность филологического знания: напротив, прикладная лингвистика (в английском смысле термина *applied linguistics*), с одной стороны, является приложением того, что уже есть в теоретической лингвистике, причем приложением, не слепо применяющим предлагаемый инструментарий, а проверяющим его адекватность, с другой – активно ставит перед теоретической лингвистикой задачи, которые надо решать. Имея это в виду, вернемся к содержанию университетского курса русского синтаксиса для филологов-зарубежников (романо-германское отделение, иностранные языки – как бы это ни называлось).

Стратегия преподавания синтаксиса русского языка, позволяющая включить все необходимые объекты этого курса в прикладную парадигму, реализована в 2012 – 2014 гг. автором данной статьи на отделении зарубежной филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Первым важным компонентом такого подхода является, естественно, сопоставительный. Вторым – конструирование обучения (*instructional design*), основанное на принципах Дж. Брунера [Bruner, 1960, 1966], прежде всего на понимании обучения как активного процесса освоения обучающимися новых идей и понятий, отбора и переработки информации, построения гипотез, принятия решений на основе имеющегося/прошлого знания (когнитивной структуры),

которая придает смысл опыту, организует информацию и позволяет учащемуся «выходить за пределы» непосредственно получаемых знаний: «To instruct someone... is not a matter of getting him to commit results to mind. Rather, it is to teach him to participate in the process that makes possible the establishment of knowledge. We teach a subject not to produce little living libraries on that subject, but rather to get a student to think mathematically for himself, to consider matters as an historian does, to take part in the process of knowledge-getting. Knowing is a process not a product» www.infed.org. Современное развитие этот подход получил в частности в работах Р. Майера [Mayer 1999, 2001, 2003], использующего принцип активной обработки информации как один из базовых в своей концепции мультимедийного обучения: «Active processing is the concept that people understand the presented material when they pay attention to the relevant material, organize it into a coherent mental structure, and integrate it with their prior knowledge» [Atkinson, Mayer].

Первая тема курса («Задачи и объекты синтаксиса русского языка») занимает две недели (лекция + семинар + самостоятельная работа или две интерактивные лекции + самостоятельная работа) и посвящена демонстрации того, как работает синтаксис слова, предложения и текста при решении каждой из указанных выше практических задач. В сознании учащихся устанавливается прочная связь между собственно синтаксическими классификациями, правилами, дефинициями, в основном известными из средней школы, и конкретными объектами, которые описываются этими формулировками. Синтаксическое знание начинает восприниматься как инструмент, применимый в разных областях деятельности. Практика ни на шаг не отрывается от теории, а иногда даже опережает ее (варьирование индуктивного и дедуктивного подходов здесь принципиально важно).

Так, понятие синтаксической компрессии¹, крайне важное для переводчиков и редакторов, сразу же (а не через полсеместра или на другом предмете) ставится в соотношение с конкретными примерами синтаксических трансформаций:

▶ *Они шли в Изумрудный город по дороге, которая была вымощена желтым кирпичом*   *Они шли в Изумрудный город по дороге, вымощенной желтым кирпичом*   *Они шли в Изумрудный город по дороге из желтого кирпича.*

▶ *Стали отбирать у них книги, которые они привезли из родительских домов*   *Стали отбирать у них книги, привезенные из родительских домов*   *Стали отбирать у них книги из родительских домов.*

Смысловое равенство трансформаций, «потеря» того или иного смысла в результате компрессии становятся предметом дискуссии, которая, как выясняется, невозможна без оперирования грамматической терминологией. Одновременно (опять же путем сочетания подходов «от объекта – к дефиниции» и «от дефиниции к объекту») «реанимируются» знания из школьного курса синтаксиса (как называется часть предложе-

ния, начинающаяся с союзного слова *которая*? что такое причастный оборот? какую роль в предложении выполняет предложно-падежная конструкция *из желтого кирпича*?) и генерируется новое для студентов знание – о синтаксической синонимии (в данном случае – определительного придаточного, причастного оборота и предложно-падежной конструкции), ее условиях и границах.

Принцип прост: к изучению любого объекта синтаксической науки (будь то синтаксические связи, модели предложений или порядок слов) мы не подступаем раньше, чем убедимся в его практической значимости. Анализ небольшого текста «Ворона в метро» из материалов тестирования иностранцев по русскому языку, направляемый вопросом «Чему должен был научиться иностранец, чтобы понять и перевести этот текст?» (или «Какие вопросы могли бы возникнуть у носителя изучаемого вами языка касательно грамматического устройства этого текста?»), позволяет в буквальном смысле слова составить вместе со студентами список того, что они сами должны изучить в курсе русского синтаксиса, чтобы преподавать его иностранцам.

На станции метро «Преображенская площадь» живет ворона. Её зовут Каркуша. Все, кто работает на станции, хорошо её знают. Ворона живёт здесь уже шесть лет. Она не хочет на улице. Ворона очень любит кататься на поездах (на крыше, конечно) и не любит собак и кошек.

Каждое утро, в пять часов тридцать минут, ворона встречает пассажиров. Подруги-пенсионерки приносят завтрак – колбасу, сыр, мясо. Хлеб ворона не ест.

Обсуждением текста активизируется «прошлое знание» и на его каркас наращивается новое. Какое?

1) О порядке слов в русском языке. Студентам предоставляется возможность самим оценить, насколько он «свободный», обсуждая уместность в данном тексте *Живет ворона здесь уже шесть лет* при неуместности *Уже шесть лет здесь живет ворона*, а также факторы, разрешающие перемену мест темы и ремы в первом предложении *Ворона живет на...* и обуславливающие закрепленность начальной позиции слова *хлеб* в последнем предложении. Также студенты обращают внимание на препозицию интенсификатора *очень* при глаголе *любит*, контрастирующую с его местом в английском языке – *likes very much*, на возможность начать предложение с косвенного падежа субъекта и на другие факты, различающие порядок слов в русском и изучаемых языках. На основе этих простых наблюдений формируется понятие о функциях порядка слов как средства линеаризации смыслов в русском языке. Кроме того, студенты убеждаются, что тема-рема-ическое членение есть категория текста, а не предложения – важное представление для тех, кто собирается профессионально писать, редактировать, переводить и рецензировать тексты.

2) О специфике русских предложно-падежных конструкций по сравнению с изучаемым студентами иностранным языком (далее ИЯ). Ср., например, русские (предложно-)падежные формы *работает*

на станции, катается на поездах, катается на крыше или шесть лет, каждое утро, в пять тридцать с их английскими эквивалентами.

3) О выражении определительных отношений постпозитивной формой родительного падежа существительного в русском языке в сопоставлении с прилагательным/атрибутивным существительным в английских compound nouns как одном из проявлений взаимосвязи морфологии и синтаксиса (*станция метро vs metro station* – в данном случае ситуация осложняется неизменяемостью слова *метро* в русском языке, студенты должны заметить не просто «перестановку», но принципиальную разнооформленность компонентов). Это представление можно подкрепить анализом других примеров, демонстрирующих роль категории падежа в «распределении ролей» в русском предложении, например: - *Что тебе больше всего понравилось во вчерашнем концерте? – Мне понравилось исполнение Рахманинова / Александра Рудина / Рахманинова Александром Рудиным / * Рахманинова Александра Рудина.*

4) О факторах опущения некоторых элементов в синтаксической конструкции. Примеры заданий:

- Сравните: *живет на станции метро «Преображенская площадь» – живет на метро «Преображенская площадь».* Переведите на ИЯ. Сделайте вывод.

- Сравните: *не хочет на улицу – не хочет вылетать на улицу.* Переведите на ИЯ. Сделайте вывод.

5) О средствах выражения определенности/неопределенности в русском синтаксисе и синтаксисе изучаемого языка. Пример задания: «Укажите над каждым существительным в тексте, какой артикль вы поставите перед ним при переводе на изучаемый вами иностранный язык. Объясните».

6) О специфичных для русского языка конструкциях с именем субъекта в косвенном падеже: Примеры заданий и вопросов:

- Переведите на ИЯ предложение *Ее зовут Каркуша.* Сопоставьте конструкции.

- Можно ли в тексте заменить *Она любит...* на *Ей нравится...?* Отразится ли это в переводе на иностранный язык?

- Можно ли в тексте заменить *Она не хочет...* на *Ей не хочется...?* Отразится ли это в переводе на иностранный язык?

7) Об особенностях отдельных синтаксических конструкций, встречаемых в тексте, например, о способах выражения вторичной предикации (предикатного актанта) в конструкциях с глаголами *любит* и *хочет* в русском и изучаемом языке. Подчеркнем, что преподаватель не начинает повествовать об этих особенностях «из ниоткуда». Активное обучение имеет два варианта развития: либо студенты сами видят такие конструкции в тексте, либо обнаруживают их после наводящего вопроса: «Чем может быть названо действие в русском языке после глагола *любит?* –... – Сравните с ИЯ –... – А после глагола *хочет?* – Сравните с ИЯ».

8) О способности русского настоящего времени охватывать период прошлого при темпоральных показателях типа *уже шесть лет*, в отличие от английского языка, где в этом случае требуется время группы Perfect, и о взаимодействии морфологии и синтаксиса в категории глагола.

9) О синтаксических связях в соотношении с типологией морфологических категорий (синтаксические, номинативные и интерпретационные). Примеры заданий и вопросов:

- Сравните: *не ест хлеб – не ест хлеба, жду зарплату – жду зарплаты*. По одной и той же или по разным причинам дополнения при глаголах этих в парах примеров стоят в разной форме? Переведите на ИЯ, прокомментируйте. Можно ли построить в русском языке предложение *Хлеба ворона не ест*?

- Можно ли узнать из этого текста, какого рода слова *площадь, колбаса, завтрак*?

- Почему *Все, кто работает на станции, хорошо её знают*? Переведите это предложение на ИЯ, прокомментируйте.

Все эти «как?» и «почему?» с небольшими вариациями порождаются самими студентам – преподаватель должен только направить исследовательскую деятельность обучающихся и сделать ее продуктивной в теоретическом плане, т.е. сформировать у них два важнейших для успешного освоения курса синтаксиса представления:

1) о взаимодействии семантики и грамматики (т.е. взаимодействии лексики, морфологии, словообразования и синтаксиса);

2) о том, что часть из явлений, которые мы наблюдаем в этом тексте, относятся к синтаксису слова, часть – к синтаксису предложения, часть – к синтаксису текста, что эти разделы синтаксиса взаимосвязаны и равно важны для успешного освоения курса.

Такой же подход применяется при обсуждении синтаксических проблем компьютерной лингвистики, устного и письменного перевода, редактирования и самостоятельного создания текстов.

В результате студенты оказываются подготовлены к восприятию курса русского синтаксиса как имеющего непосредственную практическую ценность. В то же время у них образовалась структура, конструкция, в которую они будут «упаковывать» новые знания – та самая, о которой говорил Брунер. Это осуществимо как в рамках вполне традиционного формального синтаксиса, так и в парадигме синтаксиса коммуникативно-функционального (последнее более продуктивно).

Так, две части «Синтаксиса слова»: **функционально-семантическая классификация слов разных частей речи** (т. е. классификация по семантическим разрядам, релевантным для синтаксиса) и **синтаксические функции** частей речи и функционально-семантических разрядов слов внутри них – строятся на основе соотнесения теоретических определений с прикладными задачами, которые с их помощью решаются. Например, наполняется практическим содержанием понятие «информативно недостаточные слова» – «слова, которые обязательно требуют распространителей, обеспечивающих определенность и однозначность назы-

вания, полноту обозначения, и не употребляются абсолютно, т. е. без зависящих от них форм других слов, без распространителей» [Русская грамматика]. После знакомства с этим понятием и функционально-семантической классификацией глаголов по Г.А. Золотовой студентам становится ясно, на каких основаниях удаляются из официально-деловых и научных текстов без потери смысла «лишние» неполнозначительные предикаты – первичные и вторичные: *успешное осуществление координации – успешная координация; деятельность по осуществлению мероприятий по реорганизации – реорганизация; Имеющиеся данные позволяют сделать вывод... – Данные позволяют сделать вывод...; Преимущества, которые возникают при применении... – преимущества при применении...; К каждому электроду, установленному на конечностях или на поверхности грудной клетки, присоединяют провод, идущий от электрокардиографа и маркированный определенным цветом – К каждому электроду на конечностях или на поверхности грудной клетки присоединяют провод определенного цвета от электрокардиографа* и т. п. Так эмпирика превращается в научное знание, а научное знание подтверждает свою эффективность в практической сфере.

Фундаментальная идея о центрально-периферийном устройстве языковых категорий и противопоставление изосемических и неизосемических слов/конструкций служат базой для формирования осмысленного навыка синтаксических трансформаций при переводе. Студенты обучаются различать акциональное и неполнозначительное употребления полисемичных глаголов и разграничивать случаи, когда глагол должен быть сохранен, заменен или элиминирован. Ср. *The tailor measured the velvet and told us it was not enough* (акциональный глагол будет сохранен в русском переводе) и *The explosion measured about 30 kilotons* → *Мощность взрыва составила (была) примерно 30 килотонн* (**Взрыв измеряется примерно 30 килотоннами* неприемлемо, неакциональный неполнозначительный глагол устраняется в русском переводе, выбирается другая конструкция). Также востребованным для работы с переводными и оригинальными текстами официально-делового и научного стиля является знание о сопротивлении неакциональных глаголов номинализации и пассивизации (*показ диапозитивов фотографом vs *показ беспомощности фотографа диапозитивами; испытание прибора инженером vs *испытание, испытывание грусти инженером; *Грусть испытывается инженером*; *Прыжок делается тетушкой. *Беспомощность показывается диапозитивами*) [Золотова].

Прикладная ориентация, естественно, несколько «перетасовывает» традиционные объекты синтаксиса, выдвигая на первый план наиболее значимые в практическом отношении. Например, при изучении синтаксиса предложения умение учащихся определить структурную схему для любого предложения представляется неважным по сравнению с умением анализировать определенные типы предложений. В частности имеет смысл уделить время биноминативным конструкциям, их модальным, фазисным, авторизационным модификациям, полипреди-

кативным осложнениям, синтаксическим синонимам. Модель предложения $N_1 - N_1$ служащая основным средством выражения типового значения классификации и формулирования дефиниций, в своем базовом виде совершенно элементарна: *Иван – студент, Попугай – птица, Эта смска – спам*. Однако в реальном употреблении она является для говорящих по-русски (в эпоху клипового мышления, когда «недержание синтаксической конструкции» является повальной болезнью) далеко не простой. Синтаксическое поле подобных конструкций становится для студентов-филологов, соответственно, интересным объектом изучения, позволяющим продуктивно соотносить собственные наблюдения и лингвистические эксперименты с теоретическими положениями из языковедческих работ. Эти наблюдения и рассуждения целесообразно сконцентрировать вокруг трех основных проблем (можно выбрать и другие, опираясь, например, на работы [Падучева, Успенский; Савосина; Герасименко; Иванова])?

- зависимость значения конструкции от ее лексического наполнения полнозначительными (личными, предметными или признаковыми) и неполнозначительными существительными с распространителями или без, ср.: *Кошка – домашнее животное, Кошка в доме – это шерсть на диване и царапины на обоях, Успешное завершение проекта – результат слаженной работы всех подразделений, Организация научно-исследовательской работы студентов – вопрос первостепенной важности для нас, Метод – совокупность операций для достижения цели, Ваша Маша – наша гордость* и т.п. (в сильной и мотивированной группе студентов можно также рассмотреть классификацию бинаминативных предложений по денотативной структуре [Падучева, Успенский, с. 354]);

- прямое и метафорическое значение этих конструкций, их функции в разных типах текстов, ср.: *Переводчик – востребованная профессия и Переводчики – почтовые лошади просвещения; Элементарная ячейка кристалла поваренной соли – это куб, у которого по углам и в центре каждой грани расположены ионы натрия* (кристаллы поваренной соли действительно имеют форму куба) и подпись под картинкой *Схематическое изображение кристаллической решетки поваренной соли. Маленькие шарики – ионы натрия, большие – ионы хлора* (понятно, что ионы не имеют форму шарика).

- формальное согласование между компонентами модели и ее непредикативными и полупредикативными распространителями и модификаторами.

Рассмотрение этих проблем позволяет вооружить студентов необходимыми знаниями для предотвращения, обнаружения и исправления типичных ошибок при построении сложных конструкций, входящих в синтаксическое поле базовой модели $N_1 - N_1$ как например:

- выбор формы рода для союзного слова *который* в группе предиката (*Само приложение представляет собой иерархическую систему,*

на нижнем уровне * **которого** находится CRM-сервер, устанавливаемый на Windows Server 2008) или

- выбор формы неполнозначительного глагола при несовпадении субъекта и предиката по числу (*Существенным атрибутом любой игры является озвучивание, титры и главные герои*).

Такие ошибки на формальное согласование противопоставляются нарушениям лексического наполнения модели или ее модификаций, например **Перечень услуг над компьютерными играми может быть разной локализацией**: *бумажная локализация; частичная локализация; поверхностная локализация; полная локализация*.

Анализ подобных конструкций активизирует и пополняет теоретические знания студентов: их представления о семантической и формальной связи между главными членами (компонентами модели) предложения, о номинативных и синтаксических грамматических категориях, о роли глагола в структуре предложения. В то же время, изучая перечисленные проблемы, студенты могут определить для себя, какое из предлагаемых в имеющихся лингвистических работах осмыслений биноминативных конструкций оказывается наиболее эффективным, операциональным.

Деятельностный подход, заложенный, что очевидно, в подобную стратегию изучения русского синтаксиса (не « $a = b + c$, $b = 3$, $c = 5$, найдите a », а « $a = b + c$, $b = 3$, $c = 5$. Что вы можете с этим сделать?») позволяет каждому студенту принимать участие в работе в соответствии со своим уровнем подготовки, а это немаловажно при ЕГЭ-обусловленном качестве и количестве знаний по русскому языку, которое сохраняется в голове у учащихся к четвертому семестру, когда преподается синтаксис на «Зарубежной филологии». Самые сильные и мотивированные студенты в середине семестра успешно оперируют при анализе биноминативных конструкций терминологией функционально-семантической классификации глаголов и существительных, моделей предложения, монопредикативности и полипредикативности, синтаксического поля предложения и вполне способны освоить как коммуникативно-грамматический подход к этим предложениям, разрабатываемый школой М.В. Всеволодовой, так и упомянутую выше концепцию Е.В. Падучевой и В.А. Успенского. В это время самые слабые соучаствуют на уровне активизации школьных знаний, выполняют практические задания, построенные по типу РКИ, «готовят» таким образом материал для анализа более продвинутым однокурсникам.

В следующем задании ошибка на разграничение Им. и Вин. падежа у филологов 2 курса является массовой: «Трансформируйте предложения по образцу. Определите падеж выделенных слов в исходной конструкции и в трансформациях. Подчеркните главные члены (компоненты модели) предложения. Образец: **Растворимость** – **способность** веществ растворяться в том или ином растворителе (пример из реального учебного текста) **Растворимостью** называют **способность** веществ растворяться в том или ином растворителе. **Растворимостью** назы-

вается **способность** веществ... Список предложений: 1. сушение – удаление лишней влаги из почвы. 2. Бетон – искусственный камень, который получается из смеси воды, вяжущего вещества и песка. 3. Планета – это небесное тело шарообразной формы, вращающееся вокруг Солнца. 4. Амперметр – прибор для измерения силы тока. 5. Интерференция – явление взаимодействия звуковых, световых или иных волн, исходящих из разных источников. 6. Пищеварение – механическая и химическая обработка пищи в живом организме».

У слабого студента здесь свои задачи – построить фрагмент синонимического ряда биноминативной конструкции, осознать роль глагола *называть(ся)* как неполнознаменательного авторизационного, пронаблюдать, какие структурно-семантические изменения происходят в биноминативной конструкции, когда мы используем этот глагол, заметить падежную омонимию. Для сильных студентов синтаксическая проблематика посерьезнее – определение главных членов (компонентов) модели, «морфологической маской» для которой (выражение Д.Н. Шмелева) является схема N_1-N_1 , и авторизационных модификаций этой модели.

Здесь достаточно «подводных камней», проверяющих способность студента к критическому мышлению, системному освоению и осмысленному применению синтаксических знаний. Нужно правильно установить состав компонентов и их роль в предложении, учитывая и те конструкции, которые уже «предъявлены», и те, которые придется дополнительно вовлечь в анализ. Продуктивно действовать опять же вопросо-ответным, сократическим (и в то же время – брунеровским) методом. *Растворимость – способность?* Нельзя. *Способность* – слово неполнознаменательное, оно не может быть самостоятельным предикатом. Перед нами не базовая классификационная модель типа *Иван – студент*, где оба компонента выражены изосемическими предметными (личными) существительными. «Вещества способны растворяться, и это их свойство называется растворимостью» – вот содержание данной дефиниции. В отличие от *Иван – студент*, это полипредикативное предложение. Можно ли избавиться от слова *способность*, если оно неполнознаменательное? Нельзя, так как оно модальное, речь здесь идет не о *растворении*, а о *растворимости* веществ как об их потенциальном, измеряемом, пассивном свойстве.

Растворимостью называют способность веществ растворяться – конструкция превратилась в «односоставную неопределенно-личную»? Но разве в ней теперь другой признак приписывается другому носителю? Разве она перестала быть полипредикативной?

Растворимостью называется способность веществ растворяться – теперь перед нами, с точки зрения формальной грамматики, снова двусоставное предложение, в котором глагол *называться* стал частью сказуемого, обозначающего признак «нового» подлежащего (Имен. пад.!) *способность*, а *растворимость* из подлежащего биноминативной конструкции превратилась во вторую часть сказуемого? На самом ли деле происходят такие метаморфозы, принципиально меняется тип пред-

ложения? Или они возникают только в нашей интерпретации, если мы упускаем главное: во всех трех конструкциях речь идет об одном и том же – объясняется, что такое *растворимость веществ*?

Студенты легко замечают, что «растворимость» остается на первом месте в предложении при всех предлагаемых ими трансформациях. А если переставить слова? С исходным предложением не получится: * **Способность** веществ растворяться в том или ином растворителе – **растворимость**. С модификациями – пожалуйста: **Способность** веществ растворяться в том или ином растворителе называют / называется **растворимостью**. Поменялись ли теперь синтаксическими ролями *способность* и *растворимость*, а если да, то какими: подлежащего и сказуемого, субъекта и предиката или темы и ремы?

В результате студенты (с разной степенью терминологичности – в зависимости от мотивации и уровня знаний группы) сами приходят к выводу: каждое из этих предложений содержит две предикативных единицы: одну – манифестирующую речемыслительную активность познающего мир субъекта (акт называния), вторую – обозначающую объект, которому дается название. В данном случае это свойство веществ: *Вещества способны растворяться*. В анализируемых предложениях мы даем название этому свойству – *растворимость*. Все эти предложения полипредикативные, только в исходной конструкции акт номинации не эксплицирован глагольной лексемой, а в авторизационных модификациях такая лексема присутствует. В данных предложениях находит свое выражение не классификационная, а номинативная деятельность человека.

Расширим круг анализируемых объектов. Можно ли с помощью глагола *называть(ся)* модифицировать следующие биноминативные конструкции: *Медведь – млекопитающее отряда хищных*, *Петя – студент*, *Вода в организме человека – растворитель биологически важных веществ*; *Маленькие шарики на схеме – ионы натрия*, *большие – ионы хлора*? Нет. Почему? И т.д., и т.п.

Пытливый и/или прагматичный студент спросит: а в чем практический смысл такой «возни» с биноминативной конструкцией? Такой вопрос при «активном обучении» синтаксису нельзя оставлять без ответа. Объясним это на примере текстов, которые наш студент с переменным успехом «потреблял» на всем протяжении обучения в средней школе. Биноминативное предложение – основная языковая форма учебной и научной дефиниции, а значит от умения автора школьного учебника использовать такие предложения, их синтаксические синонимы и модификации зависит не только читабельность текста, но и его «сдаваемость» и потенциальная конфликтность. Студентам интересно узнать, как обстоит дело с дефинициями в учебниках, по которым они учились в школе.

Выясняется, что в ряде используемых сейчас в школе учебников по разным предметам обнаруживается «коммуникативно-когнитивная катастрофа» – отсутствие четко структурированных двучастных де-

финиций типа *X – это У, X является У, У называется X* и под. даже для основных понятий. Это очевидное нарушение двух постулатов Грайса – максим Количества (высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется для достижения текущих целей коммуникации) и Способа (ясности выражения). В результате резко понижается «проверяемость» материала, а значит повышается его конфликтогенность. Приведем в качестве примера параграф «Воздушная одежда Земли» из учебника природоведения для 5 класса авторов А.А. Плешакова, Н.И. Сониной, с. 85:

***Атмосфера Земли** – это хорошо знакомый нам воздух. Он представляет собой смесь газов, в которой 78% составляет азот, около 21% – кислород, а 1% приходится на другие газы, в том числе углекислый газ и пары воды. Кроме того, в воздухе содержатся капельки воды, кристаллики льда, частички различных примесей...*

С высотой температура в нижнем слое атмосферы понижается на 6° на каждый километр. Поэтому пары воды, поднимающиеся с поверхности Земли, охлаждаются и превращаются в мельчайшие водяные капельки или кристаллики льда. Из них образуются облака.

*По внешнему виду различают **перистые, слоистые и кучевые** облака. Со слоистыми и кучевыми облаками связано выпадение осадков. Осадки могут быть жидкими (дождь) и твердыми (снег, град).*

Спросим «по выделенным словам», как любят делать учителя. Что такое атмосфера? Что такое перистые облака? Слоистые облака? Кучевые облака? «Том! – Нет ответа», – вспоминается классика детской литературы. Четкого ответа и не будет, поскольку в учебнике нет дефиниций соответствующих понятий (квазисинонимическое утверждение, что атмосфера – это хорошо знакомый нам воздух, вряд ли можно считать не то что научным, но даже учебным определением). Нет дефиниции и облаков как родового понятия, осадков как родового понятия. Что спрашивать ответственному учителю и что отвечать разумному ученику? Если учитель желает организовать на уроке нормальную учебную коммуникацию по теме параграфа, он вынужден будет продиктовать определения сам, тем более что в толковых словарях и разного рода детских и недетских энциклопедиях они даны четко и просто: *Атмосфера Земли (от греч. *atmos* – дыхание и *sphaira* – шар) – воздушная оболочка, окружающая землю; Облака – видимые на небе скопления водяных паров, сгустившихся в атмосфере и превратившихся в частицы воды и кристаллы льда; Перистые облака – облака белого цвета, находящиеся высоко и напоминающие по форме волокна или перья* и т.п.

Интересно, что наличие или отсутствие необходимых дефиниций – черта стиля авторов учебника, проходящая по всему тексту, а не спорадическая. Так, например, резко противопоставлены по этому параметру упомянутый учебник «Природоведение» для 5 класса и «География» для 6 класса Т.П. Герасимовой, Н.П. Неклюковой. Во втором учебнике дефиниция – опорный столп учебной коммуникации: определения понятий разнообразны по структуре и способам соединения с предше-

ствующим и последующим текстом, при этом они в эксплицитном виде присутствуют при всех вводимых понятиях, сколько бы их ни приходилось на урок. Пример из параграфа, посвященного Мировому океану (с. 72 – 73):

*В зависимости от положения по отношению к материку моря бывают внутренними и окраинными. **Внутренними называются моря**, почти со всех сторон окруженные сушей, например Черное. **Моря**, находящиеся у краев материков, **называют окраинными**. **Примером** окраинного моря **является Берингово море**. В Атлантическом океане есть «море без берегов» – Саргассово море, границы которого образуют океанические течения.*

Задание. Пользуясь картами атласа, определите, внутренними или окраинными являются моря [...] Частями каких океанов являются эти моря?

Залив – часть океана, моря, вдающаяся в сушу. [Далее следует 1 предложение о свойствах заливов и примеры, которые нужно показать на карте.]

Задание. Сформулируйте правило, как надо показывать на карте море и залив.

*Части Мирового океана соединяются между собой **проливами**. **Пролив** – узкое водное пространство, ограниченное с двух сторон берегами материков или островов.*

Задание. Пользуясь картами атласа, определите, какие океаны соединяет: а) Берингов пролив; б) Магелланов пролив. Какие материки или острова разделяют эти проливы?

Самый широкий на Земле пролив – пролив Дрейка, соединяющий Тихий и Атлантический океаны. Его ширина около 1000 км. Гибралтарский пролив, соединяющий Средиземное море с Атлантическим океаном, в самом узком месте не шире 14 км.

Анализируя этот текст, студенты должны под руководством преподавателя разобраться: **что в нем хорошо?** Четкие дефиниции, даваемые в биноминативной конструкции или конструкции с глаголами *называть(ся), являться*, включены в текст, который читается легко и не кажется однообразным из-за правильно организованного актуального членения. Другие существенные признаки определяемых понятий и критерии классификации выносятся в отдельные предложения, соединяющие дефиницию с предшествующим текстом или следующие за ней.

Структура первого абзаца этого фрагмента:

[критерий разграничения понятий и первое вхождение терминов *внутренние* и *окраинные* как новых по отношению к введенному ранее термину *море*] – [определение внутренних морей, начинающееся с терминологического прилагательного, и пример внутреннего моря, включенный в структуру определения] – [определение окраинных морей, заканчивающееся терминологическим прилагательным, так что термины *внутренние* и *окраинные* оказываются линейно разнесены и интона-

ционно противопоставлены] – [пример окраинного моря – в отдельном предложении] – [пример исключения, сопровождаемый указанием его свойств]. Далее следует задание, четко отсылающее к картам атласа и проверяющее, с одной стороны, новую информацию (разграничение внутренних и окраинных морей), с другой – введенную ранее (понятие о море как части Мирового океана).

Почти идеально вводится и понятие *пролива*: [связь с общей темой параграфа «Мировой океан» в теме первого предложения, первый существенный признак понятия, введение нового понятия в реме] – [определение, вводящее еще два существенных признака понятия – водное пространство *узкое* и *ограниченное* с двух сторон берегами материков или островов] – [задание на применение обеих данных формулировок к типовым примерам, по картам атласа] – [примеры особенно примечательных проливов, опять же с указанием на существенные признаки проливов – ширину и то, какие части Мирового океана они соединяют]. Выполняется важнейший коммуникативный и когнитивный принцип учебника – единообразия без однообразия.

Полезно попросить студентов взять указанный учебник и понаблюдать, как отмеченные свойства текста «накапливаются» на всем его протяжении. Двучастные дефиниции сочетаются с более сложными, инкорпорированными в состав предложения, включающего несколько предикативных единиц. Используются риторические вопросы, составные дефиниции (определение двух терминов, соотносящихся по принципу «род – вид» или «часть – целое», в пределах одной конструкции предложения). Неизменным остается прозрачное тема-рематическое членение и способность каждого предложения функционировать в качестве ответа на значимый(-ые) проверочный(-ые) вопрос(-ы) (в другой перспективе: возможность задать проверочный вопрос – часто не один – по каждому предложению текста).

Также неудачно, как нарушение максимы Количества в сторону недостаточности информации, ее нарушение в сторону избыточности информации. Полезно разобрать со студентами несколько реальных определений, которые носят псевдонаучный характер, перегружены в смысловом и синтаксическом отношении, чтобы понять, откуда берутся это многословие и псевдонаучность. Например: *Что такое опасность? Это начавшееся или возможное неблагоприятное воздействие на человека и его окружающую среду вредных факторов различного происхождения: вероятность возникновения неблагоприятного события, угрожающего жизни, здоровью, имуществу человека, его правам и интересам* (раздел 1, глава 1, § 1 учебника ОБЖ для 6 класса под ред. Ю.Л. Воробьева. Понятно, что двенадцатилетний ребенок не может запомнить и воспроизвести дефиницию из 29 слов, большая доля которых является неполнознаменательными. Но для филолога это отличный объект синтаксического анализа.

Заметим, что к подробно прокомментированному выше фрагменту из учебника по географии тоже можно предъявить несколько суще-

ственных лингвистических претензий, стандартных для текстов школьных учебников. Если позволяет время или если студенты обнаружили слабые места текста сами, следует на них остановиться. Но даже если мы ограничимся только обсуждением дефиниций и того, что с ними связано, занятие будет продуктивным. Путем подобного анализа мы делаем, с одной стороны, шаг от синтаксиса предложения к синтаксису текста, с другой – объединяем теорию с практикой.

Синтаксические знания, приобретаемые в результате такой работы над определенным типом конструкций и фрагментами текстов определенного стиля/жанра, более полезны, чем те, которые студент получит (?), указав в текстовом отрывке структурные схемы предложений, синтаксические связи и типы придаточных. Не только потому, что предлагаемое нами знание обращено непосредственно в практику. Оно играет огромную роль для формирования теоретического мышления и для мотивации молодого филолога к занятиям научным трудом, поскольку включает:

- представление о многофакторности синтаксических явлений и необходимости поиска и интерпретации **совокупности** факторов, не всегда однонаправленных, для их объяснения;

- навык установления идентичности и различий между объектами, заставляющий ученого постоянно спрашивать себя, имеет ли он дело с одним объектом или разными, хотя и сходными;

- связанное с этим навыком умение выбирать релевантный уровень абстракции при описании и объяснении языковых явлений;

- умение не только пользоваться доступными в современной научной парадигме терминами и понятиями, но и определять, каких терминов и понятий не хватает для адекватного описания лингвистического объекта, и при этом не генерировать «лишние» термины-дубликаты;

- понимание системности научной терминологии, отражающей системность научных понятий: расширение или модификация значения одного термина для того, чтобы подвести под него «не уместающийся» объект, неизбежно приводят к пересмотру «соседних» терминов, а использование даже отдельного термина из какой-либо научной парадигмы влечет за собой (иногда не осознанное) «присоединение» к интерпретации языковых явлений, соответствующей этой парадигме;

- критическое, а не механическое понимание того, что значит «X существует в языке», «X возможно в языке», «X приемлемо в языке», «X правильно», «X грамматично» и т.п., умение разграничивать гносеологию и онтологию, язык и наши представления о языке, нормативную, описательную и объяснительную грамматику;

- идею о наличии в синтаксисе русского языка и общем синтаксисе большого количества нерешенных и дискуссионных вопросов, что обусловлено сложностью изучаемого объекта (человек, его мышление и коммуникация) и т.п.

Таким образом, при практико- и деятельностно-ориентированной стратегии преподавания синтаксиса русского языка филологам-

зарубежникам, не имеющим – подчеркнем это – намерения становиться учителями русского языка и готовить школьников к ЕГЭ, потери в теоретичности только кажущиеся: на уровне отказа от заучивания и технического применения всеобъемлющих классификаций и повторения «на новом научном уровне» школьных сведений о типах синтаксических связей, односоставных и придаточных предложений и т.п. В качестве «компенсации» – формирование посредством углубленного многофакторного анализа отдельных объектов и синтаксических явлений научного лингвистического мышления, навыков работы с терминологией и системами понятий, сочетания дедуктивного и индуктивного подхода, координации методов исследования с его задачами, а также представления о синтаксической науке как динамично развивающейся, современной, востребованной отрасли лингвистики. Этого должно хватить, чтобы продержаться до «воскрешения» фундаментальной филологии.

Примечание

¹ «Синтаксическая компрессия – выбор более краткой и более простой синтаксической конструкции по сравнению с некоторой заданной в оригинале. К синтаксической компрессии можно отнести следующие приемы: (1) разбивка сложного предложения с несколькими придаточными на два или большее число предложений более простой структуры; (2) замена придаточного предложения причастным или предложным оборотом; (3) замена причастного оборота, весьма частого для ораторских выступлений, предложным оборотом (или существительным в косвенном падеже – для русского языка); (4) замена словосочетания одним словом, а также полного наименования государства или организации сокращением или аббревиатурой» [Нелюбин].

Литература

Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в современном русском языке: структура, семантика, функционирование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

Иванова Е.Ю. О некоторых подходах к изучению семантического устройства предложения // Славянский вестн. Вып. 2. М., 2004.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М., 2003.

Падучева Е.В., Успенский В.А. Подлежащее или сказуемое? (Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях) // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1979. Т. 38, № 4.

Русская грамматика. М., 1980.

Савосина Л.М. Биноминативные предложения характеристики в современном русском языке. АКД. М., 1991.

Atkinson C. and Mayer, R.E. Five ways to reduce PowerPoint overload, 2004. [Электронный ресурс]. URL: www.pce.edu.bt (дата обращения: 15.12.2014).

Bruner, J. Toward a Theory of Instruction. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966. [Электронный ресурс]. URL: www.infed.org (дата обращения: 15.12.2014).

Crystal, D. Final frontiers in applied linguistics? 2002 BAAL Pit Corder Lecture // S. Sarangi and T. van Leeuwen (eds), *Applied Linguistics and Communities of practice*. London: Continuum, 2003.

Mayer, R. E. *The Promise of Educational Psychology*. Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 1999.

Mayer, R. E. *Multimedia Learning*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Mayer, R. E. *Cognitive Theory and the Design of Multimedia Instruction: An Example of the Two-Way Street Between Cognition and Instruction*. EBSCO Publishing, 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fp.ucalgary.ca/macclachlan/cognitive_theory_mm_design.pdf (дата обращения: 15.12.2014).

References

Gerasimenko N.A. *Bisubstantivnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke: struktura, semantika, funkcionirovanie*. Avtoreferat dissertatsii... doktora filologicheskikh nauk. M., 1999.

Ivanova E.Yu. *O nekotorykh podkhodakh k izucheniyu semanticheskogo ustroystva predlozheniya* // *Slavyanskii vestnik*. Vyp. 2. M., 2004.

Nelyubin L.L. *Tolkovy perevodovedcheskii slovar'*. M., 2003.

Paducheva E.V., Uspenskii V.A. *Podlezhashchee ili skazuemoe? (Semanticheskii kriterii razlicheniya podlezhashchego i skazuemogo v binominativnykh predlozheniyakh)* // *Izv. AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. T. 38, № 4. 1979.

Russkaya grammatika. M., 1980.

Savosina L.M. *Binominativnye predlozheniya kharakteristiki v sovremennom russkom yazyke*. AKD. M., 1991.

Zolotova G.A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa*. M., 1982.

Atkinson C. and Mayer, R.E. *Five ways to reduce PowerPoint overload*, 2004. www.pce.edu.bt

Bruner, J. *Toward a Theory of Instruction*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966. www.infed.org

Crystal, D. Final frontiers in applied linguistics? 2002 BAAL Pit Corder Lecture // S. Sarangi and T. van Leeuwen (eds), *Applied Linguistics and Communities of practice*. London: Continuum, 2003. Pp. 9-24

Mayer, R. E. *The Promise of Educational Psychology*. Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 1999.

Mayer, R. E. *Multimedia Learning*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Mayer, R. E. *Cognitive Theory and the Design of Multimedia Instruction: An Example of the Two-Way Street Between Cognition and Instruction*. EBSCO Publishing, 2003. http://www.fp.ucalgary.ca/macclachlan/cognitive_theory_mm_design.pdf

Sidorova M.Yu. (Moscow state university of M.V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation)

Russian syntax for students of "Foreign linguistics" department

This article discusses the principles of formation of the course Russian syntax for the students of "Foreign linguistics" department considering

application tasks and modern concepts of active teaching. It is demonstrated how without abandoning theoretical problematics and maintaining the necessary sections (syntax of words, sentences and text) within the course it is developed syntactic knowledge and skills necessary for teaching, translation, editing activities, creation and critique texts, advance in computer processing of language.

Key words: *Russian language, syntax of words, syntax of sentence, syntax of text, translation, editing, teaching Russian, education formation.*

Sidorova Marina Yurievna – Moscow state university of M.V. Lomonosov, professor of Russian language dpt., Ph.D. of linguistics, professor assistant. Тел.: +7-909-968-01-99; e-mail: sidorovadoma@mail.ru

УДК 81'276
ББК 81.001.2

С. В. Коростова

ЭМОТИКОН ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА

Статья посвящена исследованию эмотивности как функционально-семантической категории, актуализирующейся в текстах современных масс-медиа. Эмотикон языковой личности исследуется с учетом влияния на создаваемый текст различных стилистических и тематических полей. Средства массовой информации поддерживают «эмоциональный режим», они тесно связаны с аксиологической системой социума, которая отражается в когнитивно-информационных составляющих языка масс-медиа.

Ключевые слова: эмотикон, эмотивность, оценочность, эмоциональный режим, языковая личность.

Коростова Светлана Владимировна – доцент кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: +7-905-429-87-01
E-mail: svetolen@yandex.ru

© Коростова С.В., 2015.

Проблема выражения эмоций в текстах современных масс-медиа связана с актуальными исследованиями в области эмотологии и теории языковой личности, определяющими векторы развития антропоцентрического направления современной лингвистики. Исследованию языковой личности посвящено множество работ. В трудах Ю.Н. Караулова, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика представлены различные аспекты языковой личности. Однако в центре внимания ученых оказываются прежде всего интеллектуальные характеристики языковой личности, эмоции остаются на втором плане. Хотя, как нам представляется, выявление смыслов и установление ценностей в картине мира языковой личности невозможно без изучения ее эмотикона. Языковая личность, понимаемая как человек, «рассматриваемый с точки зрения его способности совершать речевые действия – порождения и понимания высказываний» [Горелов, Седов, с. 120] в медиaprостранстве может быть рассмотрена как личность автора текста сообщения или ведущего, журналиста, непосредственно осуществляющего речевые действия (при условии, что это разные люди), выражающего эмоциональную оценку сообщаемого факта.

По аналогии с известным термином «лексикон», который обозначает словарный запас языка говорящего, мы используем термин «эмотикон», под которым понимаем весь набор средств выражения эмоций, вербализуемый языковой личностью в разных видах совре-

менных масс-медиа. По сути речь идет о коллективной языковой личности, формируемой в рамках «эмоционального режима», определяемого влиянием на СМИ политических и социальных факторов. Однако процесс влияния нельзя назвать односторонним. Масс-медиа стали одним из компонентов психосоциальной среды обитания человечества, они выполняют роль мощного фактора формирования мировоззрения личности и ценностной ориентации общества, воздействуя на принятие или отрицание обществом тех или иных ценностей культуры. Но средства массовой информации и сами принимают участие в формировании этих ценностей, причем эти процессы, по нашему мнению, остаются мало изученными. Недостаточно внимания уделяется и вопросам, связанным с выражением эмоций в медиaprостранстве и их воздействием на социум.

Средства массовой информации сегодня становятся инструментом достижения целей, они определяют уровень сознания населения, поскольку убеждения во многом зависят от той информации, которую воспринимает человек. Авторы сообщений масс-медиа идентифицируют себя с определенным социальным субъектом, выражая интересы этого субъекта. Причем в сообщениях содержатся готовые оценки факта, а создаваемые тексты призваны манипулировать массовым сознанием, выражая позиции стоящих за масс-медиа социальных субъектов. Стратегия манипулирования включает и воздействие на эмоциональную сферу, причем именно этот вектор влияния наиболее интенсивен, поскольку он затрагивает неконтролируемые субъектом восприятия перцептивные зоны. Значимость эмоций и эмоционального воздействия подтверждается исследованиями известного историка-востоковеда И.М. Дьяконова, который считает, что смена одного исторического этапа другим происходит именно благодаря массовым изменениям эмоционального состояния людей, когда обостряются эмоции, сопутствующие чувству справедливости [Дьяконов, с. 36 – 42].

Формирование эмоциональных концептов в сознании человека происходит и в процессе восприятия текстов масс-медиа. Несомненно, концептуализация мира предопределена не только его интеллектуальной, но и эмоциональной деятельностью. Нельзя не согласиться с исследователями когнитивной структуры эмоций А. Ортони, Дж. Клоуром и А. Коллинзом в том, что «эмоции очень реальны и очень интенсивны, и все-таки они вытекают скорее из когнитивных интерпретаций окружающей действительности, чем непосредственно из самой действительности» [Ортони, Клоур, Коллинз, с. 318]. Когнитивные интерпретации событий связаны с уровнем социализации языковой личности, объемом знаний о мире и его реалиях.

Осознанно или неосознанно репрезентации эмоций всегда предшествует оценка ситуации по нескольким параметрам. Существуют когнитивные принципы, обеспечивающие переживание эмоций. Прежде всего, это желательность/нежелательность события и его последствий, которая влияет на интенсивность эмоции и является главным критерием оценки. Следующий компонент – одобрение/неодобрение как реакция

на действие другого лица или самого испытывающего эмоциональное состояние. Не менее значим также и параметр привлекательности объекта эмоции, в качестве которого может выступать и событие, и другой человек, и сам субъект эмоциональной ситуации. Таким образом, эмоция представляет собой некоторый способ познания мира, а репрезентация эмоционального состояния имеет своей целью изменить отношение к миру.

Понятие «эмоциональный режим», введенное социологом Уильямом Редди, подтверждает мысль о том, что когнитивная интерпретация событий в сознании человека может быть изменена под влиянием целенаправленного контроля за эмоциями. Под термином «эмоциональный режим» Редди понимает «набор нормативных эмоций и официальных ритуалов, практик и эмотивов, которые их выражают и внедряют, необходимый фундамент любого стабильного политического режима» (цит. по: [Плампер, с. 22]). Средства массовой информации «выражают и внедряют» эмоциональный режим, они тесно связаны с аксиологической системой социума, которая находит отражение в когнитивно-информационных составляющих языка газеты. Современный журналистский текст предстает как репрезентация системы социальных оценок, как «перцептуально-концептуальное пространство чувственных образов индивидуальной социальной информации. <...> Журналистский текст имеет особый статус, по-прежнему воспринимается как социально значимый, потенциально репрезентирующий мнение какой-либо социальной группы, а потому содержащий распространенные групповые оценки и являющий собой одну из форм социального познания» [Богуславская, с. 46 – 48].

По мнению В.П. Руднева, коммуникативное событие, один из центральных компонентов коммуникативной ситуации, отражаемой масс-медиа, характеризуется таким конститутивным признаком, как «модальная окрашенность» и «аксиологическая динамика (изменение отношения сознания к миру и формирование системы ценностей)...» [Руднев, с. 143]. Журналистский текст является «авторским», даже если этот автор коллективный, причем информация интерпретируется в соответствии с той системой ценностей, которой обладает автор. Проведенный анализ медиа-текстов убеждает в том, что оценочность и эмотивность являются важными факторами массово-информационного дискурса, манипулирующего коллективным сознанием.

Наиболее показательным параметром языковой личности является лексика. Эмотивно-оценочная лексика, как считает В.И Шаховский, формирует лексико-семантическое поле эмотивов – «корпус лексических средств языка, имеющих в своей семантике эмотивную долю в статусе значения или коннотации и обладающих всеми признаками поля (полеобразующее ядро, периферия); включает структурные компоненты: тематические, синонимические, антонимические ряды и пр., формируется по главному функциональному признаку – способности к выражению эмоций и семантическому признаку – эмотивности» [Ша-

ховский, с. 25]. Эмотивно-оценочная лексика как ядерный компонент функционально-семантического поля эмотивности способствует актуализации воздействующей функции языка средств массовой коммуникации. Как правило, эмотивная языковая единица одновременно выражает и оценочность.

Рассматривая газетный текст как коммуникацию особого рода, дискурс, можно выделить две группы оценочных лексем, различающихся по степени проявления категории эмотивности: лексемы с собственно-оценочным значением, обладающие невысокой степенью эмотивности (например, *жуткое платье-мешок*, *стоптанные спортивные тапочки*, *ножки молодых учительниц*, *вкалывает за деньги*, *зверски мордуют сына*, *колымага* и т.п.); лексические единицы с высоким эмотивно-оценочным потенциалом, который актуализируется в контексте коммуникативного события (например: *...На другой стороне, впрочем, персонажи не лучше. Эстонцы из тайной полиции и простые ревельские обыватели – те еще гниды (ну это с учетом нынешней политической конъюнктуры и отношений Москвы и Таллина, впрочем, вполне понятно). Немецкие шпионы – тоже редкостные гады!...*» («Комсомольская правда. Ростов-на-Дону»). Вторая группа оценочных лексических единиц, входящих в эмотивные высказывания, как правило, способствует выражению негативного и/или иронического отношения к содержанию сообщения.

Аксиологическая, или ценностная оценка в современных СМИ может быть выражена в эмотивных высказываниях, для которых значимыми представляются два фактора – положительность (отрицательность) оценки и значимость (незначимость) события. Эмоциональный строй речи языковой личности в масс-медиа формируется прежде всего за счет включения эмотивно-оценочной лексики, доля которой за последние годы увеличилась в несколько раз, особенно в массово-информационном дискурсе оппозиционного характера. Нельзя не согласиться с И.А. Стерниным в том, что «в лексическом плане в публицистическом дискурсе заметно расширилось количество используемых слов и фразеосочетаний различных стилистических пластов и тематических полей...» [Стернин, с. 100]. По нашим наблюдениям, доминируют лексические и фразеологические единицы сниженного, просторечного, сленгового и жаргонного характера, что свидетельствует о влиянии эмотикона языковой личности среднего и низкого культурного уровня на тексты масс-медиа, например: *Десять лет назад в Чечне убивали людей неизвестные подонки. И сейчас убивают.* («Московский комсомолец на Дону»); *Ввязавшись в первую кампанию, мы получили по зубам и потеряли часть российской земли.* (Там же); *Жуликов быстро схватили за шкуру.* («Газета Дона»); *На «Глухаря» запал каждый десятый.* («Газета Дона»); *Леша вообще был фартовым сыщиком, на него, как на ловца, «зверь» бежал* («Московский комсомолец на Дону»). Эмоциональное восприятие информации современных СМИ может быть основано на ассоциативных связях, особенно тогда, когда в печатных текстах используется многозначная лексема

или появляется новое, ситуативно-речевое значение у известного слова, например: *Каждый спонсор имеет право **отстегнуть** партии или движению не более 87 миллионов рублей («Известия»)* (в толковом словаре дано лишь одно значение глагола *отстегнуть* – <вынуть (застежку) из петли, отделить (пристегнутое)> [Ожегов, Шведова, с. 471].

Функционирование эмотивно-оценочной лексики в языке современных масс-медиа убеждает в том, что формируется особый тип дискурса, принадлежащий коллективной языковой личности, в нем средства выражения эмотивности и оценочности способствуют персонификации стиля журналистского текста, что усиливает его воздействующую функцию.

В конце XX и начале XXI в. несомненный приоритет среди средств массовой коммуникации у электронных медиа, где главенствующую роль занимают телевидение и Интернет. В телевизионном вещании произошел сдвиг от последовательного расположения элементов программы, отделяемых друг от друга, к смешанному потоку совершенно различных элементов без явных границ. Телевидение сегодня является основным и наиболее массовым СМИ и важнейшей частью современной массовой культуры.

Вербализация эмоций – это процесс, объединяющий механизмы сознания, способствующие порождению речи, и акты бессознательного, инстинктивного выражения эмоциональных переживаний. Знания об эмоциях, их маркерах, каковыми можно считать эмотивные ситуации и реакции их участников, непосредственно связаны с когнициями, позволяющими коммуникантам идентифицировать любое проявление эмоций, причем необязательно вербализованное. Например, паралингвистические средства – жесты, мимика – конкретизируют субъективное отношение ведущего телепередачи к содержанию высказывания. Однако и невербализованное проявление эмоций скорее предопределено общими целями и стратегией самого телеканала, т.е. коллективной языковой личностью.

Ю.Н. Караулов, характеризуя структуру языковой личности, говорит о трех ее уровнях: вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом. Если вербально-семантический уровень включает формальные средства выражения определенных значений – слово, морфему и т.п., то когнитивный непосредственно связан с сознанием, с процессами познания человека. Единицы когнитивного уровня – это идеи, понятия, концепты, формирующие языковую картину мира личности. Прагматический уровень «обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности» [Караулов, с. 5]. Прагматика предполагает осуществление в акте речи определенного намерения говорящего, его иллокутивной цели выразить эмоции. Именно с прагматическим уровнем языковой личности связана целевая направленность речевого произведения, журналистского текста.

Телевизор, как и Интернет, занимает особое место в современном жизненном пространстве. Однако если Интернету отводится роль посредника в получении необходимой информации, то телевидение предстает как едва ли не единственный источник получения эмоций, определяя их характер, способы вербализации и силу воздействия на зрителя. Несомненно, значимым представляется личность автора, создателя программ и творца текстов. В большинстве случаев, как показали исследования, сценарий программы определяется спецификой коллективной языковой личности, отражающей взгляды на мир конкретной социальной или политической группы, и индивидуумом, ведущим или журналистом, который предстает как языковая личность, обладающая своим набором средств репрезентации эмоций.

Анализ российских новостных телепередач показал значительные различия в эмотиконе языковой личности, отражающей концепции разных каналов. В качестве объекта исследования нами был выбран факт, представленный в эфире большинства телеканалов как негативный. Предполагалось, что вербализованная реакция на ситуацию позволит рассмотреть средства выражения эмоций, специфичные для разных языковых личностей, а также общие установки в использовании эмотивно-оценочных языковых единиц.

Наиболее насыщенным с точки зрения вербализации эмоций можно назвать канал «РенТВ», в частности новостную программу «Новости 24 с Андреем Добровым» (от 18 февраля 2013 года). Персонализация субъекта речи дает возможность говорить об индивидуализации паралингвистических и лингвистических средств репрезентации эмоционального отношения к сообщаемым фактам. Сообщение о коррупционных скандалах, в том числе и о скандале в «Росгидро», представлено журналистом как градация по количеству украденных средств. Название сообщения «Вершки и корешки» вызывает ассоциации с известной русской народной сказкой, суть которой в несправедливом дележе между умным мужиком и глупым медведем, причем последний оказывается обманутым.

Ведущий с известной долей иронии произносит фразу: *Похоже, теперь у нас каждый день будут все **новые и новые** коррупционные **скандалы**...* Высказывание о негативном событии напоминает традиционные фразы советской газетной публицистики, когда сочетание «*все новые и новые*» можно было встретить в передовицах о строительстве фабрик и заводов, открытии домов культуры. Иронический тон речи сразу определен и поддерживается следующими высказываниями: *...а **взорвавшая новостную ленту** компания «Росгидро» **вдруг** решила провести внутреннюю проверку по факту хищения на сумму около миллиарда рублей. Да, действительно, надо наконец понять, каким образом пропали эти деньги. Сумма, вероятно, не такая и большая, если раньше ее упустила из виду бухгалтерия «Росгидро»...* Обилие вводных слов свидетельствует о явном равнодушии журналиста к самой проблеме, о персонализации информации, наречие *вдруг* в представленном контексте стано-

вится эмотивным, выражая некую насмешку, издевку над запоздалыми действиями чиновников. Причем релевантным в создании эмотикона языковой личности можно считать и подтекст, семантика которого порой прямо противоположна содержанию сообщения (например: *сумма, вероятно, не такая и большая...*). Размышление ведущего о фактах коррупции дополняется вставками, в которых представлены мнения экспертов. На фоне речи ведущего мнение эксперта выглядит более объективно, в нем практически отсутствуют средства выражения эмоций, так как оценка преимущественно интеллектуализованная. Текст, следующий за вставкой-мнением, включает вопросительные конструкции, которые не только его диалогизируют, но и оказываются действенным средством, побуждающим адресата к осознанию происходящих событий: *Думаю, что у многих из вас возникал такой вопрос: «Вот, что это, эта внезапно усилившаяся борьба с коррупцией – кампания, после которой все уляжется, утихнет, или что-то новое? Потому что еще ни разу не привлекали хотя бы как свидетелей министров, еще ни разу речь не шла о суммах миллиардных, еще ни разу дела не возбуждались со скоростью как минимум одно в неделю...»* Большое количество разного рода повторов: лексических, семантических, синтаксических, оценочная лексика (*уляжется, утихнет*) интенсифицируют высказывание, формируя представление о языковой личности создателя текста как о переживающей негативные эмоции, связанные с содержанием сообщения. Особый интерес вызывает семантический повтор, разделенный несколькими высказываниями, – *вдруг* и *внезапно*, выражающий идентичность субъективного отношения к факту и к общей оценке происходящего (см. *внезапно усилившаяся борьба с коррупцией*). Последнее высказывание, резюмирующее рассуждения ведущего, вызывает ассоциации с жанром страшной сказки: *Экономикой управляют люди странные, непонятные...* Доминирующая эмоция – ирония – влияет на выбор языковых средств, репрезентирующих эмоциональное состояние говорящего. Инверсия последнего предложения завершает портрет элитной языковой личности журналиста, ведущего новостную передачу на канале «РенТВ», основными чертами которого можно считать выражение эмоционального отношения к событию посредством подтекста, эмоционально-оценочной лексики, преобладание синтаксических средств интенсификации негативных эмоций.

В отличие от канала «РенТВ», новостная передача «Вести» телеканала «Россия 1» максимально отстранена от представления каких бы то ни было эмоциональных оценок в тексте сообщения. Преобладание в сообщении односоставных предложений и страдательных конструкций реализует цель – проинформировать о факте и избежать его субъективной интерпретации (*Его подозревают в аферах.*) Процесс информирования прерывается вставкой интервью с генеральным директором известной компании «Росгидро», в котором он произносит следующую фразу: *«Я абсолютно спокоен. Мы очень хорошо выполнили требования законодательства»*. Предложения говорящего напоминают слова пси-

хологического тренинга, который, как правило, необходим в критических ситуациях. Журналистский ход, когда эмоционально воздействуют не слова ведущего, а речь участника события, представленный фактический материал, типичен для коллективной языковой личности рассматриваемого канала.

Новостная специфика канала «НТВ» определяется нагнетанием чувства тревоги и страха у адресата, причем в большинстве случаев этот процесс связан с негативно-оценочной лексикой, характеризующей криминальные или полукриминальные события (например: *замуровали в бочке, уголовное преступление, убили из-за долга, разгорелся скандал, новый скандал*), которые предполагают конкретного субъекта действия. Сообщение о коррупции в холдинге «Росгидро» не было освещено в новостных передачах канала «НТВ», возможно, именно потому, что был неясен субъект криминального события. В сообщении о факте логические акценты расставлены именно на эмотивно окрашенной лексике, хотя сам ведущий демонстрирует объективность, эмоциональный нейтралитет в изложении материала.

Новости на Первом канале и программа «Вести» на канале «Россия 1» по своему эмоциональному фону отличаются от новостных передач на канале «НТВ» и «РенТВ». Метафоричность и образность отличают языковую личность, представленную в новостных программах Первого канала. Информация о происшедшем в «Росгидро» названа «Окрыляющий пинок», причем это эмоционально-оценочное сочетание – элемент чужой речи, принадлежащей одному из руководителей компании, который именно так обозначил последствия эмоциональной реакции президента на ситуацию в холдинге. В тексте сообщения нет упоминания о коррупции, ситуация представлена в типичном для национального менталитета ракурсе как происходящая без участия конкретных субъектов, например: *У компании «Росгидро» украден миллиард рублей. После критики президента «Росгидро» готово к жестоким проверкам и чисткам.* <...>*С помощью этих схем расхищены гигантские суммы денег.*

Ситуация в сообщении отличается объективностью представления, хотя использование эмотивно-оценочной лексики предполагает ее негативную оценку. Общая коммуникативная установка в передаче сообщения о том же самом факте, что и в предшествующих новостных передачах, связана с демонстрацией безэмоциональности по отношению к его содержанию. Эмоциогенными можно назвать вставки-интервью с руководителями холдинга, в которых говорящие не могут логично выразить мысли, неправильно расставляют логические акценты и нарушают интонационные нормы в высказываниях, тем самым вызывая негативные эмоции зрителей.

В программе новостей Первого канала сообщение о другом факте, получившем общую пейоративную оценку, актуализируется в эмотивных высказываниях, принадлежащих чужой речи: *«Крабовый аукцион во Владивостоке был проведен нечестно и непрозрачно – так считают*

в Приморском следственном управлении...», «Компании, не допущенные до торгов, недоумевают: по каким критериям были выбраны фирмы, поделившие **колоссальные объемы** будущей добычи краба?»

«**Абсолютно несправедливо**, – говорит начальник отдела прибрежного рыболовства Преображенской базы тралового флота Александр Плечий. – **Честно говоря, что это за фарс такой** – те компании, которые участвовали в этом аукционе, не имеют **никакой** инфраструктуры, **никакой** береговой переработки, тем более **никакой** социальной нагрузки не имеют, это, скорее всего, будут просто наемные суда, которые будут вывозить этот продукт за рубеж» (См. оригинал материала на <http://www.1tv.ru/news/crime/226633>).

Таким образом, стратегия языковой личности Первого канала связана именно с демонстрацией актантов обсуждаемой ситуации, при этом сам журналистский текст предельно обобщен, не детализирован, информация представлена максимально объективно, оценочны лишь интенсификаторы и интенсивы, которые, впрочем, частично можно отнести к клишированным языковым средствам (*крайне удивлен, жестокие проверки и чистки, гигантские суммы*).

Исследование эмотикона языковой личности в современных масс-медиа позволяет сделать вывод о преобладании в печатных текстах эмотивно-оценочной лексики разных типов, что связано с тенденцией усиления влияния разговорных стилистических элементов на медиатексты. В телеэфире эмотивность как элемент значения слова может быть нейтрализована за счет доминирования интеллектуализованной оценки. Релевантным проявлением коллективной языковой личности в рассмотренных новостных передачах можно считать подтекст, который актуализирует иронию как эмоциональную доминанту журналистского сообщения. Степень эмотивности сообщения зависит прежде всего от стратегии телеканала, от выбора тех или иных способов манипулирования массовым сознанием. Речевая коммуникация «журналист/ведущий – читатели/зрители» чаще всего определяется неречевыми задачами. Политическая ситуация, социальные отношения, групповые интересы всегда отражаются в языковой модели мира, которую конструирует автор текста и/или ведущий телепередачи. За языковым выражением эмоций всегда стоят определенные интересы, которые формируют коммуникативные цели дискурса масс-медиа, по сути представляющие глубинные стратегии и коммуникативные тактики языковой личности.

Литература

Арнольд М.Б., Гасон Дж. А. Чувства и эмоции как динамические факторы интеграции личности // Вилюнас В. Психология эмоций. СПб., 2004.

Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция: монография / ЮО РАО. Ростов н/Д, 2003.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: учеб. пособие: 3-е, перераб. и доп. изд. М., 2001.

Дьяконов И. История эмоций? // Знание – сила. 1988. №5.

- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1986.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН. М., 1994.
- Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А.* Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект: сб. М., 1996.
- Плампер Ян.* Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: сб. статей / под ред. Яна Плампера, Шаммы Шахадат и Марка Эли. М., 2010.
- Руднев В.П.* Прочь от реальности: исследования по философии текста. М., 2000.
- Стернин И.А.* Социальные факторы и публицистический дискурс // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков: Человек и его дискурс: сб. науч. тр. / под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной; ИЯ РАН. М., 2003.
- Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2008.

References

- Arnol'd M.B., Gason Dzh. A. Chuvstva i emotsii kak dinamicheskie faktory integratsii lichnosti. // Vilyunas V. Psikhologiya emotsii. SPb., 2004.
- Boguslavskaya V.V. Modelirovanie teksta: lingvosotsiokul'turnaya kontseptsiya: monografiya / YuO RAO. Rostov n/D., 2003.
- D'yakonov I. Istoriya emotsii? // Znanie – sila. 1988. №5.
- Gorelov I.N., Sedov K.F. Osnovy psikholingvistiki. Uchebnoe posobie. Tret'e, pererabotannoe i dopolnennoe izdanie. M., 2001.
- Karaulov Yu.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'. M., 1986.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii / Rossiiskaya AN. M., 1994.
- Ortoni A., Klour Dzh., Kollinz A. Kognitivnaya struktura emotsii // Yazyk i intellect: sb. M., 1996.
- Plamper Yan. Emotsii v russkoi istorii // Rossiiskaya imperiya chuvstv: Podkhody k kul'turnoi istorii emotsii: sb. statei / pod red. Yana Plampera, Shammy Shakhadat i Marka Eli. M., 2010.
- Rudnev V.P. Proch' ot real'nosti: issledovaniya po filosofii teksta. M., 2000.
- Sternin I.A. Sotsial'nye faktory i publitsisticheskii diskurs // Massovaya kul'tura na rubezhe XX – XXI vekov: Chelovek i ego diskurs: sb. Nauch. trudov / pod red. Yu.A. Sorokina, M.R. Zheltukhinoi. IYa RAN. M., 2003.
- Shakhovskii V.I. Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka. M., 2008.

Korostova S.V. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation)

Emoticon of the language personality in the texts of modern mass media

The article studies the emotiveness as functional-semantic category, actualized in the texts of modern mass media. Evaluation and emotiveness appear as components of mass information discourse, manipulating the collective consciousness.

To identify the meanings and setting values in the world's picture of language personality is impossible without studying its emoticon. Emoticon of the language personality is investigated taking into account the impact on the generated text of various stylistic and thematic fields.

Formation of emotional concepts in human consciousness occurs in the process of media texts perception. Newspaper text is considered in the article as a special kind of communication, discourse, where evaluation lexemes can be distinguished that differ in the degree of emotiveness expression: lexemes of the self-estimated value of having a low degree of emotiveness, and units with high emotive-estimated potential, which is updated in the context of communicative events.

Comparative analysis of the Russian television news that represent the emotion-communicative event, showed significant differences in the emoticon language personality, reflecting the concept of different channels. Media supports "emotional regime", they are closely related to the axiological system of society, which is reflected in cognitive information components of language media.

Key words: *emoticon, emotiveness, appraisal, emotional mode, language personality.*

Korostova Svetlana Vladimirovna – professor assistant of the Russian language dpt. Institute of linguistics, journalism and cross-cultural communication of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation. Тел.: +7-905-429-87-01; e-mail: svetolen@yandex.ru

УДК 81
ББК 81.432.4

Н.В. Абрамова

**СТРУКТУРНО-
СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
СОВРЕМЕННОГО
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**

В статье раскрывается сущность понятия «фразеологизмы», рассматриваются различные классификации фразеологических единиц в немецком языке. Выявляется и анализируется характерные особенности структурно-семантической характеристики фразеологизмов.

Ключевые слова: *фразеологизм, классификация, структурно-семантическая характеристика, немецкий язык, семантика.*

Абрамова Наталья Викторовна – канд. пед. наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Саратовской государственной юридической академии
Тел.: 8-927-623-72-06
E-mail: nataklenin@mail.ru

© Абрамова Н.В., 2015.

Фразеологизм является важной составляющей фразеологического уровня языка. Существует большое количество определений термина «фразеологизм» и их классификаций. Поскольку употребление фразеологических единиц становится все более массовым, то исследованные правила их применения уже не соответствуют современному уровню языкового общения, в связи с чем нуждаются в уточнении структурно-семантических характеристик. Необходимо системное исследование структурно-семантических свойств фразеологизмов немецкого языка с точки зрения современных знаний.

В современной лингвистике понятие и термин «фразеологизм» интерпретируются по-разному. В.Н. Телия считает, что к фразеологизмам принадлежат «все типы узуально воспроизводимых сочетаний, которые группируются в сильно размытые множества на основании тех или иных характерных для каждого множества признаков и отношений между ними» [Телия, с. 560 – 561]. А.М. Бабкин утверждает, что в каждом языке существуют устойчивые образные обороты, которые создаются в речи подобно слову, а не воспроизводятся как словосочетания и предложения. Такие обороты носят название фразеологизмов [Бабкин, с. 250]. По мнению А.В. Кунина, «фразеологической единицей является устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением» [Кунин, с. 71 – 75].

Н.М. Шанский приводит следующую классификацию фразеологизмов:

1) фразеологизмы, по структуре подобные предложению: *куры не клюют; кот заплакал; голод не тетка; то густо, то пусто; счастливые часов не наблюдают* и др.;

2) фразеологизмы, по структуре соответствующие сочетанию слов: *чудеса в решете; с головы до ног; по старой памяти; сесть в лужу; не в своей тарелке; хоть глаза выколи; как выжатый лимон* и др. [Шанский, с. 80]

Значение большинства фразеологизмов не определено ни значением отдельных компонентов (так как они лишены семантической самостоятельности), ни, тем более, значением тех слов свободного употребления, которые входят в переменное словосочетание такого же лексического состава (ср.: *вставлять палки в колеса, ловить рыбу в мутной воде, носить камень за пазухой* и т. д.). [Жуков, с.147].

В данной работе мы употребляем термин «фразеологизм» в широком значении, включая в это понятие различные фразеологические единицы – идиомы, крылатые фразы и выражения, речевые клише, а также пословицы и поговорки.

Фразеологизмы делают речь выразительной, подчеркивают её национальное своеобразие и особенности языка. Удачно употребленный фразеологизм оживляет речь, делает ее более эмоциональной, благодаря его образности.

Многие лингвисты предлагают разнообразные классификации фразеологизмов. В немецком языке фразеологизмы систематизированы на основании различных принципов, которые характеризуются периодами развития исследований в области фразеологии.

Е. Агрикола приводит в своих работах различные способы классификаций, некоторые из которых учитывают семантические критерии, а некоторые подчеркивают необходимость синтаксического рассмотрения или ограничиваются фразеологизмами, которые превышают границу слова, но не предложения [Agricola, с. 50].

Известный немецкий исследователь в области фразеологизмов В. Фляйшер объясняет, что у фразеологизмов отсутствует собственная система структурных типов и образовательных элементов, и стремится создать обзор, „*die Einblicke in das Wesen und die Funktion der Phraseologismen, ihre Eigenständigkeit und ihre Wechselbeziehungen zu anderen sprachlichen Einheiten vermitteln.*“ [Fleischer, 116]. В. Фляйшер утверждает, что классификационные эксперименты помогают нам понять динамику и гибкость системы. В работе «Фразеология современного немецкого языка» он предлагает как семантические и синтаксические, так и структурные и функциональные критерии классификации. Он также предлагает следующие виды фразеологизмов:

1. Номинативные фразеологизмы. Эту группу образуют фразовые лексемы и номинативные стереотипы. Фразовые лексемы – это лексические единицы, которые образуют явления, действия, состояния,

свойства и т.д. Они состоят либо из неустойчивой предикативной конструкции, либо из устойчивой предикативной конструкции и могут быть полностью идиоматическими (vollidiomatisch) или частично идиоматическими (teilidiomatisch). Примеры: vollidiomatisch: *ein Schlag ins Wasser* – *неудача, ошибка*, промах; teilidiomatisch: *das Bett hüten* – *болеть* [Fleischer, S. 72 – 73, 129]. Номинативные стереотипы – это словосочетания, основное значение которых определяется внешним значением их компонентов. От простой суммы значений компонентов отличается тем, что порядок компонентов фиксирован. Эти словосочетания часто встречаются в некоторых стилях средств массовой информации, или могут воспроизводиться как литературные клише. Речь идет о формулах повседневного общения, которые подвержены сильной динамике. Сюда относятся неидиоматизированные фразы, номинальные и вербальные клише или неидиоматизированные онимические словосочетания.

Примеры: *wahr und falsch; geistig-kulturelles Leben; Nördliches Eismeer* [Fleischer, S. 63 – 66].

2. Коммуникативные фразеологизмы (коммуникативные формулы). В этом типе речь идет о фиксированных формулах, комментариях, восклицаниях, угрозах, требованиях и т.д., которые мы используем в определенных ситуациях общения. Эти коммуникативные фразеологические единицы обладают структурой предложения, и по своей функции они также соответствуют предложениям. Если вы хотите перефразировать значение, то для этого необходимы эквиваленты данных предложений. Они классифицируются по различным критериям. По семантической структуре Фляйшер различает полностью (vollidiomatisch), частично (teilidiomatisch) и неидиоматические (nichtidiomatisch) формулы.

Примеры: а) vollidiomatisch – *Koste es, was es wolle. – um jeden Preis* (любой ценой, во что бы то ни стало); б) teilidiomatisch – *Abwarten und Tee trinken! – Warten wir es ab! Es wird bestimmt nicht so schlimm! Hab Geduld!* (запасёмся терпением!, поживём – увидим!) «Главное – не результат **любой ценой**, а результат с минимальными затратами времени» («Комсомольская правда, 26 янв. 2014); «Одни молчат, будто в рот воды набрали; другие говорят что-то типа **«поживем увидим»** («Московский комсомолец», 29 апр. 2014); в) nichtidiomatisch – *Das kannst du mir glauben!* – (мне уж можешь поверить! – возглас к настоящему заверению).

Следующая классификация зависит, например, от прагматической функции, использования модальных глаголов или коммуникативной функции.

Примеры: *Da kannst du was erleben!* – *это тебе так (даром) не пройдёт!, тебе достанется!* (угроза в случае несоблюдения требования). *Was soll denn das?!* – *что это значит?* – *возглас недовольного, отрицательного удивления. Herzlichen Glückwunsch!* – *Поздравляем!* (выражение вежливости). [Fleischer, S. 130 – 135].

3. Фразеологические шаблоны. В эту группу входят синтаксические структуры, чье лексическое содержание непостоянно, но которые указывают на некоторую синтаксическую идиоматичность. Речь идет о шаблонах словосочетаний и шаблонах предложений, с использованием которых усиливается значение. Одни и те же существительные, прилагательные, глаголы и т.д. могут повторяться.

Примеры: *Urlaub ist Urlaub*. (отпуск есть отпуск); *Sicher ist sicher*. (осторожность прежде всего!; к чему рисковать!); *Der Brief kommt und kommt nicht*. (письма всё нет).

Морфологическо-синтаксическая классификация функции речи дает нам представление о структуре идиом, а также их использовании [Абрамова, с. 52 – 54]. Фразеологизмы классифицируют в зависимости от их отношения. Виды идиом можно поделить в зависимости от их отношения к упорядоченным словам в лексических классах. Однако эта классификация не должна быть идентична частям речи компонентов, образующей базовый элемент фразеологии.

Если при этом ещё учитывать роль членов предложения, то эти классы образуют субстантивные, адъективные, адвербиальные и отглагольные фразеологизмы.

Субстантивные фразеологизмы, как правило, образуются из существительного и своего рода определения, например, возможны следующие сочетания: *adjektivisches Attribut + Substantiv*, *Substantiv + substantivisches Attribut im Genitiv*, *Substantiv + präpositionales Attribut* и т.д.

Примеры:

offenes Geheimnis (всем известный секрет), *das Ei des Kolumbus* (простое решение сложного вопроса), *ein Dach über dem Kopf* (иметь кров, пристанище), *altes Haus* (дружище), *stilles Wasser* (тихоня), *fahrendes Volk* (бродячие актёры), *ein Koffer mit doppeltem Boden* (двусмысленность), *das fünfte Rad am Wagen* (лишний) [Fleischer, S. 142 – 165]; *Ruhe vor dem Sturm* (затишье перед бурей) (Süddeutsche Zeitung, 2010, 17. Mai).

К адъективным фразеологизмам относят такие словосочетания, которые используются как целое в качестве предикатива или в качестве предшествующего атрибута.

Примеры:

gut gepolstert (sein) – быть в теле, быть обеспеченным, *frisch gebackener Ehemann / Doktor* – новоиспеченный муж/доктор, *der (reiche) Onkel aus Amerika* – американский дядюшка (шутл.-ирон.): о неожиданной (обычно финансовой) помощи или человеку, её оказывающем [Бирих, с. 214; Fleischer, S. 145]

Адвербиальные фразеологизмы принадлежат к довольно большой группе и очень часто образуют основные элементы существительных.

Примеры:

um eine Nasenlänge voraus – быть впереди на самую малость, *obglaten* незначительно; *Tag und Nacht* – непрерывно, круглые сутки; *im großen und ganzen* – в общем и целом; *unter vier Augen* – наедине.

Отглагольные фразеологизмы всегда содержат глагол и второй базовый компонент. Другие основные компоненты состоят из существительного, адъективно-адвербиальных основных компонентов, из второго отглагольного базового компонента или других структур.

Примеры: *jmdm. einen Bären aufbinden* – наговорить (кому-л.) с три короба; *рассказывать (кому-л.) небывлицы*; *langsam schalten* – туго соображать; *die Engel im Himmel singen hören* – обезуметь от боли; *hinter den Ohren haben* – быть хитрым, проницательным; *den Mund halten* (молчать), *Schwein haben* (быть удачливым), *einen Affen an jemandem gefressen haben* (очень любить кого-то), *ins Graß beißen* (умереть), *Schicht machen* (кончить работу), *den Laden machen* (удачно что-то сделать) [Fleischer, S. 142 – 165].

Следующие примеры взяты из газет «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Die Welt»: *Die britischen Großbanken Royal Bank of Scotland (RBS) und Lloyds wollen Schottland im Falle eines Votums für die Unabhängigkeit **den Rücken kehren*** (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 2014, 11. Sept.) *jmdm. / einer Sache den Rücken kehren* – (отворачиваться, отступиться, отпрекаться от кого-л., чего-л. оставить кого-то, что-то). «*Industrie der Euro-Zone kommt wieder auf die Beine*» (Die Welt, 2013, 2. Sept.) *auf die Beine kommen* – встать на ноги, поправить свои дела.

В русской фразеологии в начале 50-х гг. академик В.В. Виноградов классифицировал фразеологические единицы по степени их семантической слитности. Он определил три важнейших типа фразеологизмов: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические (несвободные) сочетания. По мнению В.В. Виноградова, фразеологические сращения – это абсолютно неделимые, не разложенные словосочетания, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, значения их компонентов, и так же условно и произвольно, как значение немотивированного словарного знака [Виноградов, с. 140 – 161].

Ко второй группе относятся фразеологические единства, которые появились на основе переосмысления значения или сдвига переменных словосочетаний. Фразеологические единства представляют собой словосочетания, в которых смысл целого связан с осмыслением внутри образного стержня фразы и потенциальным смыслом слов. Новое фразеологическое значение в подобном единстве формируется модификацией смысла всего комплекса компонентов словосочетания. При этом собственный смысл слов-компонентов теряется на фоне смысла словосочетания – они формируют непрерывное семантическое целое.

Третью группу образуют фразеологические сочетания. Под фразеологическими сочетаниями понимают фразеологизмы, части которых равнозначны между собой. В.В. Виноградов утверждает, что значительная часть значений слов ограничена в своих связях внутри семантическими связями самой языковой системы. Эти лексические значения могут обнаруживаться лишь в связи со строго определенным кругом понятий и их словесных значений. При этом и самостоятельное значение

одного из слов, входящих в состав фразеологического сочетания, может быть выражено синонимом. Для фразеологического сочетания свойственно присутствие связанного с опорным словом синонимического, параллельного оборота. [Виноградов, с. 140 – 161].

На основе особенностей смыслового значения, появляющегося как результат взаимодействия сочетаемости, структуры и семантической организации компонентного состава фразы М.Д. Степанова и И.И. Чернышева разрабатывают структурно-семантическую классификацию фразеологических единиц, состоящую из трёх групп: 1) фразеологические единства; 2) фразеологические сочетания; 3) фразеологические выражения.

1. В основе фразеологических единств находится семантическая трансформация. Весь комплекс компонентов влияет на фразеологическое значение. В структуре фразеологизмов этой группы все синтаксические модели – это вариативные синтагмы, в которых прослеживается подчинительная связь между собой. По мнению М. Д. Степановой и И.И. Чернышевой, к группе фразеологических единств относятся также словопары и компаративные фразеологизмы, определяющие их в качестве фразеологических единств с характерными структурными свойствами.

Словопары обладают отличительным структурным признаком, заключающимся в бинарности словосочетания, т.е. они состоят из двух лексем одной и той же части речи. Кроме того, в современном немецком языке можно увидеть большое количество словопар, возникших недавно. Словопары имеют обобщающий характер с семантической точки зрения. Существуют следующие способы фразеологизации:

1) обобщенное значение возникает на основе метафорического или метонимического переноса значения бинарных словогрупп;

2) обобщенное значение возникает на основе семантической консолидации обоих компонентов бинарного словосочетания;

3) обобщенное значение возникает на основе тавтологической связи одинаковых частей речи. Такие словопары называются тавтологическими. [Stepanova, Chernyseva, с. 70 – 75].

Отдельные элементы взаимосвязаны друг с другом и объяснимы, но смысл всего единства напрямую непонятен. Значение сочетания обобщается или переносится смысл, в котором ключевым является наиболее образно-переданный вариант их составных частей. Некоторые фразы могут использоваться в основном в переносном, но, как правило, в другом значении: *Öl ins Feuer gießen (подливать масла в огонь)*, «*Der Auftritt, den er dort vorgelegt hat, ist einer, den auch viele seiner Anhänger nicht gutheißen können, denn nach so vielen Toten trauert man und findet die richtigen Worte und gießt nicht Öl ins Feuer, wie er es gemacht hat*», *sagte Özdemir am Freitag im ZDF – «Morgenmagazin» (Die Welt, 16.05.14)*. «*Словно и не они с энтузиазмом подливали всю эту зиму масла в огонь евромайдана, приезжая туда и индивидуально, и коллективно, распалили аппетиты майдановского хулиганья*» («Известия», 3.03.2014), *etw. / jmdn. in den*

Schatten stellen – превосходить кого-л., что-л. в чем-л., затмить кого-л., «*New Yorker Kunstfälschungen stellen alles in den Schatten*» (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 2014, 24.Apr.).

Особая форма фразеологизмов, которая из-за своей устойчивости причисляется частично к фразеологическим единствам и частично к устойчивым фразеологическим выражениям, – это двойные формы. Они всегда состоят из двух основных слов одной и той же части, или два раза употребляется одно и то же слово, соединенное друг с другом союзом или предлогом: *klipp und klar, gang und gäbe, Tag für Tag, Schritt für Schritt*.

2. Специфика устойчивых и воспроизводимых сочетаний слов (фраз), заключается в традиционном сравнении; таким образом, они являются компаративными фразеологическими единицами. Своеобразие данных фразеологических единиц представляет собой описание свойства или действия через сравнительную группу или сравнительное придаточное предложение, которое вводится союзами *als, wie; как; словно*. Например, *jemanden auspressen wie eine Zitrone* – *выжатый как лимон (усталый)*. Придаточное предложение или сравнительная группа характеризует свойство или действие, состояние через определенный образ, сопоставление с которым показывает, как представлено то или иное действие. В рамках семантики компаративной фразеологии характерно значение, которое выражает степень проявления какого-либо свойства, интенсивность движения, оценку. Например: *stumm wie ein Fisch* – *нем как рыба*. Семантическая трансформация заключается в том, что сравнительная группа в соединении с компонентом получает новое значение. Ещё одно отличительное свойство компаративных фразеологизмов – это строго закреплённая сочетаемость устойчивого сравнения с установленными прилагательными и глаголами. Это позволяет относить компаративные фразеологизмы к двучленным структурам.

Фразеологические сочетания – это фразеологические единицы, которые появляются в ходе единичного сцепления одного семантически измененного компонента. Семантике таких фразеологических единиц свойственна аналитичность и сохранение семантической индивидуальности каждого компонента. Например: *einblutiger Anfänger* – *совершенный новичок*, *der amerikanische Traum* – *американская мечта*. [Duden, S. 158; Берков, с. 56].

Фразеологические сочетания также могут быть терминологического и нетерминологического характера, как например: *der schwarze Markt* – *черный рынок* [Stepanova, Cernyseva, с. 70 – 75].

Особая группа фразеологических сочетаний у Агрикола – это устойчивые фразы. Возможность их изменения более ограничена. Сюда относятся фразы, рассматривающиеся как эллиптические предложения: *du ahnst es nicht!, wir werden das Kind schon schaukeln* bzw. *Ausrufe: Das ist gehüpft wie gesprungen/Ты себе и представить не можешь! уж с этим делом мы справимся* или восклицание: *Это всё равно!* [Agricola, с. 70].

Они не представляют собой самостоятельные высказывания, а должны относиться к контексту. Этот подкласс включает комплексы с синтаксической структурой предложений или предикативные сочетания, чьи значения осуществляются за счет расширения и переноса значения. Они образуют эквиваленты предложений, равные предложениям речевые единицы. Этот подкласс состоит из поговорок и пословиц. Поговорки, как и другие фразеологические единства, показывают семантическую общность, которая происходит вследствие лингвистических процессов. Семантические преобразования этого типа – это метафорические и метонимические переносы значений:

Das sind zweierlei Stiefel «это совсем разные вещи; это несопоставимые вещи»; *So schnell schießen die Preußen nicht* «это так быстро не делается»; *Alles in Butter* «всё в (полном) порядке»; *Ach, du Schreck!* – „боже мой!, какой ужас!“; *Himmel noch mal!* – “бог ты мой!“ и т.д.

Поговорки выполняют характеризующую и оценочную функцию и очень разнообразны со структурной точки зрения.

Фразеологизмы типа *Ach, du Schreck! O, du meine Güte!* (бабушки мои! (возглас удивления, испуга и т. п.), боже мой!) указывают на характер междометия.

Поговорки часто образны, аллегоричны, дидактическая окраска пословиц полностью отсутствует: *Das ist zum Schießen!* (Это здорово!), *Das haben wir den Salat!* (Вот те на!); *Jetzt hört der Gurkenhandel auf!* (Это уж слишком!).

Поговорки – очень выразительны и являются в первую очередь элементами разговорного языка. Пословицы представляют наглядно общую мысль, общее наблюдение или опыт в конкретном случае. Они возникают в народе и носят поучительный характер:

Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm (Яблоко от яблони недалеко падает), *Besser spät als nie* (Лучше поздно, чем никогда), *Einer ist keiner* (Один в поле не воин), *Die Gesunden und Kranken haben ungleiche Gedanken* (Сытый голодного не разумеет) и т.д.

Существует 4 вида перевода устойчивых фразеологических сочетаний:

1) точная передача слов (lat. *O, tempora! O, mores!*; *O, Zeiten! O, Sitten!*, rus. *О, времена! О, нравы!*).

2) точный эквивалент (*aus dem Finger saugen* – высосать из пальца, *in die Augen fallen* – бросаться в глаза);

3) неточный эквивалент (*Eulen nach Athen tragen* – Ехать в Тулу со своим самоваром? букв. везти сов в Афины – везти что-л. туда, где этого имеется в избытке; в лес дрова возить). [Kürper, S. 755], [Шушлебина, с. 92].

4) перефразированный перевод (*Schwein haben* – иметь удачу, *etwas um ein Butterbrot kaufen* – купить за бесценок).

3. Фразеологические выражения представляют собой объекты, являющиеся с грамматической точки зрения предикативными сочетаниями

ми слов и предложениями. Согласно коммуникативному значению существуют следующие виды фразеологических выражений:

- общеупотребительные пословицы, например: *viele Köche verderben den Brei*; у семи нянек дитя без глаза;
- поговорки, например: *da liegt der Hund begraben*; вот где собака зарыта;
- устойчивые и воспроизводимые междометия и модальные выражения, например: *mein lieber Mann*; черт побери! [Stepanova, Cernyseva, с. 70 – 75].

Этот подраздел включает комплексы, которые возникают через своеобразную связь семантически трансформированных компонентов.

Тут можно согласиться с мнением М.Д. Степановой и И.И. Чернышевой о том, что пословицы и поговорки относятся к фразеологическим выражениям, поскольку эта концепция представляется наиболее полной.

Другие компоненты таких устойчивых сочетаний не употребляются в переносном значении, они употребляются в прямом значении, которым они обладают вне данного устойчивого сочетания. Этот подвид включает двухчленное устойчивое словосочетание: *kalte Miete* «квартирная плата без стоимости отопления», *blinder Schu* «холостой выстрел», *blinder Passagier* «безбилетный пассажир». При этом нельзя изменить порядок слов, например: *der Passagier ist blind, die Miete ist kalt*.

Фразеологизмы классифицируются не только по лексическому или грамматико-синтаксическому аспекту, так как они по своему виду и в использовании выходят далеко за рамки этих критериев.

В этой связи возникает интерес к классификации Х. Бургера [Burger, S. 36]. С лингводидактической точки зрения она менее подходит к практическому занятию по иностранному языку. Х. Бургер классифицирует фразеологизмы в соответствии с их функцией в процессе коммуникации на следующие типы:

1) референциальные фразеологизмы (*referentielle Phraseologismen*), которые охватывают объекты, процессы или обстоятельства действительности. Например: *der goldene Mittelweg, Morgenstunde hat Gold im Mund*;

2) структуральные фразеологизмы (*strukturelle Phraseologismen*), которые устанавливают грамматические отношения. Например: *in Bezug auf, sowohl – als auch; entweder... oder, in Bezug auf, nicht nur... sondern auch*;

3) коммуникативные фразеологизмы (*kommunikative Phraseologismen*) как языковые средства в определенных коммуникативных ситуациях, они имеют определенные задачи при установлении, определении, выполнении и окончании коммуникативных действий. Например: *Guten Morgen! Ich meine*.

Референциальные фразеологизмы подразделяются по семантическим критериям на номинативные (синтаксические единства в пределах

границы предложения, т.е. в качестве члена предложения) и пропозициональные (в качестве предложения или текста)

Номинативные фразеологизмы Х. Бургер по степени идиоматичности разделяет на коллокации (не идиоматичные или слабоидиоматичные фразеологические единицы), частичные идиомы (в которых один компонент понимается дословно, а второй в переносном смысле (например: *Schwein gehabt*) и идиомы, т.е. выражения, которые непонятны без исторических знаний (например: *jmdm. einen Bären dienst erweisen, etw. auf dem Kerbholz haben*).

Пропозиционные фразеологизмы подразделяются на устойчивые фразы (фразы в форме предложений, которые, как правило, эксплицитно связаны с контекстом, как например: *Das ist ja die Höhe! – это уж слишком, это предел!*) и топические формулы (фразы в форме предложений, которые не присоединены к контексту лексическим элементом и выступают в качестве обобщающих, не свойственных данной ситуации высказываний).

Они делятся на основные группы: пословицы и общие (банальные) фразы (т.е. через семантический критерий). В синтаксической классификации фразеологизмов Х. Бургер адъективные фразеологизмы, которые используются в качестве предикатива или определения (*frisch gebacken – ein frisch gebackener Ehemann / новоиспеченный – новоиспеченный супруг*), адвербиальные фразеологизмы (*im Handumdrehen – в два счёта, в мгновение ока, в один миг, an Ort und Stelle – не сходя с места*), номинальные фразеологизмы, которые могут выполнять функции членов предложения (предикатива?) (*Vater Staat – родное государство*), а также вербальные фразеологизмы с различными внутренними и внешними валентностями (*[jmd.] schl gt Zeit tot – кто-то убивает время* (внешняя, внутренняя валентность); *[jmd.] streut [jmdm.] Sand in die Augen – кто-то кому-то пускает пыль в глаза* (две внешних, две внутренних валентности) [Burger, S. 43].

Таким образом, проанализировав классификации фразеологизмов немецкого языка (У.Фляйшера, М. Д. Степановой и И.И. Чернышевой, Х. Бургера), можно сделать вывод о том, что классификация М. Д. Степановой и И.И. Чернышевой является более разносторонней и многогранной.

Согласно прагматическому способу рассмотрения существует два основных типа фразеологизмов, чью устойчивость нужно оценивать дифференцированно.

Наряду с формулами приветствий, пожеланий, и другими видами клише, которые закреплены в использовании для определенных ситуаций (*Guten Tag, Auf Wiedersehen / добрый день, до свидания*), другие относятся к специфичным ситуациям, как, например, выражение «*Ich eröffne die Verhandlung*», / «Я открываю заседание», которое имеет место в судебном заседании, и это высказывание относится только к председателю суда. Однако эти группы учитывают только часть всех фразеологизмов.

На основании результатов анализа классификации фразеологизмов, для их более точной классификации в немецком языке необходимы как критерии, применяемые при анализе русской фразеологии, так и критерии, разработанные немецкими лингвистами, так как фразеология, являясь отражением истории народа, своеобразия его мировоззрения, философии, образа мыслей, литературы, искусства, культуры и быта, способствует раскрытию языковой картины мира носителей языка, и пока не представляется возможным применить одну классификацию для фразеологизмов различных языков.

Учитывая вышесказанное, фразеологизмы можно определить как раздельнооформленные структуры языка с частично или полностью переосмысленными компонентами, которые обладают определенными универсальными признаками, как, например: межъязыковой и внутриязыковой идиоматичностью, фразеологической устойчивостью, семантической двуплановостью, а также восприимчивостью и стилистической значимостью.

Фразеология – очень важный слой лексической системы языка. Сам факт наличия в языке кроме самих слов их связанных систем, иногда идентичных слову, но чаще – особый лингвистический феномен, который выделяется выразительностью, эмоциональностью и образностью, и поэтому нередко побуждает ученых исследовать именно этот раздел языкознания.

В нашем исследовании мы пришли к следующим результатам:

- проблема границ и объема фразеологических единиц решается исследователями разными путями, в зависимости от их точки зрения и материала, подвергаемого анализу. В нашем понимании, широкое осмысление объема фразеологии выглядит более рационально.

- фразеологический слой языка очень сложно исследовать, не принимая во внимание ментальную характеристику народа, к которому он принадлежит. В большинстве случаев в разных фразеологических системах выделяются как частично совпадающие единицы, так и не совпадающие, так как их культурные корни часто заметно отличаются. Отсюда и различие в классификациях фразеологизмов в разных языках, в том числе русском и немецком;

- комплексный подход к изучению фразеологической системы языка позволяет классифицировать фразеологизмы на основе их структурно-семантических и стилистических типов и узнать их происхождение, а также улучшить понимание фразеологических единиц немецкого языка при переводе.

Литература

Абрамова Н.В. О некоторых теоретических вопросах заимствования в немецком языке// Инновации в современной филологии и методике преподавания иностранных языков в высшей школе: перспективы развития: материалы междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2014.

Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.

Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2005.

Бинович Л. Э., Гришин Н. Н. Немецко-русский фразеологический словарь / под ред. д-ра филол. наук Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола: 2-е изд. М., 1975.

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2007.

Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Избр. тр.: Лексикология и лексикография. М., 1977.

Жуков В.П. Русская фразеология: учеб. пособие. М., 2006.

Кунин А.В. Основные понятия фразеологической стилистики. // Проблемы лингвистической стилистики: тез. докл. науч. конф. / 1-й МГПИИЯ. М., 1969.

Телия В.Н. Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература»: 4-е., изд., испр. и доп. СПб., 1996.

Шулебина Е.Н. Russisch-deutsche Äquivalente der Umgangssprache. СПб., 2005.

Agricola Erhard unter Mitwirkung von Görner, Herbert und Küfner, Ruth: Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Leipzig, 1985.

Burger Harald. Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Berlin, 2007.

Duden. Deutsches Universalwörterbuch: 5. Aufl. Mannheim; Leipzig, 2003.

Fleischer Wolfgang. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1982.

Küpper H. Pons-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart, 1997.

Stepanova M.D., Chernyseva I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache: (Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка): учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2003.

Источники для примеров

1. «Известия». Статья «И то, что было нами завоёвано, мы никогда врагу не отдадим», 2014, 3 марта

2. «Московский комсомолец». Статья «У кого проблемы с изоляцией», 29.04.2014.

3. «Комсомольская правда», 26 янв. 2014 <http://perm.kp.ru/daily/26186.7/3074437>

4. Die Welt. Статья «Industrie der Euro-Zone kommt wieder auf die Beine», 2013, 2. Sept.

5. Die Welt. Статья «Özdemir kritisiert Erdogan», 2014, 16. Mai.

6. Frankfurter Allgemeine Zeitung. Статья «New Yorker Kunstfälschungen stellen alles in den Schatten», 2014, 24. Apr.

7. Frankfurter Allgemeine Zeitung. Статья «Britische Banken drohen Schottland», 2014, 11. Sept.

8. Süddeutsche Zeitung. Статья «Ruhe vor dem Sturm», 2010, 17. Mai.

References

Abramova N.V. O nekotorykh teoreticheskikh voprosakh zaimstvovaniya v nemetskom yazyke // Innovatsii v sovremennoi filologii i metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov v vysshei shkole: perspektivy razvitiya: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Saratov: ITs «Nauka», 2014.

Babkin A.M. Russkaya frazeologiya, ee razvitie i istochniki. Leningrad, 1970.

Berkov V.P., Mokienko V.M., Shulezhkova S.G. Bol'shoi slovar' krylatykh slov russkogo yazyka. M., 2005.

Binovich L. E., Grishin N. N. Nemetsko-russkii frazeologicheskii slovar' / Pod red. dokt. Malige-Klappenbakh i K. Agrikola: 2-e izd. M.: Russkii yazyk, 1975.

Birikh A. K., M.Mokienko V., Stepanova L. I. Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'. - M.: Russkie slovari, Astrel', AST, 2007. - 928 s.

Kunin A.V. Osnovnye ponyatiya frazeologicheskoi stilistiki // Problemy lingvisticheskoi stilistiki: Tez. dokl. nauch. konf. /1-i MGPIIYa. M., 1969.

Shanskii N. M. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka: Ucheb. posobie dlya vuzov po spets. "Russkii yazyk i literatu-ra": 4-e, izd., ispr. i dop. SPb., 1996.

Shushlebina E.N. Russisch-deutsche Äquivalente der Umgangssprache. Izd-vo «Karo», Sankt-Peterburg, 2005.

Teliya V.N. Frazeologiya / V.N. Teliya // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990.

Vinogradov V.V. Osnovnye ponyatiya russkoi frazeologii kak lingvisticheskoi distsipliny // Izbrannye trudy: Leksikologiya i leksikografiya. M., 1977.

Zhukov V.P. Russkaya frazeologiya: uchebnoe posobie. M., 2006.

Agricola Erhard unter Mitwirkung von Görner, Herbert und Küfner, Ruth: Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1985.

Burger Harald. Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Berlin, 2007.

Duden. Deutsches Universalwörterbuch: 5. Aufl. Mannheim; Leipzig, 2003

Fleischer Wolfgang. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1982.

Küpper H. Pons-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart, 1997.

Stepanova M.D., Chernyseva I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache: (Stepanova M.D., Chernysheva I.I. Leksikologiya sovremennogo nemetskogo yazyka): ucheb. posobie dlya studentov vyssh. ucheb. zavedenii. M., 2003.

Istochniki dlya primerov:

1. «Izvestiya». Stat'ya «I to, chto bylo nami zavoevano, my nikogda vragu ne otdadim», 2014, 3 marta.

2. «Komsomol'skaya pravda», 2014, 26 yanvarya <http://perm.kp.ru/daily/26186.7/3074437>

3. «Moskovskii komsomolets». Stat'ya «U kogo problemy s izolyatsiei», 2014. 29. Apr.

4. Die Welt. Stat'ya «Industrie der Euro-Zone kommt wieder auf die Beine», 2013, 2. Sept.

5. Die Welt. Stat'ya «Özdemir kritisiert Erdogan», 2014, 16. Mai.

6. Frankfurter Allgemeine Zeitung. Stat'ya «New Yorker Kunstfälschungen stellen alles in den Schatten», 2014, 24. Apr.

7. Frankfurter Allgemeine Zeitung. Stat'ya «Britische Banken drohen Schottland», 2014, 11. Sept.

8. Süddeutsche Zeitung. Stat'ya «Ruhe vor dem Sturm», 2010, 17. Mai.

Abramova N.V. (Saratov state law academy, Pugachev city, Saratov region, Russian Federation)

Structural-semantic characteristic of phraseologisms in modern German language

The article is devoted to the structural and semantic characteristics of phraseology of the modern German language. It reveals the essence of the concept of “idioms”, discusses various classification of phraseological units in German. Many linguists offer a variety of phraseological units classification. It is studied in detailed the classification by B. Fleischer, where the following types of phraseological units are distinguished: nominative collocations, communication idioms, phrasal templates. V.V. Vinogradov classified phraseological units according to their degree of semantic fusion. He identified three major types of phraseological units: phraseological seam, phraseological unity and phraseological (non-free) combination. M.D. Stepanova and I.I. Chernyshev worked out structural and semantic classification of phraseological units, consisting of three groups: phraseological units, phraseological combinations, phraseological expressions. A special group of phraseological combinations is of E. Agricola - stable phrases. H. Burger classifies idioms according to their function in the communication process: reference idioms, structural phraseological units, communication idioms. Each classification is provided with vivid examples that characterize the structure and semantics of phraseological units of modern German language.

Key words: *phraseologism, classification, structural-semantic characteristics, German, semantics.*

Abramova Natalya Viktorovna – candidate of pedagogy, professor assistant of German and French languages dpt. Saratov state law academy. Тел.: 8-927-623-72-06; e-mail: nataklenin@mail.ru

УДК 81.373.45
ББК 81.411.2

**Аль Шаммари Маджида
Джамиль Ашур**

**АКТУАЛЬНЫЕ АРАБИЗМЫ
РЕЛИГИОЗНОГО
СОДЕРЖАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ
СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЕЙ
ИНОСТРАННЫХ СЛОВ)**

Предложен полевой подход к анализу актуальных арабизмов религиозного содержания, позволяющий увидеть как ядро, так и периферию поля, а в целом – представить эту группу арабизмов как самую представительную среди актуальных арабизмов, функционирующих в современном русском языке.

Ключевые слова: *арабизм, актуальная лексика, поле, ядро, периферия, ключевые слова.*

Аль Шаммари Маджида Джамиль Ашур (Ирак) – аспирант кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: +7-928-184-93-22
E-mail: nawrc.aliraq@yahoo.com

© Аль Шаммари Маджида
Джамиль Ашур, 2015.

В авторитетном издании «Толковый словарь русского языка начала XXI. Актуальная лексика» (2006) приводится 16 тематических групп, «которые наиболее активно функционируют и формируют языковое сознание современников» [Актуальная лексика, с. 6]. Это политика, социальное устройство и идеология; экономика, финансовое дело; армия, охранительные органы; техника, автоматизация; спорт, игры; медицина; религия, верование и др.

Если приложить эту тематическую классификацию к заимствованной лексике, которая составляет значительный пласт актуальной лексики, то картина здесь будет весьма неоднородной: если заимствования из английского языка относятся в основном к сфере техники и сфере экономики, то предмет нашего исследования – арабизмы – к сфере религии. Кроме того, если учесть, что некоторые арабизмы находятся на границе тематических групп «Религия, верование» и «Политика, социальное устройство», (напр., *шариат*), то можно с уверенностью утверждать, что эта группа является самой представительной, что, безусловно, отличает арабские заимствования от заимствований из других языков.

Материалом исследования послужили 7 современных словарей иностранных слов (2005 – 2010 гг. издания), из которых были выбраны арабизмы с названной семантикой. Авторы (составители) проанализированных словарей отмечают актуальность (востребованность) представленной в словаре иноязычной лексики, ср.: «Сло-

варь включает в себя наиболее активную иноязычную лексику и терминологию...» [Крысин, с. 6] или: «Словарь вобрал в себя экономические, технические, спортивные, компьютерные и иные термины, зазвучавшие в русской речи в последнее время» [НСИС, с. 3].

Кроме того, для сопоставления привлекались словари иностранных слов, изданные как в XIX, так и в XX в.

Если применить к арабизмам религиозного содержания полевой подход, то, как и во всяком поле, здесь можно увидеть ядро и периферию. В ядре находятся наиболее значимые, так называемые *ключевые* слова. Считаем, что такими словами являются арабизмы *аллах* и *ислам*. Арабизм *ислам* присутствует в 6 из проанализированных словарей, арабизм *аллах* – в пяти. Однако при указанной общности – вхождение в ядро поля – эти слова различаются по целому ряду параметров, что выявляется при их лексикографическом анализе.

Арабизм *аллах* является давним заимствованием, ср.:

АЛЛАХ название Бога у магометан [Павленков]

АЛЛАХ (араб.). Название бога у магометан. См. алла [Чудинов].

Анализ значительного количества источников позволяет говорить о том, что на протяжении времени в толковании значения слова заметных изменений не происходит, ср.:

АЛЛАХ [ар.] – наименование бога у мусульман [Лехин, Петров];

АЛЛАХ [ар.] – наименование бога в исламе [СИС].

Изменения касаются орфографии слова *Бог*, ср.: **АЛЛАХ** – наименование Бога в исламе [Булыко]. В другом авторитетном издании вносится уточнение о написании слова *аллах*, ср.: **АЛЛАХ**, а, мн. нет, м., *одуш.*, с прописной буквы [араб. al-ilah (бог)]. Наименование бога в исламе [Крысин].

На фоне приведенных определений необычным выглядит следующее: **АЛЛАХ** [ар. Известный Бог] 1) в древнеарабской мифологии верховное божество, бог неба и дождя, бог-предок и творец, отец богов; женой его была богиня неба и дождя Аллат; само слово, видимо, заменяло табуированное и оставшееся неизвестным подлинное имя этого бога; в исламе единый всемогущий бог, идентичный богу иудаизма и христианства [НСИС]. Необходимо отметить, что слово *аллах* имеет нулевую словообразовательную производность, что нетипично для ключевых слов.

Подчеркнем и отсутствие другого важного признака ключевых слов – коннотации. Хотя, как показывает анализ употреблений арабизма *аллах* в текстах различной функциональной направленности (см. данные НКРЯ), слово чаще выступает как маркированное.

Применим предложенные при анализе слова *аллах* критерии к слову *ислам*.

Этот арабизм также давно заимствован русским языком, первая словарная фиксация относится, по-видимому, к 1865 г., ср.: **ИСЛАМ** араб. islam. Название магометанской религии; собственно значит: преданность воле Божией [Михельсон].

В словаре начала XX века лексикографическое описание слова имеет совершенно иную стилистику, ср.: **ИСЛАМ** мусульманство, религия Магомета (622 г. по Р. Х.), изложена в Коране. Исповедуется единый Бог, будущая жизнь, предписывается молитва, воздержание, добрые дела и проч. Представляется смесью христианства, иудейства и язычества. Запрещается есть свинину и пить вино (как у евреев) и в будущей жизни обещается чисто языческий рай с прелестными гуриями, утешенье для бедных мусульман, у которых в этой жизни не хватает денег для покупки желательного числа красивых жен [Попов]. В толковых словарях советского периода содержится толкование, которое можно назвать энциклопедическим, ср.:

ИСЛАМ [< араб. islam вручение] – религия, основанная по арабским преданиям пророком Мухаммедом (Магометом) в 7 в. и изложенная в *Коране*; возникла в Аравии в период перехода к феодальному обществу, получила большое распространение в Азии и Северной Африке; иначе – мусульманство, магометанство [Лехин, Петров].

В другом словаре, относящемся к этому же периоду, появляется ярко выраженный идеологический акцент: ср.: **ИСЛАМ** [< араб. islam покорный] – религия, основанная, по арабским преданиям, пророком Мухаммедом (Магометом) в 7 в. и изложенная в *Коране*; возник в Аравии в период перехода к феодальному обществу; *как и всякая другая религия, и. является орудием в руках эксплуататорских классов и требует от верующих покорности своим угнетателям* (выделено нами. – А.Ш.М.); получил большое распространение в ряде стран Азии и Северной Африки, иначе – мусульманство, магометанство [Лехин, Локшина].

В современных словарях иностранных слов обязательной составляющей толкования является информация о статусе ислама как одной из мировых религий, в большинстве словарей присутствует также информация об ареале, напр.:

ИСЛАМ (ар. islam – покорность) – одна из мировых религий (наряду с *христианством* и *буддизмом*), возникшая в 7 в. в Аравии и распространившаяся в странах Среднего и Ближнего Востока, северной Африки, Юго-Восточной Азии; основателем религии считается Мухаммед [Булько].

Отметим употребление слова *догмат* – термина, означающего основное положение в религиозном вероучении, ср.:

ИСЛАМ, а, мн. нет, м. [ар. islam покорность воле Бога]. Одна из наиболее распространенных мировых религий, основными догматами которой являются поклонение единому Богу – *Аллаху* и признание *Мухаммеда* «посланником Аллаха» [Крысин].

На фоне достаточно однотипных по стилистике определений с ярко выраженным рациональным началом выделяется следующее:

ИСЛАМ [ар. покорность] иначе мусульманство или магометанство; единобожная (монотеистическая) мировая религия, сложившаяся под влиянием иудаизма и христианства; И. основан аравийским купцом Мухаммадом (570-632); он объявил себя тем самым божьим посланни-

ком (мессией), явления которого ожидали иудеи и каковым христиане признали Иисуса Галилеянина [НСИС].

Слово *ислам* также присутствует в словаре актуальной лексики, ср.: **Ислам**, а, м. Рел. Одна из самых массовых религий мира, исповедующая единого Бога – Аллаха и признающая основателя этой религии пророка Мухаммеда его посланником на Земле; мусульманство [Актуальная лексика].

В отличие от арабизма *аллах* арабизм *ислам* имеет высокую словообразовательную производность, причем производные также включены в словарь актуальной лексики, ср.: *ислаимизм, исламист, исламистка, исламский, исламистский, исламизация, исламофобия* (см. [Актуальная лексика]).

Если слово *ислаимизм* в некоторых словарях иностранных слов приводится как заимствованное из арабского [см. БИСН], что представляется сомнительным, то происхождение других слов вопросов не вызывает: они созданы по существующим в русском языке словообразовательным моделям, что может служить иллюстрацией так называемой словообразовательной адаптации, которая в свою очередь свидетельствует об актуализации денотата.

Особого внимания в ряду производных слов заслуживает слово *исламофобия* – «враждебное отношение к исламу» – слово, имеющее ярко выраженный оценочный характер.

Полагаем, что к ядру рассматриваемого поля можно отнести также ряд других арабизмов, актуальность которых подтверждается включением их в большинство из проанализированных словарей иностранных слов (не менее четырёх фиксаций). Это: обозначения двух основных направлений в исламе – *суннизм* и *шиизм* и их приверженцев – *сунниты* и *шииты*, главной священной книги ислама – *коран* (уст. алкоран), высшего духовного лица – *муфтий* и его решений – *фетва*, высшего духовного титула у шиитов, а также лица, носящего этот титул – *аятолла*, преданий о поступках Мухаммеда – *хадис*, мусульманского храма – *мечеть*, участников богослужения – *имам, мулла, муэдзин*, ежедневного пятикратного моления – *намаз*, мусульманской святыни – *каба*, культового сооружения над гробницами святых – *мазар*, исламского мессии – *махди*, священного месяца – *рамадан (рамазан)*, поста в течение этого месяца – *ураза*, подвига благочестия – *хадж*, а также того, кто его совершил, – *хаджи*.

К периферии поля мы относим ряд арабизмов религиозной тематики, не имеющих высоких показателей частотности, но в то же время служащих показателями доминирования арабизмов религиозного содержания среди актуальных арабизмов в целом, ср.:

Азан – призыв к молитве, возвещаемый муэдзином с минарета;

Аййуб – терпеливый пророк [НСИС];

Арша – верх неба, где находится престол Аллаха [БСИН];

Барака – святой дух [БСИН];

Вукуф – молитвенное стояние [БСИН, Булько];

- Джанна* – исламский рай небесный [НСИС];
Джанаба – осквернение [Комлев];
Джаханнам – исламский ад [НСИС];
Закят (закат) – добровольные пожертвования мусульманскому духовенству (НСИС, Захаренко, БСИС);
Ибада – богослужение, соблюдение обрядов [Захаренко, Комлев];
Иблис – мусульманский дьявол [БСИН, Захаренко, НСИС];
Иман – исповедание [Комлев];
Иншаллах – молитвенная формула [Комлев];
Кибла – направление на Мекку [Комлев];
Куфр – неверие, непризнание ислама [Комлев];
Мазар – культовое сооружение на могиле святого [БСИС, НСИС, Булыко, Захаренко];
Маулид – день рождения пророка [БСИС];
Минбар – кафедра в мечети [БСИС];
Мирадж – праздник в честь вознесения Мухаммеда [НСИС, БСИС];
Михраб – молитвенная ниша в мечети [БСИС];
Мудеррис – учитель Корана и шариатского права [БСИС];
Сура – глава в Коране [НСИС];
Тадживид – чтение корана нараспев [Комлев];
Танасух – переселение души [Комлев];
Тафсир – толкование корана [Комлев];
Хутба – торжественная молитва [БСИС, НСИС];
Эзан, азан – вечернее богослужение [БСИС] и нек. др.

Представленный в статье материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Лексика религиозного содержания является самой представительной группой арабизмов в современных словарях иностранных слов, что, несомненно, свидетельствует о ее коммуникативной значимости.

2. Семантическое поле с условным обозначением «Мусульманская религия» имеет четко выраженную структуру: в ядре поля можно выделить ключевые слова *Аллах* и *ислам*.

3. При объединяющем признаке актуальности эти арабизмы различаются целым рядом других параметров. Арабизм *ислам* соответствует всем признакам ключевого слова – частотность, высокая деривационная активность, наличие коннотаций. Тем не менее, полагаем, что арабизм *Аллах* также может быть отнесен к ключевым словам, что будет подтверждено в нашем диссертационном исследовании.

Литература

Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М., 2007 (БСИС).

Булыко А.Н. Современный словарь иностранных слов: 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.

Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. М., 2006.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2009.

Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М., 2006.

Новейший словарь иностранных слов и выражений. М., 2006 (НСИС).

Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / сост. А.Д. Михельсон, 1865. (www.inslov.ru).

Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1907 (www.inslov.ru).

Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / сост. М. Попов. 1907 (www.inslov.ru).

Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. под ред. А.Н. Чудинова. СПб., 1910 (www.inslov.ru).

Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина и проф. Ф.С.Петрова: 3-е изд. М., 1949 (Лехин, Петров).

Словарь иностранных слов / под ред. И.А. Лехина, С.М. Локшиной, Ф.С. Петрова и Л.С. Шаумяна: 6-е изд., перераб. и доп. М., 1964 (Лехин, Локшина).

Словарь иностранных слов: 14-е изд., испр. М., 1987 (СИС).

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скляревской. М., 2006 (Актуальная лексика).

References

Bol'shoi slovar' inostrannykh slov / sost. A.Yu. Moskvina. M., 2007 (BSIS).

Bulyko A.N. Sovremenniy slovar' inostrannykh slov. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2005.

Krysin L.P. Tolkoviy slovar' inoyazychnykh slov. M., 2009.

Komlev N.G. Slovar' inostrannykh slov. M., 2006.

Noveishiy slovar' inostrannykh slov i vyrazhenii. M., 2006 (NSIS).

Ob'yasnenie 25 000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkom yazyke / sostavil A.D. Mikhel'son. 1865. (www.inslov.ru).

Pavlenkov F. Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka. 1907 (www.inslov.ru).

Polnyi slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkom yazyke / sostavil M. Popov. 1907 (www.inslov.ru).

Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka / sostavlen pod red. A.N. Chudinova. SPb., 1910 (www.inslov.ru).

Slovar' inostrannykh slov / pod red. I.V. Lekhina i prof. F.S. Petrova: 3-e izd. M., 1949 (Lekhin, Petrov).

Slovar' inostrannykh slov. Pod red. I.A. Lekhina, S.M. Lokshinoi, F.S. Petrova i L.S. Shaumyana: 6-e izd., pererab. i dop. M., 1964 (Lekhin, Lokshina).

Slovar' inostrannykh slov: 14-e izd., ispr. M., 1987 (SIS).

Tolkoviy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika / pod red. G.N. Sklyarevskoi. M., 2006 (Aktual'naya leksika).

Zakharenko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V. Novyi slovar' inostrannykh slov. M., 2006.

Al Shammari Majid Jamil Ashur (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation)**Actual Arabic loan-words of religious content (on the material of modern foreign words)**

Application of thematic classification of actual vocabulary as a whole to the formation of loan words allows to see the uniqueness of separate groups of the vocabulary. English loan words prevail relating to the sphere of economy, science and technology, loan words from Arabic dominate from the religious vocabulary.

Application of field approach to the analysis of actual religious Arabisms revealed both nuclear and peripheral components of the field. At the core of the field there are such Arabisms as Allah and Islam, which can be characterized as key words. However, in unifying the features of these words vary at a number of parameters. The word *Allah* has zero derivation productivity and at lexicographical description (as opposed to functioning in the language of the media) is free of connotations. Arabism, *Islam*, by contrast, has a high derivation productivity and derived words can express evaluation. Lexicographic description of the Arabism *Islam* is also quite diverse stylistically and in contents.

The core of the field “Muslim religion” also includes a number of words fixed in most modern dictionaries of foreign words.

At the periphery of the field there are Arabisms that do not have high levels of frequency, but at the same time as an indicator of dominant Arabisms of religious content among topical Arabisms.

Key words: *arabism, topical vocabulary, field, core, periphery, key words.*

Al Shammari Majid Jamil Ashur (Iraqe) – post-graduate student of Russian language dpt. Institute of linguistics, journalism and cross-cultural communication, Southern federal university. E-mail: nawrc.aliraq@yahoo.com

УДК [81`366.584+81`37]=112.2
ББК 81.2Нем-2+81.2Нем-3

Е.В. Боднарук

**ВЫРАЖЕНИЕ
ФУТУРАЛЬНОЙ
ПЕРСПЕКТИВЫ
В НЕСОБСТВЕННО-
ПРЯМОЙ РЕЧИ**

Анализируются особенности семантики и употребления грамматических и лексико-грамматических средств, используемых для создания футуральной перспективы в несобственно-прямой речи. Материалом для исследования послужили эпические произведения современных немецких писателей. В фокусе внимания находятся кондиционалис I, претерит индикатива, модальные глаголы в претерите, а также формы претерита и плюсквамперфекта конъюнктива.

Ключевые слова: *несобственно-прямая речь, футуральность, кондиционалис I, претерит индикатива, модальные глаголы, претерит и плюсквамперфект конъюнктива.*

Боднарук Елена Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры немецкой и французской филологии Института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета
Тел.: 8-911-564-49-07
E-mail: bodnaruk@rambler.ru

© Боднарук Е.В., 2015.

Несобственно-прямая речь (далее – НПР) – это один из видов внутренней речи, характерных в первую очередь для художественного произведения. НПР представляет собой синтез речи нарратора и речи персонажа. Формально речь принадлежит нарратору, но в ней также в большей или меньшей степени слышен и «голос» персонажа.

Двуплановость НПР проявляется также в формальном плане. С одной стороны, в НПР в целом сохраняются синтаксический строй, эмоционально-экспрессивные и лексические особенности речи персонажа. С другой стороны, личные формы глаголов и местоимений употреблены от лица нарратора. Формальным признаком НПР обычно является также нулевая выраженность слов нарратора, вводящих внутреннюю речь.

В НПР голоса персонажа и нарратора порой настолько тесно переплетаются, что отделить их один от другого и понять, кому принадлежит мысль, бывает крайне сложно. Наличие в высказывании элементов плана выражения и плана содержания, соответствующих не позиции нарратора, а *позиции персонажа*, служит способом идентификации НПР [Долинин, с. 240].

НПР чаще коррелирует с не-диегетическим (аукториальным) повествованием, но может иметь место и в диегетическом повествовании [Шмид, с. 60, 165]. В первом типе повествование ведется от третьего лица, во втором – обычно от первого лица, являющегося участником или свидетелем описываемых событий.

Выбор глагольных форм в данном виде речи зависит от того, какая группа времен избирается автором для оформления текста нарратора. Чаще всего повествование оформляется временными формами так называемого «нарративного режима интерпретации» (термин Е.В. Падучевой) [Падучева, с. 286]. Основной временной формой в данной группе является претерит. Значительно реже для оформления текста повествователя используется группа времен «речевого режима интерпретации». Ведущей формой данной группы является презенс. Глагольные формы НПР обычно соответствуют таковым в речи нарратора, поэтому следует допустить наличие двух разновидностей НПР: НПР с использованием временных форм на претеритальной основе и НПР с использованием временных форм на преимущественно презентной основе.

Когда встает вопрос о статусе темпоральных значений временных форм в НПР, нередко отмечается, что они имеют относительное значение, поскольку автор изображает внутренний мир персонажа через призму временного плана повествователя [Гончарова, с. 96; Sherebkow, S. 199; Хорев, с. 109]. Вместе с тем, сочетаемость временных форм НПР с лексическими дейктическими элементами, которую отмечают практически все исследователи НПР, указывает скорее на абсолютное временное значение. К тому же, несмотря на наличие тесных связей НПР с речью нарратора, во многих случаях можно говорить и о своеобразной автосемантии данного вида речи. Признаки и абсолютного, и относительного употребления временных языковых единиц в НПР являются следствием той речевой интерференции, которая обязательным образом наблюдается в данном виде речи. Временные формы используются в ней из перспективы нарратора, в то время как лексические указатели времени представляют перспективу персонажа.

НПР с футуральной семантикой как правило легче вычленишь из авторского повествования. Поскольку прошлое больше всего противопоставлено именно будущему. Вообще, форма будущего времени, как подметила Е.В. Падучева, обычно требует для своей полноценной интерпретации субъекта сознания [Падучева, с. 397], использующего данную форму при планировании, ожидании, желании какого-то события.

В рамках данной статьи количественному и семантическому анализу подвергаются грамматические и лексико-грамматические средства, служащие для создания футуральной перспективы в НПР на претеритальной основе. Данный вид НПР оказался самым употребительным в романах И. Ноль, К. Хайна и Д. Кельмана, послуживших в качестве материала для эмпирического исследования. Общее количество форм в анализируемом корпусе – 691 единица.

Обращает на себя внимание довольно большое количество средств, создающих футуральную перспективу в НПР. Самыми частотными формами с футуральной семантикой в нашем эмпирическом материале оказались кондиционалис I (29 %) и претерит индикатива (17 %). Высокой частотностью характеризуются и модальные глаголы в сочетании с инфинитивом. Так, глаголы *sollen* (10,2 %) и *wollen* (9,9 %) в форме

претерита заняли третье и четвертое место. На пятой и шестой позиции оказались претерит (8,2 %) и плюсквамперфект (7,2 %) конъюнктива. Далее следуют такие модальные глаголы в форме претерита, как *müssen* (*musste* (4,7 %)) и *können* (*konnte* (4,6 %), *könnte* (2,6 %)). Употребление других форм (таких как: плюсквамперфект индикатива, модальные глаголы *dürfen* и *mögen* в форме претерита индикатива, *müssen* в форме претерита конъюнктива, а также конструкции *haben / sein + zu + инфинитив*, формы инфинитива и формы презенса индикатива) носило единственный характер.

Кондиционалис I выступает в претеритальной НПП как средство с наиболее четко выраженной футуральной семантикой. Кондиционалис I также выполняет функцию вычленения НПП из повествовательного потока, является сигналом перехода от речи нарратора к НПП. Так, известная немецкая исследовательница К. Фабрициус-Ханзен отмечает, что в отличие от индикативных форм прошедшего времени, использующихся в НПП из перспективы нарратора, форма *würde+инфинитив* представляет в ней перспективу героя произведения [Fabricius-Hansen, S. 129]. Конъюнктивная основа данной формы делает ее заметной на фоне нарративных претеритальных форм индикатива, в то время как выраженная футуральность кондиционалиса I в НПП заставляет исследователей все чаще считать ее с точки зрения семантики формой не конъюнктива, а индикатива [Thieroff, S. 148; Welke, S. 493].

Видимо, именно эти два фактора, семантика и четкая вычленимость из нарративного потока, и обуславливают высокую частотность формы:

Um halb vier saßen Max und Jenny immer noch in der Küche, tranken Kaffee und warteten auf den rettenden Einfall. Niemals würde der Großvater noch Verhöre und Untersuchungen durchstehen – um am Ende in der geschlossenen Abteilung der Psychiatrischen Klinik Heppenheim zu landen... [Noll, S. 229].

Футуральная семантика претерита индикатива в значительно большей степени зависима от условий контекста, поскольку данная форма регулярно выражает в НПП также настоящее время субъекта мысли (см. напр.: [Deutsche Morphologie, S. 252]). В целом, кондиционалис I и претерит индикатива обнаруживают в претеритальной НПП конкуренцию, аналогичную конкуренции футурального презенса и футура I в прямой речи. Обе формы могут выражать одни и те же значения: уверенного и простого/неуверенного предположения, намерения/желания.

Ср., например, значение уверенного предположения:

Er machte sich keine Illusionen, früher oder später würde Fehler korrigiert werden und das Telefon verstimmen [Kehlmann, S. 18].

Neulich war ihr Plan, den Schwiegervater durch einen Sturz ins Jenseits zu befördern, gescheitert. Demnächst aber war ihr der Alte völlig ausgeliefert, abgesehen von der halben Stunde am Morgen und Abend, wenn die Pflegerinnen kamen. Die Stolperdrähte konnten erneut gespannt werden [Noll, S. 173].

Обе формы встречаются в сложноподчиненном предложении с придаточным условия:

Er versteckte den Apparat in der Wurzel eines umgekippten Baumes. Er streute altes Laub und abgebrochene Zweige darüber, aber wenn hier einer entlangkam, würde er den Motor natürlich sehen. Bernhard wollte ihn in der Nacht nach Hause schaffen [Hein, S. 173].

Elisabeth schloss die Augen. Allerdings, wenn dies eine Geschichte war, so würde etwas passieren und es würde schwer werden, und wenn es nicht schwer werden würde, dann war es keine Geschichte. Wohin der Schlaf sie sinken mochte? Plötzlich war es ihr egal ... [Kehlmann, S. 203].

Вместе с тем кондиционалис I встречается в футуральной функции почти в два раза чаще претерита, тяготея к употреблению в простом или матричном предложении. Претерит же обнаруживает предпочтение к использованию в составе придаточного предложения. Частое употребление в придаточной части сложноподчиненного предложения, а также использование данной формы не в начале, а в середине или конце высказывания с футуральной перспективой в НПР свидетельствует о зависимости футурального значения претерита индикатива от условий контекста:

Es verging keine Woche, und ich hatte die Eltern so weit. Ab September würden wir zusammen in das Zimmer der Witwe ziehen, Rieke war dann jeden Abend bei ihrem Bernhard, und ich hatte endlich meine Freiheit und kam aus dem Kaff raus. [Hein, S. 276].

Использование модальных глаголов также следует считать характерной чертой НПР. Модальные глаголы благодаря наличию в их семантике антропоморфного компонента практически всегда отсылают к субъекту мысли, способствуя передаче внутреннего состояния героя. Следует также отметить, что модальные глаголы часто вводят высказывания с НПР.

Доля модальных глаголов в нашем эмпирическом материале в совокупности составила 34 %, это одна треть от всех средств, используемых для создания футуральной перспективы. Модальные глаголы благодаря особенностям своей семантики обычно относят совершение действия, выраженного посредством глагола в форме инфинитива, на более поздний срок.

В наибольшей степени футуральная сема свойственна глаголам *sollen* и *wollen* [Боднарук, с. 54]. У обоих глаголов в претерите имеет место синкретизм форм индикатива и конъюнктива, что, возможно, способствует высокой частотности именно данных глаголов в НПР.

Глагол *sollen* в форме *sollte* используется в НПР прежде всего для выражения значения неопределенности в отношении будущего действия, в том числе в предложениях с вопросительной семантикой;

Sollte sie Schluss machen mit dem Versteckspiel? Ihrem Lover den Laufpass geben? Ihrem Mann den Fehltritt beichten? Sie beschloss, vorläufig alles beim Alten zu belassen und erst einmal keine folgenschweren Schritte zu unternehmen, die nicht wieder rückgängig zu machen wären. Vielleicht sollte sie auch ihre Haare nicht mehr flammend rot färben, denn Harald gefiel es absolut nicht [Noll, S. 120].

Реже он встречается для выражения долженствования, обращенного к субъекту мысли:

Doch wie viele Portionen Pudding hatte der Opa eigentlich schon verputzt, und ob diese Diät die richtige war? Egal, einem Sterbenden sollte man alle Wünsche erfüllen [Noll, S. 63].

Конструкция *sollte*+инфинитив может быть использована также для выражения желания совершить действие:

Er sollte mich zum Ausgleich küssen, damit nicht nur ich es war, die geküsst hatte und er das herumerzählen könnte, obwohl ich wusste, dass Bernhard das nie tun würde [Hein, S. 101].

Или для подчеркивания неотвратимости будущего действия:

Bernhard sollte die Tischlerei seines Vaters übernehmen, sobald er die Lehre beendet und seinen Meister gemacht hätte, und so war er gezwungen, schon jetzt beim Vater mitzuarbeiten... [Hein, S. 109].

Встретилась данная форма и в условном придаточном предложении. В нем полностью нейтрализуется основное модальное значение долженствования, проявляющееся в той или иной мере при остальных употреблениях, и форма выражает условное будущее.

Sollte der Alte ein zweites Dokument mit einer Enterbung aufsetzen, dann war es wohl kein Problem, das neue einfach verschwinden zu lassen ... [Noll, S. 146].

Глагол *wollen* в форме *wollte* встречается преимущественно в своих основных модальных значениях намерения и желания совершить действие.

Der winzige Wurm hatte gewiss einen Vater, den er nie zu Gesicht bekommen würde, und ich konnte und wollte ihn nicht ersetzen... [Hein, S. 209].

Глагол *müssen* в форме претерита индикатива был употреблен в первую очередь для выражения значения необходимости:

...was immer sie versuchte, ergab denselben grellen Pfeifton im Hörer. Als nach drei weiteren Stunden niemand aufgetaucht war, beschloss sie, sich auf den Weg zu machen. Sie musste jemanden finden, der ihr helfen würde [Kehlmann, S. 107].

Реже он используется для передачи желания или уверенного предположения.

Der nächste Versuch musste auf jeden Fall gelingen. Er durfte nicht zu lange damit warten, weil der Alte täglich kräftiger wurde und ein plötzliches Ableben schon bald verdächtig erscheinen konnte ... [Noll, S. 99 – 100].

Глагол *können* в форме претерита индикатива и претерита конъюнктива чаще всего использовался для выражения возможности действия в будущем:

Schließlich hatte ich meinen Vertrag als Gärtnerlehrling bereits unterschrieben und nicht zehn Pferde konnten mich davon abhalten, nach Guldenberg umzuziehen [Hein, S. 278].

Реже для передачи предположения о будущем действии.

Doch der Brief konnte jederzeit in falsche Hände geraten, als Beweisstück auf dem Tisch der Eltern landen und vor allem die versöhnungsbereite Mutter

in Konflikte stürzen. Außerdem könnte der Sohn alles abstreiten, und die fremde Familie würde diesen Brief als Rachefeldzug einer abgehalfterten, hysterischen Geliebten abtun [Noll, S. 275].

Известно, что конъюнктив смягчает высказывание, делает его менее категоричным. То же происходит и со степенью уверенности, которая при употреблении модального глагола в форме конъюктива снижается по сравнению с формой индикатива [Fritz, S. 101].

Как показывают данные эмпирического анализа, в НПП возможно использование не только модальных глаголов в форме конъюктива, но и форм конъюктива от полнозначного глагола. В претеритальной НПП такими формами являются претерит и плюсквамперфект конъюктива.

Возможность использования в претеритальной НПП претерита конъюктива признается рядом исследователей (см., напр.: [Thieroff, S. 157; Socka, S. 244]). Так, Р. Тирофф отмечает, что претерит конъюктива в НПП выступает как синоним претерита индикатива [Thieroff, S. 157]. На синонимию данных форм указывали в своих работах также Г. Кауфманн и З. Егер. См. пример субституции форм у Г. Кауфманна: *Im Schaufenster der Bäckerei erblickte der Clochard sein Spiegelbild (...). Die dicke Bäckersfrau da drin sah nicht unsympathisch aus, von der würde er sicher was bekommen (von der bekam / bekäme er sicher was)* (по: [Socka, S. 243]).

В нашем эмпирическом материале форма претерита конъюктива, как и форма претерита индикатива чаще всего использовалась в придаточном предложении условия.

Wenn man ihm sein Lieblingsgetränk anböte, würde er sicher nicht nein sagen. Und wenn man den braunen Drink ein wenig anreicherte – etwa mit dem flüssigen Schlafmittel, dann würde es der Alte überhaupt nicht merken [Noll, S. 75].

Она встретилась также в значении предположения, чаще неуверенного (в том числе в предложениях с вопросительной семантикой):

Und hatte natürlich auch Angst: Wenn Leo jetzt rein käme, der wär im Stande und ruft Hilfe. Aber irgendwie musste ich ihm auffallen. Musste in die Geschichte. Denn was hatte ich sonst? Die Chance käm ja nicht mehr. Ich hätte ihm sogar Fresse gegeben, wenn das geholfen hätte, aber er war doch nicht da [Kehlmann, S. 155].

Таким образом, отличие претерита конъюктива от претерита индикатива в футуральной функции заключается, по-видимому, лишь в чуть более выраженной семантической неуверенности, сопровождающей большинство употреблений формы, в том числе и употребление в значении намерения / желания.

Плюсквамперфект конъюктива чаще всего служил для выражения желания, обращенного в будущее.

Ob er dem Großvater erzählen sollte, dass er mit Jenny in Berlin war? Der Alte hätte zwar wohl Verständnis dafür, könnte sich aber womöglich ein paar pikante Bemerkungen nicht verkneifen... Und das wäre für Jenny unangenehm. Außerdem hätte er gern gewusst, wann und wie lange Jenny mit Falko zusammen war... [Noll, S. 202].

Данная форма встретилась также в значении предположения и условия. В целом, плюсквамперфект конъюнктива чаще других средств с футуральной перспективой использовался для указания на маловероятный или даже ирреальный характер будущего действия. Следует отметить и наличие у плюсквамперфекта конъюнктива семы завершенности, коррелирующей часто со значением предшествования.

Und ich wollte diesen Verdienst nicht missen, ich brauchte das Geld. Die Bienen allein brachten zu wenig ein. Um davon zu leben, hätte ich mir zweihundert oder dreihundert Völker zulegen müssen, und das wäre in Arbeit ausgeartet [Hein, S. 261].

Поскольку большинство средств, регулярно используемых для выражения футуральной перспективы в претеритальной НПР, не являются однозначными, они нуждаются в своеобразной «поддержке футуральности». Для всех средств значимым фактором, способствующим актуализации футурального значения, является предельность смыслового глагола. В нашем корпусе примеров наиболее высокая частотность предельных глаголов имеет место при употреблении плюсквамперфекта конъюнктива (82 %), конструкций *musste*+инфинитив (81,8 %), *sollte*+инфинитив (81,7 %). Высока доля предельных глаголов и при использовании конструкций *könnte*+инфинитив (77,8 %), *wollte*+инфинитив (76,8 %), *konnte*+инфинитив (68,7 %), а также претерита индикатива (67 %) и кондиционалиса I (65,8 %). Лишь при употреблении претерита конъюнктива доля предельных глаголов относительно невелика (всего 47 %). Следует, впрочем, отметить, что не менее половины всех случаев употребления претерита конъюнктива приходится на придаточное предложение условия. Именно в нем и преобладают непредельные глаголы. Вместе с тем, сложноподчиненное предложение с придаточным условия вполне может рассматриваться как своеобразный футуральный контекст для тех средств, которые в нем используются, поскольку условие и следствие в нем обычно обращены в будущее. Следует также отметить, что кондициональное придаточное предложение является самым частотными типом подчиненного предложения в НПР с футуральной семантикой.

Частотность употребления в НПР с футуральной перспективой лексических указателей будущего времени (таких как *irgendwann*, *morgen*, *bald* и др.) относительно невелика. В среднем она составила 15 % от общего количества форм. Лишь кондиционалис I коррелировал с лексическими средствами выражения футуральности приблизительно в 35 % случаев употребления данной формы в НПР. Объяснить такую зависимость можно тем, что кондиционалис I довольно часто служит не только средством зачина и, тем самым, демаркации НПР, но и создает футуральный контекст для распространенного высказывания субъекта мысли о будущем, в то время как другие средства встречаются чаще внутри такого высказывания.

В заключение следует отметить, что в претеритальной НПР современного немецкого романа как одного из жанров эпического произведе-

ния для создания футуральной перспективы могут в равной степени использоваться как формы индикатива, так и формы конъюнктива на претеритальной основе. Лишь в единичных случаях встречаются и формы на презентной основе. Примечателен тот факт, что формы конъюнктива в НПП в футуральных контекстах часто не выражают ирреальной семантики, а используются в значениях, схожих с индикативными. Самой частотной формой с футуральной семантикой в претеритальной НПП является кондиционалис I, формально имеющий конъюнктивную основу, но использующийся преимущественно с индикативной семантикой.

Литература и источники

Боднарук Е. В. Роль модальных глаголов в выражении будущего времени в немецком языке // Вестн. Северного (Арктического) федерального университета. 2013. № 5.

Гончарова Е. А. Лингвостилистические средства создания образа персонажа в художественном тексте // Лингвистические исследования художественного текста: межвуз. сб. науч. тр. Л., 1983.

Долинин К. А. Интерпретация текста: учеб. пособие. М., 1985.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Хорев Л. Н. Несобственно-прямая речь в современном немецком языке как особая информационная модель // Учен. записки Владимирского гос. пед. ин-та. Серия Иностранные языки. Владимир, 1973. Т. 44, вып. 7.

Шмид В. Нарратология. М., 2008.

Deutsche Morphologie / E. Hentschel, P.M. Vogel (Hg.). Berlin; New York, 2009.

Fabricius-Hansen C. Wessen Redehintergrund? Indirektheitskontexte aus kontrastiver Sicht (Deutsch – Norwegisch – Englisch). // O. Leirbukt (Hg.) Tempus, Temporalität und Modus, Modalität im Sprachenvergleich. Tübingen, 2004.

Fritz G. Historische Semantik der Modalverben. Problemskizze – Exemplarische Analysen – Forschungsüberblick // Untersuchungen zur semantischen Entwicklungsgeschichte der Modalverben im Deutschen. Tübingen, 1997.

Hein Ch. Landnahme. Frankfurt am Main, 2005.

Kehlmann D. Ruhm. Hamburg, 2009.

Noll I. Ehrenwort. Zürich, 2010.

Sherebko W. A. Zum Ausdruck der Zukunft in der abhängigen Rede // Sprachpflege. 1965. №10.

Socka A. Sprachliche Merkmale der erlebten Rede im Deutschen und Polnischen. Tübingen, 2004.

Thieroff R. Das finite Verb im Deutschen: Tempus – Modus – Distanz. Tübingen, 1992.

Welke K. Tempus im Deutschen: Rekonstruktion eines semantischen Systems. Berlin, New York, 2005.

References

Bodnaruk E. V. Rol' modal'nykh glagolov v vyrazhenii budushchego vremeni v nemetskom yazyke // Vestn. Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. 2013. № 5.

Dolinin K. A. Interpretatsiya teksta: ucheb. posobie. M., 1985.

Goncharova E. A. Lingvostilisticheskie sredstva sozdaniya obraza personazha v khudozhestvennom tekste // Lingvisticheskie issledovaniya khudozhestvennogo teksta. Mezhvuz. sb. nauch. tr. Leningrad, 1983.

Khorev L. N. Nesobstvenno-pryamaya rech' v sovremennom nemetskom yazyke kak osobaya informatsionnaya model' // Uchen. zapiski Vladimirovskogo gos. ped. in-ta. Seriya Inostrannye yazyki. Vladimir, 1973. T. 44, vyp. 7.

Paducheva E. V. Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa. M., 1996.

Shmid V. Narratologiya. M., 2008.

Deutsche Morphologie. E. Hentschel, P.M. Vogel (Hg.). Berlin, New York, 2009.

Fabricius-Hansen C. Wessen Redehintergrund? Indirektheitskontexte aus kontrastiver Sicht (Deutsch – Norwegisch – Englisch). // O. Leirbukt (Hg.) Tempus, Temporalität und Modus, Modalität im Sprachenvergleich. Tübingen, 2004. S. 119-155.

Fritz G. Historische Semantik der Modalverben. Problemskizze – Exemplarische Analysen – Forschungsüberblick // Untersuchungen zur semantischen Entwicklungsgeschichte der Modalverben im Deutschen. Tübingen, 1997. S. 1-157.

Hein Ch. Landnahme. Frankfurt am Main, 2005. 383 S.

Kehlmann D. Ruhm. Hamburg, 2009. 203 S.

Noll I. Ehrenwort. Zürich, 2010. 336 S.

Sherebkow W. A. Zum Ausdruck der Zukunft in der abhängigen Rede // Sprachpflege. 1965. №10. S. 196-200.

Socka A. Sprachliche Merkmale der erlebten Rede im Deutschen und Polnischen. Tübingen, 2004. 327 S.

Thieroff R. Das finite Verb im Deutschen: Tempus – Modus – Distanz. Tübingen, 1992. 316 s.

Welke K. Tempus im Deutschen: Rekonstruktion eines semantischen Systems. Berlin, New York, 2005. 522 S.

Bodnaruk E.V. (North (Arctic) federal university, Arkhangelsk, Russian Federation)

Expression of future prospective in indirect speech

The article analyzes the characteristics and use of grammatical semantics and lexical and grammatical means used to create future prospects in double indirect discourse. The material for the study were epic works by contemporary German writers. In the analysis of the empirical material it has been pointed out that indirect discourse has preterial basis and is the kind of most frequent inner speech of characters. The most widely used form with future semantics in preterial indirect speech is conditional I, formally having a conjunctive basis, but is mostly used with the indicative semantics. Competitive to conditional I in indirect speech is preterial indicative. A characteristic feature of the indirect speech is the use of modal verbs, which, thanks to its semantics is usually referred as an action at a later term, creating the prospect of future statements. The most frequent were modal verbs *wollen* and *sollen* in the form of the preterite, more rare verbs were *müssen* and *können*. German indirect speech distinguishes the ability to use forms on

the basis of conjunctive: preterite and plusquamperfect of conjunctive. Both forms express values similar to those of the indicative. However, conjunctive forms the basis of the data shown in a slightly more pronounced sense of uncertainty that accompanies future uses of these forms in indirect speech. In addition, plusquamperfect conjunctive differs from others by the presence of the sense of completeness.

Key words: *indirect speech, future, konditsionalis I, preterit indicative, modal verbs, preterit and plusquamperfect conjunctive.*

Bodnaruk Elena Vladimirovna – North (Arctic) federal university, Arkhangelsk, Russian Federation. Institute of linguistics and cross-cultural communication, German and French linguistics dpt. Candidate of linguistics, professor assistant. Тел.: 8-911-564-49-07; e-mail: bodnaruk@rambler.ru

УДК 81'42
ББК 81.2

Т.Ю. Ларина

ОСОБЕННОСТИ ОНИМИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И КАТЕГОРИЗАЦИИ И МЕСТО ОНИМОВ В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ

Рассматриваются особенности категоризации и концептуализации имен собственных в ментальном лексиконе, что позволяет дать объяснение некоторым существенным аспектам семантики и функционирования онимов. Рассматривается структура и формы существования онимических фреймов и доменов, информационное наполнение онимического концепта, основные когнитивные процессы, связанные с онимической номинацией, и разрабатываются положения когнитивной ономастики как раздела лингвокогнитологии.

Ключевые слова: категоризация и концептуализация онимов, ментальный лексикон, фрейм, домен, онимический концепт, онимическая номинация.

Ларина Татьяна Юрьевна – преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета; соискатель кафедры русского языка и теории языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-928-155-31-37
E-mail: tatianalarina2008@yandex.ru

Сегодня формируется новая отрасль ономастики – когнитивное исследование имени. В этой области меняется не только аспект, но и сам предмет исследования. Если ономастика познает имена, то когнитивная ономастика выясняет, как это познание реализуется, каковы механизмы познания имен. Поскольку познание осуществляется в сознании человека языком мозга, то и когнитивная ономастика имеет дело, прежде всего, с ментальным лексиконом. По сути, выяснение способов бытия и функционирования онимов в ментальном лексиконе представляет собой основную проблему когнитивной ономастики.

Из этой проблемы вытекают и другие: формы концептуализации имен; свойства онимических концептов; способы организации онимических концептов в онимические фреймы и домены на почве унифицированных структур знаний и их связи с внеязыковыми реалиями; разграничение онимических фреймов в соответствии с разграничением их денотатов; разграничение онимических фреймов на индивидуальные и общезыковые и пути такого разграничения; обоснование концентрической организации индивидуальных онимических фреймов и этноцентрической и радиальной организации общезыковых онимических фреймов; ассоциативный характер семантического наполнения онимических концептов с его общим и индивидуальным компонентами; установление направлений ассоциативной идентификации онимических концептов.

© Ларина Т.Ю., 2015.

Меняются, причем существенно, и методы когнитивного исследования онимов. Методов непосредственного наблюдения ментального лексикона не существует, зато есть три довольно результативных пути его опосредованного лингвистического изучения. Это, во-первых, анализ актов речи, которые порождаются ментальным лексиконом и komponуются из имеющихся в ментальном лексиконе концептов, в том числе и концептов онимических. Этот путь представляет собой движение от концепта к слову. Во-вторых, это осуществление социолингвистических экспериментов, в том числе получение реакций-ассоциаций на онимические стимулы, что является движением от слова к концепту. И, в-третьих, это рефлексия исследователя, попытка проникнуть в деятельность своего собственного ментального лексикона, чтобы разобраться, как в нем существуют и функционируют имена. Этот путь – путь познания концепта как такового. В нашей работе мы пользуемся всеми этими тремя путями.

Новые, неизвестные данному человеку имена, постоянно приходят в его ментальный лексикон. Это и имена персонажей, авторов художественных, научных и публицистических текстов, фамилии авторов, собственные имена объектов, окружающих человека в повседневной жизни (вывески, знаки и др.), онимы, к которым апеллируют участники живой коммуникации и т.п. Большинство этих онимов сразу же забывается, выталкивается из ментального лексикона как ненужные, не связанные с актуальным дискурсом. Собственно, такие названия не проходят автономной системы допуска в ментальный лексикон, что в конечном итоге требуется для нормальной его работы. Ментальный лексикон не может быть излишне загроможденным.

Именно поэтому имена, которые проникли в ментальный лексикон, поддаются систематизации:

- 1) известны они или неизвестны;
- 2) если неизвестны, то к какой группе их следует отнести;
- 3) какие денотаты им сопоставлены и какие существуют знания об этих денотатах.

Иными словами, происходит обработка, перекодирование имени собственного – трансформация слова в концепт, его концептуализация. Параллельно оним испытывает и категоризацию – нахождение его уместной позиции в ментальном лексиконе, для чего требуется причисление его к определенному разряду (антропонимы, топонимы и т.д.) и домену (гидронимы, оронимы и т.д.). Люди обычно не знают терминов, но известное название сочетают с уже известной сферой знаний о мире. Далее в ход вступает семантика, происходит перегруппировка, транспозиция уже известных, имеющихся в ментальном лексиконе онимических концептов – например, фамилия О'Брайен ассоциируется с Ирландией, Волга ассоциируется с Россией и т.п.

Такая переработка, классификация имеющихся в ментальном лексиконе концептов происходит (сознательно, автономно или полуавтономно) в целом постоянно, даже во сне, что может приводить к наход-

кам, к появлению ранее незамеченных соединительных цепочек, в конце концов – к большим или меньшим открытиям. Деятельность ментального лексикона, наконец, компонует онимы в фреймы и домены (субфреймы), постоянно достраивая и перестраивая то и другое. Все это приводит в порядок ментальный лексикон и путем концептуализации и категоризации делает его более вместительным.

Таким образом, имена преимущественно приходят в язык мозга из «окружающего мира», т.е. из-за пределов Я носителя ментального лексикона. В то же время ментальный лексикон является не только приемником, но и творцом. Каждый человек участвует в актах номинации – в создании и развитии речи, в том числе в создании онимов. В пределах ментального лексикона могут не только воспроизводиться, но и создаваться новые имена. Придумывают или выбирают, так или иначе, осуществляя акт номинации, онимы для людей, для произведений, для новоосвоенных объектов местности, для животных, для астероидов или спутников планет или объектов на их поверхности и т.д. Если оним не приходит в ментальный лексикон, а творится в нем, этот оним все равно опирается на какие-то языковые факты, имеющиеся за пределами ментального лексикона.

Помимо того, оним, приходит ли он в ментальный лексикон извне или творится в самом ментальном лексиконе, все равно связывается с определенным концептом. Концепт всегда объемнее, шире слова, поскольку, кроме вербального, включает также невербальный компонент, а слово по своей сути на это не способно. Концепт также включает, кроме общепринятого, еще индивидуальный, присущий только данному ментальному лексикону ассоциативно-семантический компонент, который при общении не выходит за пределы ментального лексикона своего носителя.

Имена приходят в ментальный лексикон и выходят из него. Собственно говоря, здесь речь идет о двух совершенно разных процессах: 1) выход онима в текст, в речь, когда он используется для коммуникации, оставаясь при этом полноправным концептом в составе ментального лексикона; 2) выход онима из состава ментального лексикона – его выпадение из памяти, забывание. Эти процессы имеют разный смысл и различные механизмы своей реализации, причем оба существенны для понимания ментального бытия имен.

В первом случае, при коммуникативном использовании имеющих в ментальном лексиконе имен, происходит их переработка, перекодировка. Онимы-концепты репрезентируются в словах и, вербализованные, выходят из ментального лексикона – произносятся или записываются в составе речевой цепочки. При этом онимы как наименование единичных объектов четко и конкретно привязаны к определенному месту (прежде всего топонимы) и определенному времени (прежде всего антропонимы).

При этом они, во-первых, просто и экономно создают хронотоп – привязывают сказанное, особенно если сказанное является художествен-

ным произведением, к определенному времени и определенному месту; во-вторых, образуют прочные связи со своим денотатом (что особенно существенно в случае онима, поскольку его денотат – единственный), служа для него своеобразным «якорем», который вовлекает разнообразные (и часто весьма значительные) знания, пресуппозиции, связанные с этим денотатом. Так, при восприятии имени *Кутузов* актуализируется информация о победах и боевом духе российской армии, актуализируются и другие онимы, такие, как *Бородино*, *Москва* и т.д. Эта особенность имен делает их важным фактором общего упорядочения ментального лексикона, а при использовании их в процессе коммуникации порождает для имени собственное эксплицитное или имплицитное семантическое сопровождение. Можно сказать, что в речевой цепочке каждый включенный туда оним формирует отдельный фрагмент картины мира со своими внутренними пространством и временем.

Во втором случае, когда имя собственное не выходит из ментального лексикона для использования, а выпадает из него, забывается, теряется памятью, мы наблюдаем совершенно другой процесс, которому присущи совершенно другие механизмы, другой ход и другие результаты. Процесс забывания и причина забывания – очень интересные и сложные когнитивные феномены. Главная из причин – прагматическая. Наиболее интенсивно забывается то, что перестало быть актуальным или стало ненужным (определение нужного и ненужного является субъективным и поэтому нередко ошибочным), то, что долгое время не применялось в коммуникативных актах носителя ментального лексикона. Общественной причиной забывания иногда является табу, которому нередко подвергались также и имена. Табу, преимущественно этического направления, существует и сейчас, но оно утратило свою обязательность и довольно легко нарушается. В процессах забывания едва ли не самым интересным является то, что они обычно не бывают необратимыми. Нередко онимы, забытые в молодости, вспоминаются только на склоне лет. Из забытого может вспомниться сначала денотат, а уже потом сопряженное ему имя. Нередко бывает наоборот – вспоминается сначала оним, а за ним следует денотат. Может вспомниться только одна половина связи оним – денотат.

Это явление припоминания забытого содержит значительную и интересную информацию о бытии онимов в ментальном лексиконе. Если сегодня забыл, а завтра вспомнил, то это означает, что оним, хоть он и забыт, не выпал из ментального лексикона, а спрятался на периферии, может, в подсознании, и для поисковых систем, которыми владеет ментальный лексикон, оказывается недоступным. Процессы постоянной внутренней концептуализации и категоризации, особенно активизированные внешними раздражителями, приводят в конце концов к тому, что якобы забытое вдруг выплывает на поверхность ментального лексикона, в зону его активного действия. Процессы забывания имен, как и процессы использования в актах коммуникации, позволяют сделать ряд существенных выводов об организации ментального лексикона и о

его работе. В этой связи уместно говорить уже не только о когнитивной ономастике, но и об ономастической когнитологии.

Концептуальное оформление получает фактически все информационное пространство ментального лексикона, а не только та его часть, которая в данный конкретный момент функционирует. Предположительно, концепты находятся на поверхности знания, а в глубине расположены сжатые, минимизированные схемы или, иначе, символы концептов, которые при необходимости вызываются на поверхность, получают формы полноценных концептов и включаются в речемыслительную деятельность. Другими словами, символы в ментальном лексиконе – это пассивные концепты, а концепты – это активизированные символы. Подчеркнем, что термин «символ» употребляется здесь в специальном, несколько необычном смысле. Речь идет о символах, которые являются таковыми только в пределах конкретного ментального лексикона как результат его операциональной деятельности. В этом случае символом концепта становится существенная редукция этого концепта, что позволяет вместить в ментальный лексикон огромное количество информации. Концепт, трансформируясь в символ, символизирует сам себя. И этот процесс редукции (символизации) может заходить так далеко, что человек уже не способен добыть символ концепта на поверхность ментального лексикона и происходит забывание, которое преимущественно представляет собой только иллюзию забывания.

Непрерывный процесс категоризации, который происходит в ментальном лексиконе, держит его в активном, рабочем состоянии, а редукция и «развертывание» концептов заставляет языковое сознание находиться в постоянном движении. Однако это не беспорядочное броуновское движение, а систематизация, упорядочение, образование новых когнитивных структур (по Р.Лангакеру), т. е. новых связей между концептами, которые, кстати, в процессе социолингвистического эксперимента репрезентируются как реакции на заданный стимул.

Эти процессы систематизации информационного содержания ментального лексикона в контакте с объективной действительностью и под влиянием объективной действительности приводят, кроме уже указанного, к двум существенным результатам. Оба касаются любых концептов, но мы сосредоточим свое внимание на концептах онимических. Первый из них – профилирование концептов. Профилирование в понимании Рональда Лангакера приводит к изменению денотата, а следовательно, в онимах – к появлению нового онимичного концепта, причем, а) с сохранением того же домена: *Авессалом Изнуренков, отец Федор, Ипполит Матвеевич Воробьянинов* (И.Ильф и Е. Петров); б) с изменением домена: *имя Луарвик > фамилия Луарвик* (А. и Б. Стругацкие), *река Москва > город Москва*; в) с заменой разряда (фрейма): *богиня Венера > планета Венера, имя Антон Рубинштейн > пароход Антон Рубинштейн* (И.Ильф и Е. Петров) и т.п.

Профилирование в понимании Ежи Бартминьского не изменяет денотат концепта, а следовательно, и сам концепт, но меняет его вос-

приятие, отношение к нему, его общественную оценку. Поразительной динамикой своего восприятия, кардинального переупорядочивания в пространстве и особенно во времени подверглись денотаты, обозначения антропонимов *Троцкий, Сталин* и т.д., также сакральные денотаты, обозначенные теонимами *Венера, Перун, Один, Кецалькоатль* и другие имена божеств, верования в которых отошло в прошлое [Бартминьский, с. 52].

Второй результат систематизации концептуального содержания ментального лексикона – выстраивание онимических фреймов. Фреймы как понятийные структуры, «средства организации опыта и инструменты познания» (Ч. Филлмор), в отличие от лексико-семантических полей (или групп, систем), имеют не только и не столько интралингвистические основы, сколько экстралингвистические, мотивируясь внеязыковыми факторами, объективной действительностью, унифицированными схемами опыта [Fillmore, p. 64].

Главная примета имен – идентификация единичных денотатов – неразрывно связывает их с внеязыковой действительностью, тем самым предоставляя им фреймовые свойства. По типам денотатов и, соответственно, способам их категоризации и номинации, они выстраиваются в ментальном лексиконе, по нашим наблюдениям, в девять типов фреймов: 1) антропонимических (объединяет наименование людей), 2) топонимический (названия географических объектов) 3) теонимический (имена богов, божеств, персонажей религий и мифологий), 4) эргонимический (имена объединений людей), 5) зоонимический (клички животных), 6) космонимический (имена небесных тел, их объединений и их частей), 7) хронимический (наименование событий, выдающихся временных отрезков), 8) хрематонимический (имена отдельных материальных объектов), 9) идеонимический (наименование идеальных, духовных предметов).

Каждый фрейм состоит из нескольких субфреймов, которые могут быть обозначены также употребляемым в когнитологии термином *домен*. Так, космонимический фрейм объединяет такие домены: 1) названия созвездий, 2) названия звезд (здесь подошел бы термин астрономия, если бы он не употреблялся как синоним фреймового обозначения космонимия), 3) наименование планет (планетонимы), 4) наименование астероидов – малых планет, 5) имена спутников планет, 6) названия комет (кометонимы), 7) названия галактик, прежде всего – нашей, Млечного Пути, 8) названия деталей поверхности космических тел (космотопонимы).

Помимо этого, каждый фрейм делится на общезыковой и индивидуальной фреймы (с наличием промежуточных коллективных – общественных, территориальных и т.д. – фреймов). Поскольку ментальный лексикон является фактом принципиально индивидуальным (один ментальный лексикон принадлежит только одному человеку, у разных людей – разные ментальные лексиконы), то и изучение ментального бытия онимов должно быть сосредоточенным на изучении индивидуаль-

ных онимических фреймов. Ментальность народа существует, но народного ментального лексикона нет. Языковое сознание индивидуума не выходит за пределы мозга. То, что получается путем перекодирования (вербализации) концептов в слова (морфемы, фразеологизмы), исходя из потребностей коммуникации, становится уже достоянием данного языка.

При этом существуют онимические фреймы в языковом сознании, в индивидуальном ментальном лексиконе. Все остальные речевые и языковые их проявления являются отражениями того, что происходит в языковом сознании носителей языка. Поэтому ведущим путем познания форм бытия, когниции и функционирования онимов является изучение индивидуальных онимических фреймов. С точки зрения Е.Ю. Карпенко, каждый из индивидуальных онимических фреймов имеет концентрическую структуру, сосредоточенную вокруг определенного проявления Я носителя ментального лексикона и включает не менее четырех кругов. Е.Ю. Карпенко выделяет пример четырех кругов антропонимических фреймов:

1) «ты-круг» (родня, друзья, близкие люди), а в других фреймах – все ближе: малая родина, ближайшее окружение, родная религия, любимые произведения, предметы, события);

2) «вы-круг» (лично знакомые люди, по другим фреймам – знакомые местности, организации, прежние верования своего народа, все то, что человек видел, посещал, слышал, читал);

3) «они-круг» (известные человеку исторические лица и вообще вся онимическая информация, имеющаяся в ментальном лексиконе без личного знакомства человека с денотатом; на этом уровне можем, как в топонимии, эргонимии, идеонимии, выделить не один, а несколько кругов);

4) круг неизвестности (наименование тех людей, местностей, богов, животных, организаций, предметов, явлений, событий и т.п., которые в конкретном ментальном лексиконе отсутствуют). Круг неизвестности относится к индивидуальному онимическому фрейму как потенциальный, так как он является источником когниции и находится в тесных и плотных связях с группами онимов, которые в ментальном лексиконе имеются [Карпенко, с. 72 – 82].

Говоря об общности различных ментальных лексиконов, не следует забывать о еще одном факторе, не самом важном. Ментальный лексикон ребенка наполняется, прежде всего, путем усвоения информации от ближайшего окружения: родителей, старших братьев и сестер – от семьи. Ментальный лексикон формируется в семье, но он там не создается. Ребенок уже рождается с ментальным лексиконом, который изначально является сплошь невербальным [Хомский]. С развитием ребенка он все больше вербализируется, при этом известно мнение, что ребенок все названия воспринимает и принимает как имена собственные, а потом уже приходит расщепление их на собственные и нарицательные. Здесь, можно думать, онтогенез является отражением филогенеза: именно

так развивались отношения онимов и апеллятивов в развитии человечества. Все имена, как известно, являются вторичными, образованными в конечном счете от апеллятивов. В процессе возникновения языка названия воспринимались как собственные: так понятнее, конкретнее. Наричательная номинация требует абстрагирования, до которого надо было еще дорасти. Разделение первых слов, принципиально онимических, на общие и собственные привело к превращению бывших названий, которые понимались как собственные, в названия общие; роль общих названий как выразителей основных, жизненно значимых вещей и явлений в ментальном лексиконе возросла, и они стали доминировать; это породило осознание сущности имен как названий единичных и тем самым исключительных вещей и явлений, что и привело к осмыслению имен как вторичных, производных от названий общих.

Семантическое наполнение онима в ментальном лексиконе лучше всего выявляется путем ассоциативного эксперимента. Значение каждого онима (вообще каждой лексемы) можно представить в виде ассоциативного поля, систематизируя ассоциативные реакции на онимическую лексему. Сколько бы ни было участников эксперимента (реципиентов), в их реакциях, если они являются носителями одного языка, практически всегда будет что-то общее и что-то отличное. Совместное принадлежит общезыковым фреймам, прежде всего, это наиболее частотные ассоциации. Нижняя часть ассоциативного поля – ассоциации, которые произошли один-два раза, – принадлежит к индивидуальным фреймам.

Специфика онимического ассоциативного поля по сравнению с апеллятивным заключается в том, что здесь почти всегда происходят поиски наиболее адекватного денотата (оним указывает только на один денотат, но претендентов с названиями-омонимами, особенно среди антропонимов и зоонимов, может быть много). Ассоциативные исследования онимических полей позволяют также разграничить различные разряды онимов. Вообще, для подробного выяснения бытия онимов в ментальном лексиконе ассоциативные эксперименты и разработанные на их базе онимические ассоциативные словари крайне нужны. Их разработка – одна из неотложных задач когнитивной ономастики.

Сущность и функционирование ментального лексикона, состав и формы существования его единиц, сохранение, трансформации и взаимодействие этих единиц, в том числе единиц онимических, только начали открывать перед наукой свои тайны. Уже сейчас можно сделать вывод, что имена в ментальном лексиконе играют значительно более существенную роль, чем в языке и речи. Они не просто существуют в ментальном лексиконе в большом количестве (как правило, их там больше, чем общих названий). Становясь, подобно всем единицам ментального лексикона, концептами в активной или в пассивной форме, они служат организаторами ментального лексикона, координаторами языковой картины мира, заголовками свернутых структур памяти и средствами развертывания и экспликации этих структур в речемыслительной деятельности.

Литература

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: пер.с польского / сост. и отв. ред. С.М. Толстая М., 2005.

Карпенко Е.Ю. Когнітивна ономастика як новий напрямок вивчення власних назв // Восточноукраинский лингвистический сборник. Донецк, 2006. Вып. 10.

Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.

Fillmore Ch. J. Scenes-and-frames semantics // *Cole R. W.* Current Issues in Linguistic Theory. Bloomington/London: Indiana University Press, 1977.

References

Bartmin'skii Ezhi, Yazykovoii obraz mira: ocherki po etnolingvistike. Perevod s pol'skogo. Sostavitel' i otv. redaktor S.M. Tolstaya. M., 2005.

Fillmore, Ch. J. Scenes-and-frames semantics // *Cole R. W.* Current Issues in Linguistic Theory. Bloomington/London: Indiana University Press, 1977.

Karpenko E.Yu. Kognitivna onomastika yak novii napryamok vivchennya vlasnikh nazv // Vostochnoukrainskii lingvisticheskii sbornik. Donetsk, 2006. Vyp. 10.

Khomskii N. Yazyk i myshlenie. M., 1972.

Larina T.Yu. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation)

Features of the onymic conceptualization and categorization and place of onyms in mental lexicon

Today, a new branch of onomastics is being formed - cognitive research of the name. In this area, it has been changed not only the aspect, but also the subject of study. If onomastics comprehends names, cognitive onomastics studies how this knowledge is implemented, what the mechanisms of name cognition are. As cognition is carried out by conscience with brain language, cognitive onomastics deals primarily with the mental lexicon. Figuring out ways of being and functioning in onim mental lexicon is a major problem in cognitive onomastics. From this problem arise others: forms of conceptualization of names; properties of onymic concepts; ways of organizing concepts in onymic frames and domains on the basis of unified knowledge structures and their relationship to extralinguistic reality; distinction of onymic frames, etc. It has been changed methods of cognitive research of onyms. It can be concluded that the names in the mental lexicon play much more important role than in language and speech. They simply do not exist in mental lexicon in large quantities (usually there are more common names). Becoming, like all units of the mental lexicon, concepts in active or passive form, they are the organizers of the mental lexicon, coordinators of linguistic world, titles of folded memory structures and deployment tools and explication of these structures in speech and thinking activity.

Key words: *categorization and conceptualization, onym, mental lexicon, frame, domain, onymic concept, onymic nomination.*

Larina Tatyana Yurievna – lecturer of the English language for faculties of the humanities dpt. Institute of linguistics, journalism and cross-cultural communication of Southern Federal University; post-graduate student of Russian language and theory of language dpt. Institute of linguistics, journalism and cross-cultural communication of Southern Federal University. Tel.: 8-928-155-31-37; e-mail: tatianalarina2008@yandex.ru

УДК 811. 581
ББК 81.0 (Кит.)

В. Л. Денисова

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ
ЗНАЧЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ «红/
КРАСНЫЙ» В КИТАЙСКОМ
И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Статья посвящена изучению семантического значения лексемы «红/ красный» в китайском и русском языках. Подробно рассматриваются значения красного цвета в китайском и русском языках, предлагаемые авторитетными китайскими и русскими лексикографическими словарями. Проводится сравнительный анализ значений лексемы «红» и «красный», определяются семантические группы лексем «红/ красный» в китайском и русском языках, выявляются черты сходства и различия. Делается вывод, что красный цвет в китайском и русском языках имеет в основном положительный оттенок; лексемы «红/ красный» в обоих языках обладают как схожими, так и характерными для каждого языка коннотациями. Семантическое значение красного цвета в китайском и русском языках обусловлены лингвокультурологическими особенностями, проявляющимися в национальной символике цвета.

Ключевые слова: *красный цвет, семантическое значение, китайский язык, русский язык.*

Денисова Валерия Львовна – аспирант кафедры китайской филологии Факультета китайского языка и литературы Гуманитарного института Хуачжунского университета науки и технологий (г. Ухань, пров. Хубэй, КНР)
Тел: +7 (4212) 48-77-29
E-mail: I201322167@hust.edu.cn

© Денисова В.Л., 2015.

Цвет является одной из интереснейших проблем в языке и культуре, которая привлекает внимание ученых. В лексемах, обозначающих цвет, отражаются географические условия, социально-экономические и культурно-исторические особенности страны и этноса [Дубкова, с. 188]. Цвет в китайской и русской культуре имеет несомненно важное значение. Цвет является одним из понятий культуры, он отражает развитие и своеобразный характер национальной культуры.

Как лексико-семантическая группа цветоименования достаточно глубоко изучались во многих аспектах и на материале различных языков (Качаева, 1968, 1984; Бахилина, 1975; Алимпиева, 1984; Фрумкина, 1984; Чэн Си, 1991; Вежбицкая, 1999; Гао Хайянь, 1999; Кульпина, 2001; 叶军, 2001; Дубкова, 2004; Серов, 2004; Шевчук, 2004; 苏新春, 2005; Berlin, Kaу, 2006; Василевич, 2005, 2007; Рахилина, 2007; Морозова, 2008; Гуз, 2010 и др.)

Китайская культура – это культура цвета, резко контрастирующая с европейской цветовой традицией [Дубкова, с. 188]. В китайской культуре красный цвет символизирует процветание, финансовое благополучие и счастливую судьбу, а также включает в себя такие понятия, как теплота, романтика, стремление к счастью и избавлению от всякого зла [曾凡荣, с. 97].

Материалом для исследования семантического значения лексемы «红» hóng в китайском языке послужили следующие словари: «现代汉语词典» xiàndài hànyǔ cídiǎn

(Словарь современного китайского языка), «新华字典» xīnhuá zìdiǎn (Словарь Синхуа), «中华现代汉语双序大辞典» zhōnghuá xiàndài hànyǔ shuāng xù dà cídiǎn (Словарь современного китайского языка).

Анализ семантического значения лексемы «红» в китайском языке по данным лексикографических источников позволил нам выявить, что значение лексемы «红» может быть выражено восемью группами:

1. цвета крови или граната:
 红灯 hóngdēng – красный свет (светофора);
 红枣 hóngzǎo – красный финик;
2. праздничный, нарядный:
 披红 pīhóng – надеть красные шелковые повязки, например, на новобрачных, на победителей, на героев; увенчать лавровым венком;
 挂红 guàhóng – декорировать полосами красной материи по случаю радостного события; разукрасить;
3. удачный, успешный:
 红运 hóngyùn – красная судьба, т.е. благосклонная судьба;
 开门红 kāiménhóng – положить успешное начало; дать с самого начала положительные результаты;
4. относящийся к революционной или политической деятельности:
 红军 hóngjūn – Красная армия;
 红五月 hóng wǔyuè – красный май, т.е. 1 мая (Международный День Труда);
 红色政权 hóngsè zhèngquán – красная власть; красный режим (режим установленный руководством пролетариев);
 红色根据地 hóngsè gēnjùdì – красные районы, т.е. районы народной власти;
5. популярный, уважаемый:
 红人 hóngrén – красный человек, т.е. любимчик; известный человек;
 红角 hóngjué – известный, популярный артист;
6. выгодный:
 红利 hónglì – красная прибыль, т.е. дивиденды; наградные (отчисляемые от прибыли);
7. относящийся к классической китайской литературе:
 红学 hóngxué – красноведение, раздел литературоведения, изучающий роман «Сон в красном тереме»;
8. относящийся к женщине:
 红袖 hóngxiù – красные рукава, т.е. женщина; девушка; красавица;
 红泪 hónglèi – кровавые слезы, т.е. слезы красавицы, вызванные душевными переживаниями.

По утверждению Н. В. Уфимцевой, красный цвет для русского языкового сознания является наиболее распространенным и употребляемым цветом [Уфимцева, с. 154]. Следует отметить, что в русской культуре красный цвет символизирует красоту, тепло, удачу, силу. Это цвет жизни, радости и любви [Ли Аньфэн, с. 93].

Материалом для исследования семантического значения лексемы «красный» в русском языке послужили следующие словари: «Толковый словарь живого великорусского языка» под редакцией В. И. Даля, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, «Толковый словарь современного русского языка» под редакцией С. И. Ожегова, «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова, «Этимологический словарь русского языка» под редакцией М. Фасмера, «Современный толковый словарь русского языка» под редакцией Т. Ф. Ефремовой.

Анализ семантического значения лексемы «красный» в русском языке по данным лексикографических источников позволил нам выявить, что значение лексемы «красный» может быть выражено девятью группами:

1. цвета крови:
красные губы; красное вино;
2. радостный, счастливый:
на миру и смерть красна;
3. красивый, прекрасный:
красная девица (красивая девушка);
4. яркий, ясный, светлый (в поэтическом значении):
красное солнышко; красный день;
5. почетный, дорогой, парадный:
красный угол (почетный угол в избе); красное крыльцо;
6. нарядный, украшенный:
красное платье; красная изба;
7. ценный, лучший:
красная рыба; красный лес; красная дичь;
8. относящийся к революционной деятельности:
Красная армия; красная гвардия;
9. относящийся к советскому строю:
красное знамя.

Рассмотрев семантическое значение лексемы «*红*/ красный» в русском и китайском языках, можно сделать вывод, что красный цвет в обоих языках имеет в основном положительный оттенок. Суммируя результаты нашего исследования, мы составили таблицу с целью проведения сравнительного анализа значений лексемы «*红*» и «красный». В таблице представлено 13 групп – значений лексемы «*红*» и «красный». Во избежание повтора, некоторые группы значений лексем «*红*» и «красный» мы объединили в одну общую группу, например: «цвета крови» и «цвета крови и граната» мы объединили в группу – «цвета крови»; «относящийся к революционной деятельности» и «относящийся к революционной или политической деятельности» – в группу «революционный»; «красивый, прекрасный» и «относящийся к женщине» – в группу «красивый»; «праздничный, нарядный» и «нарядный, украшенный» мы объединили в группу – «праздничный». Сопоставление значений крас-

ного цвета позволит выявить схожее и различное в китайской и русской культуре (таблица).

Сравнительный анализ значений «红» и «красный»

№	Значения	红	Красный
1	Цвета крови	+	+
2	Праздничный	+	+
3	Удачный, успешный	+	-
4	Революционный	+	+
5	Относящийся к классической китайской литературе	+	-
6	Выгодный	+	-
7	Популярный, уважаемый	+	-
8	Радостный, счастливый	-	+
9	Ценный, лучший	-	+
10	Почетный, дорогой, парадный	-	+
11	Красивый	+	+
12	Относящийся к советскому строю	+	+
13	Яркий, ясный, светлый	-	+

Результаты проведенного анализа указывают на то, что лексема «红» и «красный» обладает схожими коннотациями в 5 группах: 1) цвета крови; 2) праздничный; 3) революционный; 4) красивый; 5) относящийся к советскому строю. В восьми группах коннотации различны: 1) удачный, успешный; 2) относящийся к классической китайской литературе; 3) выгодный; 4) популярный, уважаемый; 5) радостный, счастливый; 6) ценный, лучший; 7) почетный, дорогой, парадный; 8) яркий, ясный, светлый.

В китайской и русской культурах красный цвет обладает разным символическим значением и интерпретируется с учетом традиций и обычаев. Поэтому в семантических различиях лексемы «红/ красный» можно найти национально-специфический компонент, обусловленный различием двух культур. В русском языке лексема «красный» обладает более широким коннотативным значением, чем лексема «红» в китайском языке. Различия указывают на отсутствие тех или иных цветовых компонентов в языках.

Таким образом, лексема «红/ красный» в китайском и русском языках обладает как схожим, так и характерным для каждого языка семантическим значением. Различия в семантике лексемы «红/ красный» отражают культурные особенности в языке китайского и русского народа, что позволяет расширить знания о культуре, традициях и обычаях двух стран.

Литература

- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994.
Дубкова О. В. Цвет в китайском языке и культуре // Бытие и язык. Новосибирск, 2004.
Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. М., 2009.
Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.
Ли Аньфэн. Русские фразеологические единицы с цветовым компонентом на фоне китайской лингвокультуры: автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 2009.
Ожегов С. И. Шведова Н. Ю. Толковый словарь современного русского языка. М., 2010.
Уфимцева Н. В. Русские глазами русских // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.
Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М., 2000.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986.
 现代汉语词典. 商务印书馆. 2012.
 新华字典. 商务印书馆. 2008.
 中华现代汉语双序大辞典. 吉林文史. 2005.
 曾凡荣. 浅谈俄汉颜色词的文化内涵 // 绥化学院学报. 2001. Vol. 27, № 3.

References

- Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. M., 1994.
 Dubkova O. V. Tsvet v kitaiskom yazyke i kul'ture // Bytie i yazyk. Novosibirsk, 2004.
 Efremova T. F. Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. M., 2009.
 Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. M., Progress, 1986.
 Kuznetsov S. A. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. SPb., 2000.
 Li An'fen. Russkie frazeologicheskie edinit'sy s tsvetovym komponentom na fone kitaiskoi lingvokul'tury: avtoref. dis.... kand. filol. nauk. M., 2009.
 Ozhegov S. I. Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka. M., 2010.
 Ufimtseva N. V. Russkie glazami russkikh // Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost'. M., 1995.
 Ushakov D. N. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. M., 2000.
 现代汉语词典. 商务印书馆. 2012.
 新华字典. 商务印书馆. 2008.
 中华现代汉语双序大辞典. 吉林文史. 2005.
 曾凡荣. 浅谈俄汉颜色词的文化内涵 // 绥化学院学报. 2001. Vol. 27, № 3.

Denisova V.L. (Huazhong University of Science and Technology, Hubei, Wuhan, China)

Semantic meaning of the lexeme «红/ red» in Chinese and Russian

The article studies the semantic meaning of the lexeme «红 / red» in Chinese and Russian. It is considered in detail red color in Chinese and

Russian languages, offered authoritative Chinese and Russian lexicographic dictionaries. It is carried out a comparative analysis of the meaning of the lexeme «红» and "red", it is defined semantic groups of lexemes « / red" in Chinese and Russian, it is identified features of similarities and differences. It is concluded that the red color in Chinese and Russian is mostly of positive tone; lexeme «红 / red" in both languages has both similar and characteristic for each language connotations. The semantic meaning of red in Chinese and Russian due to linguacultural features is expressed in the national symbolism of color.

Key words: *red, semantic meaning, Chinese, Russian.*

Denisova Valeria Lvovna – Post-graduate student of Huazhong University of Science and Technology (Hubei, Wuhan, China). Chinese Philology. Department of Chinese language and Literature. School of Humanities.

Tel.: +7 (4212) 48-77-29; e-mail: I201322167@hust.edu.cn

УДК 8.085.4
ББК 80.7

**Г.Г.Хазагеров,
Н.М. Щаренская**

СОВЕТСКИЙ «ЖИТИЙНЫЙ КАНОН» В БИОГРАФИИ УЧЕНОГО И ПРОБЛЕМА ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Освещается проблема нефункционального копирования в современных публикациях, посвященных ученым, топосов, характерных для советских биографий. Рассматривается влияние канцелярита, который в совокупности с топосами советских «житийных» канонов способствует нивелированию представляемых личностей и стиранию стилевых различий текстов разных авторов. Даются рекомендации по преодолению этих тенденций в современных публикациях.

Ключевые слова: *жизне, биография, ученый, фрейм, топос, канцелярит, интимизация.*

Хазагеров Георгий Георгиевич – докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-863-263-42-28

Щаренская Наталья Марковна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-918-511-48-86
E-mail: n-scharenskaja@yandex.ru

© Хазагеров Г.Г.,
Щаренская Н.М., 2015.

Настоящая статья преследует две цели. Первая – описательная. Она состоит в описании одного из фрагментов советской текстовой культуры, а именно презентаций биографий ученых. Вторая – дидактическая. Она состоит в выработке рекомендаций по преодолению нефункционального копирования советских штампов в современных биографиях. Материалом статьи, соответственно, служат сами советские описания и статьи из современных юбилейных сборников, посвященных памяти ученых. Обычно это воспоминания учеников. Научный пафос статьи обусловлен тем, что очень часто эти воспоминания не достигают своей цели, не создают живого образа ученого. Этому препятствует, на наш взгляд, слепое усвоение того, что мы называем здесь советским житийным канон. Топосы советской биографии, как бы к ним ни относиться, своей цели достигали. Они передавали определенное агитационное содержание. Нынешнее же воспроизводство старых топосов явно контрпродуктивно, не работает на авторские интенции и должно стать заботой культуры речи и экологии языка.

Если говорить о настоящей биографии, то жанр жития возник под влиянием эпидейктического красноречия как развитие надгробной речи – треноса, в свою очередь восходящей к фольклорному жанру плача. Для эпидейктического красноречия внешнее событие – повод к высказыванию идей воспитательного свойства. Недаром из него развилась вся христианская гомилетика. Что ка-

сается именно жанра жития, то об этом достаточно точно, хотя и сурово высказался изучавший его известный древнолог И.П. Еремин: «Житие не столько отражает действительность, сколько планомерно и настойчиво навязывает ей свой абстрактный идеал человека, чисто умозрительный» [Еремин, с.17]. Эта же мысль в той или иной форме высказывается всеми авторами, кто писал на данную тему.

Эпидейктическое красноречие было главным видом красноречия в советское время, так как два другие вида красноречия – судебное и совещательное – процветают лишь в условиях демократии и реальной состоятельности. В то же время воспитательные функции эпидейктического красноречия были более чем востребованы. Можно даже говорить об экспансии торжественного красноречия в другие жанры, например, в судебные речи [Хазагеров, Лобас, с. 50]

Агитация и индивидуализация – объективная коллизия жанра биографии, выдержанного в житийном каноне. Необходимость сообщения «поверх» биографии агитационного или моралистического содержания сглаживает не только индивидуальные черты отдельных личностей, представленных в биографиях, но также индивидуальные черты стиля отдельных авторов и индивидуальные отличия отдельных текстов. Приведем примеры (из этических соображений собственные имена в цитатах отсутствуют): «Свою трудовую жизнь NN начала учителем (такой-то) железнодорожной школы (такой-то) области», «Свой трудовой путь NN начала в 1942 году учителем математики и физики в (такой-то) семилетней школе (такого-то) края»; «NN последовательно проходит путь труженика-ученого – от лаборанта до профессора и заведующего кафедрой... университета». Каноническое происхождение подобных замечаний в биографиях ученых совершенно очевидно, понятно и их назначение – создать образ ученого, соответствующий идеальному представлению человека в советскую эпоху – трудящегося и если и принадлежащего классу интеллигенции, то прошедшего весь путь с самых низов до заслуженных вершин.

Несколько примеров сглаживания стилевых различий в «житиях» ученых, соответствующих одному из обязательных моментов биографии человека науки – защите диссертации, а также завершающему, итоговому «послесловию» воспоминаний: «В... году NN успешно защитила в Московском государственном педагогическом институте докторскую диссертацию», «Здесь NN завершила и успешно защитила кандидатскую диссертацию...», «В... году NN успешно защитил докторскую диссертацию в Московском государственном педагогическом институте»; «Память об этом удивительном человеке навсегда останется в наших сердцах», «Память о ней живёт не только в сердцах её учеников, но и всех тех, кто её знал, кто по-настоящему сегодня увлечён наукой»; «Талантливый ученый и организатор науки...чуткий и отзывчивый человек и учитель – таким был и таким остается NN в памяти многочисленных его учеников и сподвижников»; «Он собрал вокруг себя большие научные кадры учеников и последователей, с честью продолжающих начатое им дело», «Среди

учеников NN немало видных языковедов, которые продолжают ее дело». Примечательны и однотипные метафорические штампы, создающие «итоговую», завершающую характеристику ученого: *«подлинный рыцарь и поэт науки», «крупнейший представитель науки, её рыцарь без страха и упрёка».*

Эффект нивелирования различий особенно силен там, где обязательные общие места вступают во взаимодействие со структурой лингвистического фрейма, как это и случается в биографии. Биографический текст объективно тяготеет к фреймовой структуре, заданной самой действительностью: место и время рождения, социальное происхождение, образование, достижения и т.п. Все подсказывает анкетный, стандартизованный способ описания жизни, который оправдан в энциклопедических словарях. Но если на эту анкету еще и наложить готовые общие места, все описания станут похожи одно на другое.

Например, указание на бедность дореволюционного ученого и его демократическое происхождение в «житиях» советского периода преследовали сразу две цели: продемонстрировать пренебрежение к науке в дореволюционной России (собственно советская пропаганда, то же наблюдалось и в биографии писателей [Хазагеров, Ульянова]) и собственно научная дидактика (ученый не боится трудностей). Ср. жизнеописания ученых в книге «Люди русской науки» 1948 г.: *«Уже четырнадцать лет он лишился поддержки родителей и должен был существовать на собственный заработок»; «Феодосий Николаевич Чернышёв, один из крупнейших русских геологов, родился 24 ноября 1856 г. Отец и мать его учительствовали в городе Киеве и жили на свои небольшие заработки»; «Александр Григорьевич Столетов родился... в небогатой семье»* [Люди русской науки]. Не все из подобных описаний подтверждаются современными публикациями. Однако когда в сегодняшних «житиях» подчеркивается «простое» происхождение ученого, это понять труднее. Ср., например: *«Это был передовой учёный... вышедший из народа; разночинец-самоучка, собственными силами поднявшийся до высшего уровня современной ему науки», «NN родился в... г. в селе... в семье крестьян, русский», «NN родился... года в исконно русском городе... в семье ремесленника купеческого рода»; «NN родился... года... в семье рабочего-железнодорожника».* Мысль о том, что образование семьи не имеет значения для пути ученого, трудно назвать дидактичной.

Из жизнеописаний советского периода в наследство современным жителям остался топос трудностей жизни семьи, в которой родился будущий ученый, или тягот его собственного пути: *«Родился NN... в станции... в учительской семье, которая до Великой Отечественной войны жила в разных южных городах нашей страны...», «Учебу пришлось оставить из-за тяжелых материальных условий. Ему довелось лишь год проучиться в сельхозтехникуме», «С ранних лет он выполнял самую разнообразную тяжелую крестьянскую работу... приобрел специальность токаря», «NN родилась в сибирской глубинке... работала на тракторе».*

Далее, в отличие от настоящих житий, в советский житийный ка-

нон неизбежно врывается «канцелярит». Ср., например, следующий отрывок, в котором влиянием канцелярита обусловлено очевидное нарушение синтаксической нормы: *«Я с глубокой благодарностью вспоминаю годы, когда я работала... под руководством, воспитанием и обучением великой женщины-ученого»*. Это очень показательно с учетом того, что данные строки написаны профессором-лингвистом.

То, что Чуковский называл канцеляритом, несомненно, имеет более глубокую подоплеку, чем простое смешение стилей [Хазагеров, Ульянова]: Канцелярит есть следствие бездушного, обезличенного отношения к «человеческому материалу» (ср. подход Т. В. Шмелевой, которая рассматривает канцелярит как простое смешение стилей наряду с другими аналогичными явлениями [Шмелева]). «Канцелярит стал привычен для носителей русского языка, он стал, следовательно, не только стилем речи, но и стилем мысли, и стилем жизни» [Романенко, с. 99]. Ср. использование существительного *среда* при описании окружения ученого: *«Годы, проведенные в подлинно научной среде, среди таких выдающихся ученых-лингвистов, как профессора...»*. Непонятно назначение наречия *подлинно*: едва ли его смысл заключается в том, чтобы доказать действительную принадлежность названных людей к настоящему научному кругу. По сути, это штамп, который, к сожалению, оборачивается негативными ассоциациями, заставляющими отделять «подлинных» ученых от «неподлинных».

Применительно к научным биографиям, особенно к современным, канцелярит питается также научно-деловым стилем, обслуживающим жанры рецензий, отзывов, допусков, т.е. всего того, что связано с принятием деловых решений относительно работы ученого: *«Более пятидесяти лет жизни и деятельности NN отданы служению науке, подготовке педагогических и научных кадров в области романской филологии», «Значимым является личный вклад NN... в обеспечение учебного процесса программами по теоретическим дисциплинам», «здесь осуществлялась подготовка педагогических кадров... NN активно включился в целенаправленную работу по подготовке учителей русского языка и литературы для национальных школ»*. Здесь свои общие места: педагогическая, научная, воспитательная деятельность и проч., которые обслуживаются соответствующей лексикой, метафорами-штампами (ср.: «кузница языковедов»), перифразами, как, например, «педагогические и/или научные кадры», зачастую использованными плеонастически: *«Он собрал вокруг себя большие научные кадры учеников и последователей»*. В жизнеописаниях можно увидеть и совершенно не связанные по смыслу, разнородные характеристики людей: *«Высокопрофессиональный коллектив преподавателей кафедры, прошедших через горнило Великой Отечественной войны, с... года возглавляла доцент...»*

Канцелярит как в классическом, так и в современном виде, разумеется, не прибавляет биографии ученого индивидуализации. Что же, напротив, создает индивидуализацию, создает живой образ ученого,ступающий поверх информации об ученом, поверх фактов? Конечно,

это оценочность, детализация, экспрессия. Но главное, что заставляет нас сопереживать, – это показ человека, сталкивающегося с вызовами и вынужденного принимать то или иное решение. В этом случае читатель мысленно ставит себя на его место.

Интересно рассмотреть в этом плане категорию интимизации. Электронная «Энциклопедия культурологии» дает следующие определение: *интимизация* – это «философская теория процесса восприятия информации, которая представляет получателя и источник информации как совершенно различные по образу мыслей и чувств сознания. Концепция И. родилась под влиянием культурологических идей Ю.М. Лотмана и М. М. Бахтина. Знание о другом человеке интимизируется в том случае, когда другой в глазах получателя информации разусредняется, т.е. становится не просто безликим источником информации, но и ее равноценным производителем, когда другой становится не таким, как «другие», когда мы ценим не только свою оценку другого, но его оценку себя и других вещей и объектов, которые в этом случае как бы одушевляются, получают статус событийности. Автор этой концепции, петербургский философ Борис Шифрин вот что пишет по этому поводу: «И. – это некое преобразование мира, когда ставится под вопрос его одинаковость для всех. Так же как любая масса искривляет пространство и по-своему изменяет его геометрию, так наличие другого человека, который как-то относится к жизни, воспринимает свою явь, должно настолько преобразовать мир, что возникает чувство расширения, когда становится непонятным, кто субъект постижения нового бытия, кто инструмент для этого постижения, а кто – само это бытие» (подобно тому как это происходит в мифе» [Энциклопедия культурологии].

Данное определение и сопутствующие ему рассуждения хорошо иллюстрируют феномен интимизации, но не содержат указания на механизм ее создания. Любопытно, что задолго до того, как идеи Лотмана и Бахтина стали общим достоянием, лингвисты пытались описать именно приемы создания интимизации [Бадаева]. Разумеется, сама интимизация понималась при этом более узко. Сегодня стоило бы говорить не столько о синтаксических или лексических приемах, сколько о сюжетике повествования. Такая сюжетика создает ситуацию раскрытия образа и почву для эмоционального отклика читателя. Кроме того, она вызывает к жизни иные, не «впаянные» в канон топосы.

Таким образом, вопрос индивидуализации решается прежде всего на уровне общих мест, из которых по возможности элиминируются те, что работают на обезличивание, и добавляются те, что связаны с выявлением жизненной и научной драмы и неизбежно затрагивают исторический фон, что уже само по себе дает возможность уйти от обезличивания.

Литература и источники

Бадаева Н. П. Синтаксические приемы интимизации в романах И. С. Тургенева // Учен. записки Таганрогского пед. института. Вып. 2. Таганрог, 1958.

- Еремин И.П.* Лекции по истории древней русской литературы. Л., 1987.
Люди русской науки. Т. 1 / сост. и ред. И. В. Кузнецов. М.; Л., 1948. [Электронный ресурс] // URL: <http://nplit.ru/books/item/f00/s00/z0000044/index.shtml> (дата обращения: 15.01.2015).
- Романенко А.П.* Канцелярит: риторический аспект (о книге К.И. Чуковского «Живой как жизнь») // Риторика. 1997. № 1 (4).
- Хазагеров Г.Г., Лобас П.П.* Культурная утилизация манипулятивных технологий // Изв. Южного федерального ун-та. Филол. науки. 2014. № 1.
- Хазагеров Г.Г., Ульянова Т.В.* Советский текст как объект кросс-культурной коммуникации (на материале рекомендательной библиографии) // Восток – Запад: проблемы межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. Петропавловск-Камч., 2012.
- Шмелева Т.В.* Канцелярит и другие речевые недуги // Речевое общение: специализированный вестн. Вып. 3 (11). Красноярск, 2000.
- Энциклопедия культурологии [Электронный ресурс] // Интимизация. – Электрон. дан. URL: http://onlineslovari.com/entsiklopediya_kulturologii/ (дата обращения: 15.01.2015).

References

- Badaeva N. P. Sintaksicheskie priemy intimizatsii v romanakh I. S. Turgeneva // Uchenye zapiski Taganrogskogo ped. instituta. Vyp. 2. - Taganrog: TGPI, 1958.
- Entsiklopediya kul'turologii [Elektronnyi resurs] // Intimizatsiya. – Elektron. dan. URL: http://onlineslovari.com/entsiklopediya_kulturologii/ (data obrashcheniya: 15.01.2015).
- Eremin I.P. Lektzii po istorii drevnei russkoi literatury. L., 1987.
- Khazagerov G.G., Lobas P.P. Kul'turnaya utilizatsiya manipulyativnykh tekhnologii // Filologicheskie nauki. Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta, № 1, 2014.
- Khazagerov G.G., Ul'yanova T.V. Sovetskii tekst kak ob"ekt kross-kul'turnoi kommunikatsii (na materiale rekomendatel'noi bibliografii) // Vostok – Zapad: problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii: sb. nauch. st. Petroavlovsk-Kamch., 2012.
- Lyudi russkoi nauki. Tom 1. Sost. i red. I. V. Kuznetsov. Moskva –Leningrad, 1948 [Elektronnyi resurs] // URL: <http://nplit.ru/books/item/f00/s00/z0000044/index.shtml> (data obrashcheniya: 15 yanv. 2015).
- Romanenko A.P. Kantselyarit: ritoricheskii aspekt (o knige K.I. Chukovskogo «Zhivoi kak zhizn'») // Ritorika. 1997, № 1 (4).
- Shmeleva T.V. Kantselyarit i drugie rechevye nedugi // Rechevoe obshchenie: spetsializirovannyi vestnik. Vyp. 3 (11). Krasnoyarsk, 2000.

**Khazagerov G.G., Scharenskaya N.M. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation)
Soviet “Life Canon” in scientist’s biography and problem of its overcoming**

This article is dedicated to one of the fragments of modern textual culture, namely the presentation of the image of the scientist, usually

presented in the book, devoted to anniversaries. Often it is the memories of students. Scientific pathos of the article is due to the fact that these memories do not always create a life image of the scientist, not realizing his appointment. Often different publications not only smooth personal traits of individuals, but also smooth individual features of the style of the authors and individual differences of their texts. The article identifies the causes of these phenomena. One of them is blind, non-functional copy of topos characteristic of Soviet biographies. It is, for example, a topos of poverty and democratic origin of the scientist who during the Soviet biographies was intended to carry out agitation and didactic function. Combining topos with biographical frame results in a maximum leveling in the representation of a person. Thus it appears what the article calls "Soviet life canon." Another reason for the smoothing of individual style and create a speculative form of teaching is the penetration in the biographical genre of officialese expressing indifferent attitude to people. Concerning modern biographies of scientists officialese involves business style, that serves genres of reviews, i.e. all that is related to business decision-making relating to the work of the scientist. The article pointed out ways to overcome these negative trends in modern publications related to the demand for intimization category, which primarily should be shown in the plot structure of the narration.

Key words: *life, biography, scientist, frame, topos, officialese, intimization.*

Khazagerov Georgii Georgievich – Ph. D., professor of the Russian language dpt. Institute of linguistics, journalism and cross-cultural communication of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation. Ph.: 8-863-263-42-28.

Scharenskaya Nataliya Markovna – professor of the Russian language dpt. Institute of linguistics, journalism and cross-cultural communication of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation. Ph.: 8-918-511-48-86. E-mail: n-scharenskaja@yandex.ru

---

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 316.772.3
ББК 76.01

В.А. Филиппова

МЕДИАСИСТЕМЫ РОССИИ И БРАЗИЛИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В работе рассмотрены факторы, определяющие возможности функционирования медиасистем на современном этапе: готовность читателя потреблять информацию и платить за нее на примере России и Бразилии, описаны процессы глобализации, информатизации и дигитализации общества и СМИ. Представлены медиапредпочтения и доверие к СМИ. Формирование гибридных медиасистем приводит к росту роли новых медиа, в частности, социальных сетей и Твиттера.

Ключевые слова: медиасистема России, медиасистема Бразилии, гибридные медиасистемы, твиттер, культурные особенности СМИ

Филиппова Виктория Александровна – аспирант факультета прикладных коммуникаций Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета
Тел.: +7-921-441-43-93
E-mail: victoria_filippova@mail.ru

Характер социальных и духовно-культурных изменений, вызываемых информатизацией на современном этапе массовой коммуникации, зависят не только от информационных технологий, но и от окружающих социальных условий и социально-экономической системы.

Массовая коммуникация, согласно С. В. Борисневу, это «социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по различным каналам с помощью разных коммуникативных средств» [Бориснёв]. Социокультурные аспекты, согласно этому определению, влияют на способ передачи и восприятия информации, а также на выбор и воздействие разных коммуникативных средств, а также на возможные проблемы в процессе коммуникации.

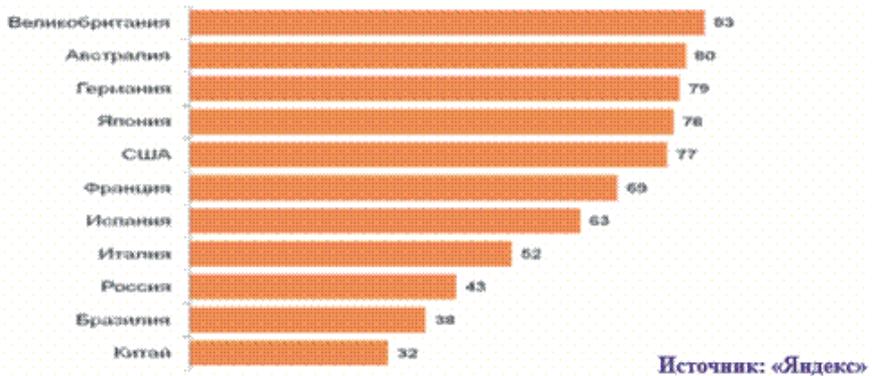
Факторы, определяющие готовность читателя потреблять информацию и платить за нее

Уровень грамотности – один из важнейших факторов, определяющих готовность аудитории платить за массовую информацию. Традиционно, уровень грамотности среди женщин ниже в тех странах, где женщины сравнительно поздно включились в социально-экономическую жизнь [Варганова]. Кроме того, на уровень грамотности влияет экономическое благосостояние населения, историческое распространение университетов и политическая культура. Соответственно, чем больше развита экономика страны, тем выше доля грамотного населения.

И если в России уровень грамотности населения составляет 99,5%, что превышает уровень грамотного населения в США и большинства стран Европы, то в Бразилии он существенно ниже – 90,0%. [Newspaper circulation in Brazil...] В странах с такими показателями газеты остаются продуктом для элиты, а массовая пресса распространяется, как правило, в виде спортивных газет (что особенно актуально для Бразилии), либо в виде бесплатной прессы.

Средний объем тиража ежедневного выпуска печатных изданий в Бразилии (газет и журналов) – 4,52 млн экз. [Lasswell] В России этот показатель составляет 21,91 млн экз., что в 5 раз выше [Годовой тираж газет]. Причем, если в Бразилии выпускается всего 7 федеральных печатных изданий: Jornal de Brasília, Jornal Alô Brasília Brasília, Brasília em Dia, Fatorama Brasília, Jornal da Comunidade, Tribuna do Brasil и Jornal Coletivo, то в России можно выделить 10 крупных федеральных газет (Известия, Коммерсантъ, Российская газета, Ведомости, Комсомольская правда, РБК Daily, Московский комсомолец, Новая газета, Независимая газета, Новые известия) и 10 журналов федерального уровня (Forbes, The New Times, Эксперт, GQ, Огонёк, Сноб, Профиль, Итоги, Esquire и Русский репортер) [Рейтинг популярности...].

Яндекс исследовал медиасферу рунета. Согласно его данным, каждый будний день СМИ публикуют в сети не менее 50 000 новостей на русском языке (по данным «Яндекса» за сентябрь 2010 г. – январь 2011 г.). И 80% новостного потока генерируют всего 20% изданий, прежде всего информагентства. Проникновение интернета в крупнейших странах мира (рисунок), иллюстрируют сходное положение востребованности интернета среди аудиторий России и Бразилии, что позволяет сопоставлять современные медиасистемы в этих странах [Рейтинги СМИ]

Проникновение интернета в крупнейших странах мира, % от численности населения

Несомненно, что информатизация объективно приводит к социально-культурным изменениям, прогнозирование и оценка которых позволяет свести к минимуму негативное воздействие этого процесса

и эффективно «встроить» новые инструменты и явления в социально-культурную среду. Как пишет А.Р. Шишкина, «интернет представляет собой новую информационную среду современной культуры, которая формирует новые коммуникативные практики, новый тип мировосприятия и новый образ жизни» [Шишкина].

Твиттер в процессе массовой коммуникации

С развитием мобильных технологий и активным распространением интернета, электронные СМИ становятся значимым элементом в процессе создания и распространения политической информации. Например, некоторые из успешных блоггеров становятся полупрофессионалами и выступают в качестве консультантов в рамках электоральных кампаний, работают в государственных агентствах и традиционных СМИ [Chadwick].

В 2011 г. Ву отметил, что топ-10 самых читаемых твиттер-аккаунтов принадлежат не медиа-корпорациям или СМИ, но обычным пользователям [Wu, Hofman, Mason et al.]. Для России этот вывод не в полной мере можно считать верным. Как видно из топа российских твиттер-пользователей toptwit.ru, 3-е место (с незначительным отрывом от 2-го в 24 балла) в российском топе Твиттер-аккаунтов занимает журналист и колумнист Владимир Соловьев.

Также интересно отметить тот факт, что большинство популярных аккаунтов позиционируются как аккаунты популярных лиц в шоу-бизнесе. Сравним с данными Бразилии top10mais.org/top-10-brasileiros-com-mais-seguidores-no-twitter. Помимо популярных представителей шоу-бизнеса (@NeymarJR, @ivetesangalo, @programapanico, @SabrinaSatoReal), стоит отметить популярность писателя Пауло Коэльо (@paulocoelho) и отметить его влияние в повестке дня Твиттера, а также футболистов Кака (@kaka) и Рональдиньо Гаучо (@10Ronaldinho). Тема спорта и футбола в Бразилии является одной из ведущих, что подтверждается и топом ведущих пользователей Твиттера в Бразилии.

Самое актуальное из подобных исследований, посвященных анализу популярных тематик в зависимости от страны, принадлежит Бастосу. С помощью анализа хештегов в Твиттере было обнаружено, что бразильцы среди всех тем уделяют большее внимание спорту и искусству [Brzezinski].

Медиа-предпочтения и доверие к СМИ в России и Бразилии

Медиа-рынок в значительной мере характеризуется структурой и изменениями в основных медиахолдингах, осуществляющих свою деятельность для аудитории той или иной страны.

«Новых значимых медийных компаний на рынке печатных СМИ России в 2011 г. действительно не появилось, а его пропорции существенно не изменились. Не первый год на этом рынке доминируют около 50 национальных и порядка 100 региональных издательских компа-

ний, вместе занимающих на нём примерно 75-процентную долю в обороте и 7-процентную долю рекламных доходов прессы», – сообщается в докладе Федерального агентства по печати [Assis]. ТОП-10 ИД России по суммарному показателю аудитории журналов и газет представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

**ТОП-10 ИД России по суммарному показателю
аудитории журналов AIR**

Издательский дом	2010			2011		
	тыс. чел.	%	Кол. изд.	тыс. чел.	%	Кол. изд.
Burda	19950.2	34.5	27	19052.3	33.0	28
Hearst Shkulev Media	14190.5	24.5	10	13862.6	24.0	11
Sanoma Independent Media	11755.2	20.3	11	11348.8	19.6	11
Bauer Media	9413.3	16.3	10	8095.3	14.0	10
7 дней	8276.0	14.3	4	8010.6	13.9	4
За рулем	8044.6	13.9	3	7966.3	13.8	3
Популярная пресса	6127.0	10.6	3	5868.2	10.2	3
Экспресс-Конлига	5719.1	9.9	6	5683.0	9.8	8
Вокруг света	5164.7	8.9	1	4750.1	8.2	1
Game land	4381.0	7.6	9	4389.0	7.6	9

* AIR – усредненная аудитория изданий ИД в городах с населением 100 и более тыс. человек от 16 лет и старше (100 000+, 16+).

** Данные приведены только по изданиям, участвующим в замерах TNS, а не по всему портфелю издательского дома.

Источник: TNS Россия (16+, 100 000), NRS, май – октябрь 2010/май – октябрь 2011

Таблица 2

ТОП-10 ИД России по суммарному показателю аудитории газет

Издательский дом	2010			2011		
	тыс. чел.	%	Кол. изд.	тыс. чел.	%	Кол. изд.
Комсомольская правда*	13501	23.4	5	12620.1	21.8	5
Аргументы и факты	7964.5	13.8	2	7922.6	13.7	2
Bauer Media	7982.8	13.8	4	7622.4	13.2	5
Hearst Shkulev Media	3953.6	6.8	2	4559.4	7.9	2
Пронто-Москва	3813.0	6.6	1	3572.0	6.2	1
Московский комсомолец	3260.7	5.6	3	3048.6	5.3	3
Ньюс медиа-Рус	2425.5	4.2	1	2518.7	4.4	2
Медиа Мир	2154.4	3.7	1	2356.7	4.1	1
Российская газета	1393.4	2.4	1	1268.3	2.2	1
Авторевю	1453.8	2.5	1	1264.4	2.2	1

* Без учёта аудитории ежедневной газеты «Комсомольская правда», т.к. в 2010 году из-за принципиальных разногласий по методике измерения аудитории одного номера ежедневной газеты «Комсомольская правда» в условиях выхода газеты под одним брендом и в ежедневном, и в еженедельном форматах Издательский дом «Комсомольская правда» был вынужден отказаться от позиционирования своей ежедневной газеты в соответствующих измерениях компании TNS. Аудитория одного номера ежедневной газеты «Комсомольская правда», по данным компании Synovate Comcon, составляет 2 606 тыс. чел.

Источник: TNS Россия (16+, 100 000+), NRS, май – октябрь 2010/май – октябрь 2011

Комментируя статистику самых популярных ежедневных (табл. 3), еженедельных и ежемесячных газет (табл. 4), исследователи сходятся во мнении, что “количество нерекламных газет в нише бесплатного распространения будет расти”, особенно выделяя эту тенденцию для мегаполисов России и мира [Уровень доверия...]

Таблица 3

Самые популярные ежедневные газеты в России

П/№	Наименование издания	2010		2011	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1	Из рук в руки	3813.0	6.6	3572.0	6.2
2	Комсомольская правда*	2886.5	5.0	2606.0	4.6
3	Российская газета	1393.4	2.4	1268.3	2.2
4	Московский комсомолец	1150.6	2.0	979.1	1.7
5	Спорт-Экспресс	567.2	1.0	472.5	0.8
6	Советский спорт	572.6	1.0	472.2	0.8
7	Известия	369.8	0.6	322.7	0.6
8	Коммерсантъ	258.6	0.4	229.5	0.4
9	Ведомости	155.3	0.3	134.0	0.2

* По данным компании «Synovate Comcon»

Источник: TNS Россия (16+, 100 000), NRS, май – октябрь 2010/ май – октябрь 2011

Таблица 4

Еженедельные и ежемесячные газеты – лидеры по аудитории одного номера

П/№	Наименование издания	2010		2011	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1	Аргументы и факты	7392.4	12.8	7358.5	12.7
2	Комсомольская правда (w)	5529.3	9.6	6005.7	10.4
3	Телепрограмма	6654.5	11.5	5399.3	9.3
4	777	5146.3	8.9	4904.5	8.5
5	Оракул	2781.1	4.8	2459.4	4.3
6	Моя семья	2154.4	3.7	2356.7	4.1
7	Жизнь	2425.5	4.2	2225.5	3.9
8	МК-Регион	2050.8	3.5	1998.7	3.5
9	Экспресс газета	1741.1	3.0	1626.7	2.8
10	Советский спорт Футбол	1726.5	3.0	1405.0	2.4

Источник: TNS Россия (16+, 100 000+), NRS, май – октябрь 2010/ май – октябрь 2011

Доверие к СМИ, считают большинство исследователей, связано с распространенностью и популярностью того или иного издания. Согласно официальным данным по Бразилии [Newspaper circulation in Brazil...], 87% доверяют Интернет-источникам, 55% доверяют телевидению, 44% доверяют журналам, 29% – радио, и только 27% – газетам.

В России эти показатели отличаются [Уровень доверия...]. Наиболее востребованным средством массовой информации является телевиде-

ние – 91 % россиян смотрят телевизор каждый день. Телевидение также пользуется среди жителей страны наибольшим одобрением – 65 % (процент ниже, чем в Бразилии, но также лидирует по уровню доверия).

Рейтинг популярности телеканалов возглавляет «Первый» – его смотрят 82 % жителей страны, на втором месте – «Россия» 66 %), на третьем – НТВ 55 %). Эти же каналы пользуются и наибольшим уровнем доверия среди россиян.

Пресса среди россиян пользуется меньшей популярностью: с той или иной частотой газеты или журналы читают 82 % опрошенных. Среди тех, кто читает периодические издания, уровень доверия к печатным СМИ составляет 66 %, что почти в 3 раза выше, чем в Бразилии.

Социальные различия в интернет-среде интегрируются в единое пространство для диалога языков и культур. Об этом С. Михайлов пишет так: «развертывание интернета сопровождается такими тенденциями в социальной сфере, как формирование глобального типа социальной целостности, снижение значимости прошлых форм коллективного сознания, усиление «атомизации» общества. Триединство этих тенденций свидетельствует о формировании новой социальной структуры. Сетевая организация общества является альтернативной (иерархии и рынку) формой организации социума» [Михайлов].

В работе представлена краткая характеристика медиасистем России и Бразилии на современном этапе развития в соответствии с процессами глобализации, информатизации и дигитализации, а также рассмотрена динамика рекламного рынка и основные предпочтения аудитории СМИ, влияющие на преобразование медиасистем рассматриваемых стран.

Интегрирование глобальной информационной культуры в локальные и национальные социокультурные системы позволяет создать стратегический инструментарий развития общества и его самоорганизации. В свою очередь, низкий уровень культуры массовой коммуникации может вызывать серьезные негативные экономические, политические и социальные последствия. В связи с этим информатизация российского и бразильского общества должна сопровождаться постоянным анализом глобальной системы массовых коммуникаций и контролировать социальные изменения при их использовании и интеграции.

Литература и источники

Бориснёв С. В. Социология коммуникации: учеб. пособие для вузов. М., 2003.

Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран: учеб. пособие для вузов. М., 2003.

Годовой тираж газет (изданий) // Росстат. URL: <http://cbsd.gks.ru/> (дата обращения 13.02. 2014).

Михайлов С. Интернет как социальное явление: дис. канд. ... филос. наук: 09.00.11. Ульяновск, 2003.

Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., 2001.

Рейтинг популярности российских СМИ. URL: <http://www.exlibris.ru/rejting-izdaniy/> (дата обращения 13.02. 2014).

Рейтинги СМИ/ URL: <http://www.mlg.ru/ratings/> (дата обращения 13.02. 2014).

Российская периодическая печать. состояние, тенденции, перспективы развития. отраслевой доклад Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Москва, 2012 URL: <http://www.fapmc.ru/rospechat/activities/reports/2012/item3.html> (дата обращения 13.02. 2014).

Уровень доверия к средствам массовой информации среди россиян. URL: <http://www.oprf.ru/ru/library/newsitem/7475?PHPSESSID=g715gc1d1j3dlupe Mihq9t4d45> (дата обращения 13.02. 2014).

Шушкун А.Р. Социокультурный аспект Интернет-коммуникации. URL: <http://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/76025068> (дата обращения 13.02. 2014).

Assis L. O consumo e a publicidade no Brasil em 2016 <http://knowledge.othink.com/index.php/vendas/169-o-consumo-e-a-publicidade-no-brasil-em-2016> (Retrieved February 13, 2014).

Bastos M.T. Tweeting News Articles: Readership and News Sections in Europe and the Americas SAGE Open 2013: 1-18.

Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. New York, 1971.

Chadwick, A. The Hybrid Media System: Politics and Power Oxford 2013.

Lasswell H. Propaganda, Communication and Public Order. n Princeton, 1946.

Newspaper circulation in Brazil grows; Folha takes the lead. Folha de S. Paulo. January 25, 2013. (Retrieved February 13, 2014).

United Nations Development Programme. Human Development Reports http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2009_EN_Complete.pdf (Retrieved February 13, 2014).

Wu S., Hofman J.M., Mason W.A. et al. Who says what to whom on Twitter. In: Proceedings of the 20th ACM International World Wide Web Conference, Hyderabad, India, 28 March – 1 April 2011.

References

Borisnev S. V. Sotsiologiya kommunikatsii: ucheb. posobie dlya vuzov. M., 2003.

Godovoi tirazh gazet (izdaniy) // Rosstat. URL: <http://cbstd.gks.ru/> (Retrieved February 13, 2014)

Mikhailov S. Internet kak sotsial'noe yavlenie: Dis. kand. filos. nauk: 09.00.11: Ul'yanovsk, 2003

Pochepstov G.G. Teoriya kommunikatsii. M., 2001

Reiting populyarnosti rossiiskikh SMI. URL: <http://www.exlibris.ru/rejting-izdaniy/> (Retrieved February 13, 2014).

Reitingi SMI/ URL: <http://www.mlg.ru/ratings/> (Retrieved February 13, 2014).

Rossiiskaya periodicheskaya pechat'. sostoyanie, tendentsii, perspektivy razvitiya. otraslevoi doklad Federal'nogo agentstva po pechati i massovym kommunikatsiyam. Moskva, 2012 URL: <http://www.fapmc.ru/rospechat/activities/reports/2012/item3.html> (Retrieved February 13, 2014).

Shishkina A.R. Sotsiokul'turnyi aspekt Internet-kommunikatsii/ URL: <http://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/76025068> (Retrieved February 13, 2014).

Uroven' doveriya k sredstvam massovoi informatsii sredi rossiyan/ URL: <http://www.oprf.ru/ru/library/newsitem/7475?PHPSESSID=g715gc1d1j3dlupe Mihq9t4d45> (Retrieved February 13, 2014).

Vartanova E.L. Mediaekonomika zarubezhnykh stran: Uch. posobie dlya vuzov. M., 2003.

Assis L. O consumo e a publicidade no Brasil em 2016. URL: <http://knowledge.othink.com/index.php/vendas/169-o-consumo-e-a-publicidade-no-brasil-em-2016> (Retrieved February 13, 2014).

Bastos M.T. Tweeting News Articles: Readership and News Sections in Europe and the Americas SAGE Open 2013: 1-18.

Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. New York, 1971.

Chadwick, A. The Hybrid Media System: Politics and Power Oxford 2013

Lasswell H. Propaganda, Communication and Public Order. Princeton, 1946

Newspaper circulation in Brazil grows; Folha takes the lead. Folha de S. Paulo. January 25, 2013. (Retrieved February 13, 2014).

United Nations Development Programme. Human Development Reports. URL: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2009_EN_Complete.pdf (Retrieved February 13, 2014).

Wu S., Hofman J.M., Mason W.A. et al. Who says what to whom on Twitter. In: Proceedings of the 20th ACM International World Wide Web Conference, Hyderabad, India, 28 March–1 April 2011.

Filippova V.A. (St.Petersburg state university, St.Petersburg, Russia)

Russian and Brazil media systems at the modern stage of mass communication

The article describes the main characteristics of modern mass communication and media systems in Russia and Brazil. The so-called first-level media – are of elite character, aimed at the ruling classes. They are strengthening their position in the global space and almost are blurring geographical and cultural boundaries. Media audience of the second level is national, they usually focus on the middle and lower segment of the audience, if to divide it by income, education and culture. Informatization and digitalization of media lead to the formation of hybrid media systems, where there is a growing role of new media, in particular, social networks and Twitter. It is important to emphasize that the nature of the social, spiritual and cultural changes caused by informatization, depends not only on information technology, but also on the social conditions of the socio-economic system where the implemented processes of mass communication are realized. The paper discusses the factors that determine the possibility of functioning of media systems at the present stage: the willingness of the reader to consume information and pay for it by the example of Russia and Brazil, describes the processes of globalization, information technology and digitalization of society and the media. It is presented media preferences

and trust in the media in Russia and Brazil in the XXI century, as well as the main indicators of the advertising market in these countries.

Key words: *Russian media system, Brazil media system, hybrid media system, twitter, culturally sensitive media.*

Filippova Viktoria Alexandrovna – post-graduate student of applied communications faculty of High school of journalism and mass communications of St. Petersburg state university. E-mail: victoria_filippova@mail.ru

УДК 070.340.114.6
ББК 76.01

А.Г. Капустина

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖУРНАЛИСТОВ И БЛОГЕРОВ В НОВЕЙШЕМ ИНФОРМАЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дан сравнительный анализ установленных российским законодательством прав и обязанностей журналистов и блогеров, автор выявляет принципиальные отличия в правовых статусах этих субъектов информационных отношений, выделяет тенденции развития законодательства Российской Федерации, регулирующего деятельность участников информационных отношений в российском сегменте Интернета. Вступивший в силу 1 августа 2014 г. закон о блогерах, с одной стороны закрепил отличия между журналистикой как профессией и блогосферой как видом общественной деятельности. С другой – на законодательном уровне была решена проблема ответственного отношения блогеров – зачастую влиятельных и популярных источников информации – к транслируемым ими сообщениям. Очевидно, что в Российской Федерации активно формируется система правового регулирования информационных отношений в Интернете, постепенно исчезают существовавшие долгие годы юридические пробелы в данной сфере.

Ключевые слова: закон о блогерах, закон о СМИ, журналисты, Интернет-СМИ, правовой статус журналистов, правовой статус блогеров, анонимность, ответственность, массовая информация, публичная коммуникация.

Капустина Анна Георгиевна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории журналистики Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-918-502-75-17
E-mail: anna_kapustina@mail.ru

© Капустина А.Г., 2015.

На протяжении последних пяти лет деятельность субъектов массово-информационных отношений в сегменте Рунета подвергается интенсивному регулированию. Выделим основные предпосылки. Во-первых, в России непрерывно растет количество пользователей Интернета. По данным Фонда «Общественное мнение» «Интернет в России: Зима 2013 – 2014» 59% российской аудитории (68,7 млн чел.) ежемесячно пользуются Интернетом, из них 48% (56,3 млн чел.) – входят в сеть ежедневно [Интернет в России... fom.ru]. Во-вторых, меняется специфика поведения в сети. По данным исследований «Левада-Центра», проведенных в 2014 г., основными целями использования Интернета россиянами являются поиск информации (47%), общение (34%) и вход в социальные сети (32%) [Интернет: возможности использования... www.levada.ru].

Среди пользователей Интернета, предпочитающих общение и обмен разнообразным контентом, растет число тех, кто обновляет информацию на своих страничках, находящихся в открытом доступе, и попадает, таким образом, в категорию блогеров. Глоссарий учебного пособия «Интернет-СМИ: Теория и практика» содержит следующую формулировку понятия *блогер* – автор, ведущий блога. Блог же определяется как регулярно обновляемая web-страница, размещенная на сайте (блогхостинге), материалы (постинги или посты) которой могут содержать тексты, фотографии, видео, расположенные, как правило, в обратном хронологическом порядке.

Блоги, которые часто сравнивают с личными дневниками, отличаются от них публичностью и широкими возможностями комментирования [Интернет-СМИ: Теория и практика... 2010. с. 341].

Исследования, проводимые разными компаниями, отмечают тенденцию роста количества блогов. Так, по данным компании Яндекс в русскоязычной блогосфере 7,4 млн блогов, среди которых 6,9 млн личных дневников и более полумиллиона сообществ. Правда, доля активных блогов составляет всего 12%. А 70% всех русскоязычных блогов и 76% активных блогов расположено на четырех сервисах: LiveJournal.com, Blogs.Mail.ru, Ya.ru и LiveInternet.ru [Блогосфера российского Интернета... download.yandex.ru].

Как отмечают медиа эксперты, в результате появления новых информационных технологий и принципиально иных форм потребления информации монополия традиционных СМИ на распространение массовой информации была разрушена. Именно в Интернете привычные роли производителей и получателей информации подверглись кардинальным переменам, поскольку субъекты информационных отношений в сети являются одновременно и источниками информации, и аудиторией, что вызывает определенные беспокойства относительно будущего журналистики.

Часть экспертов убеждена, что с функциями СМИ уже прекрасно справляются блоги и социальные сети. Более того, в некоторых странах, например, США, Израиле блогеры официально приравнены к журналистам. Близка данная позиция и представителям российской медиаиндустрии. В то же время информация от блогеров не всегда является надежной, достоверной и объективной, более того, блогеры иногда сознательно придумывают истории для привлечения большего количества читателей. Сторонники журналистов и СМИ замечают, что блогеры работают с информацией непрофессионально, субъективно, и в большей степени занимаются интерпретацией и вольными толкованиями событий. «Традиционная журналистика опирается на факт. Интересный факт способен «создать» новость. Блог делает ставку не на факт, а на мнение об этом факте. Фактически это означает, что эхо становится важнее, чем голос человека», – цитирует исследователь А.О. Алексеева мнение американских экспертов [Интернет-СМИ: Теория и практика... 2010. с. 291].

Систематизируя наиболее распространенные точки зрения в медиа сообществе, Георгий Вирен называет положительные и отрицательные аспекты блогов как источников информации. Среди позитивных моментов, он выделяет максимально оперативное предоставление первоначальных данных о событиях, которые еще неизвестны журналистам. Кроме того, «блогеры способны давать «картинку» из мест, куда доступ журналистов затруднен – это, например, места боев в Ливии или Сирии, районы стихийных бедствий.

В ряде стран блогеры стали своего рода «гражданским патрулем», контролирующим работу органов власти. В России это ярко проявляется в видео нарушений ПДД автомобилями с мигалками, работы ГИБДД,

иногда чиновников низшего звена. Подобные сообщения блогеров становятся предметом для журналистского и даже судебного расследования.

Блогеры, как и Интернет в целом, обеспечивают новый уровень свободы слова; в странах с тоталитарными режимами их деятельность имеет особую ценность для продвижения демократических перемен.

В то же время специфика работы блогеров не позволяет им сравниться с профессиональными СМИ:

– Блогеры не могут быть объективны, они не способны гарантировать непредвзятость, неангажированность своей информации.

– Блогеры не могут обеспечивать своим сообщениям ни точности, ни полноты, поскольку для этого нужно использовать недоступные им источники информации.

– В условиях нарастающих в медиа пространстве информационных войн Сеть становится наиболее удобным полем их ведения. Именно через каналы Интернета, в том числе через блогеров можно эффективно распространять необъективные сообщения, дезинформацию», – пишет исследователь. [Георгий Вирен, с. 31 – 32].

Действительно, информационно-коммуникативная активность пользователей Интернета выявила острую проблему безответственного отношения к сказанному и написанному, проявившуюся в разнообразных формах нарушения информационного законодательства: распространения слухов, сплетен, экстремистских материалов, клеветы и порнографии, использования нецензурной лексики, разжигания ненависти и вражды. Часто источником сомнительной информации являются именно блоги и социальные сети, чьи авторы, скрываясь за вымышленными именами, безответственно пользуются анонимностью.

Анонимность, провозглашенная Декларацией о свободе общения в Интернете, принятая в 2003 г. Советом Европы, из ключевого признака свободы слова постепенно превратилась в основной инструмент злоупотреблений этой свободой. В настоящее время анонимность является символом безответственного поведения в сети и угрозой информационной безопасности граждан. Так, проведенный студентами факультета журналистики СПбГУ опрос пользователей социальной сети «В Контакте», показал, что более 70% опрошенных не хотели бы добавлять себя в друзья и делиться информацией с людьми, которые используют вымышленные имена и публикуют вымышленные «профильные» фотографии [Бекуров, с. 35].

Тенденция, направленная на идентификацию пользователей в Интернете для более ответственного поведения последних по отношению к собственным словам, свойственна некоторым европейским государствам. Например, шведская газета «Dagens Nyheter» с ноября 2011 г. ввела процедуру регистрации пользователей с обязательным указанием адресов электронной почты. Похожие правила ввели и другие крупные шведские газеты. Так, читатели еще одной популярной газеты

«Aftonbladet» могут регистрироваться на сайте газеты только со своих аккаунтов в социальных сетях [Сайты шведских газет... www.lenta.ru].

В России интенсивное законодательное регулирование Интернета в сфере распространения массовой информации началось в 2011 г. с принятия поправок к Закону РФ «О средствах массовой информации». Новации 2014 г. добавили новых участников информационных отношений в Интернете и конкретизировали их ответственность, как за распространяемую информацию, так и ее добросовестное использование, впервые прописали правовой статус таких субъектов массовой информации в Интернете, как блогеры и организаторы распространения информации в сети. Принятые правила поведения в сети для блогеров вызвали массовое недовольство. Критики отмечали избыточность этих норм, поскольку большинство из них дублируют действующее законодательство.

1 августа 2014 г. закон о блогерах вступил в силу, и по данным Роскомнадзора к концу года в реестре блогеров были зарегистрированы 317 человек, еще 187 ожидали регистрации [Подведены итоги... rkn.gov.ru].

Полагаем, что закон о блогерах нуждается не только в дальнейшем совершенствовании, но и внимательном изучении действующей версии, поскольку помимо объективной критики наблюдались случаи неверного понимания законодательных положений, смешение как самих понятий «журналист», «блогер», так и их правовых статусов. При всех возможных несовершенствах закона и разнообразных подходах за рубежом к правовому статусу субъектов информационных отношений в Интернете, очевидно, что в российском правовом поле складывается собственная система законодательства и практики в сфере публичной коммуникации в сети.

Правовой статус Интернет-СМИ был официально закреплен в 2011 г. в Законе РФ «О средствах массовой информации». В соответствии с законом под сетевым изданием понимается сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», зарегистрированный в качестве средства массовой информации. Сама регистрация по-прежнему является добровольным актом: «сайт в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” может быть зарегистрирован как сетевое издание в соответствии с законом о СМИ. Сайт в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, не зарегистрированный в качестве средства массовой информации, средством массовой информации не является» (ст.8 Закона о СМИ).

В апреле 2014 г. в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» внесены законодательное определение понятия *блогер* и правила, регулирующие деятельность блогов в рунете. В соответствии с законом под блогером понимается владелец сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет», на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети «Интернет». При этом в законе сказано, что владельцы сайтов в сети «Интернет», которые зарегистри-

рованы в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» в качестве сетевых изданий, не являются блогерами (п. 7 ст. 10.2). Таким образом, в соответствии с новым российским законодательством блоги не являются СМИ, а блогеры – журналистами. Этот ключевой для понимания сути и разницы между правовыми статусами блогеров и журналистов пункт повсеместно игнорировался в публикациях СМИ сезона 2014. Заголовки ведущих Интернет-СМИ длительное время транслировали искаженный смысл закона: «Блогеров силком приравняют к журналистам?» ([http:// nsn.fm](http://nsn.fm)), «Госдума окончательно приравняла популярных блогеров к СМИ» (<http://www.newizv.ru>), «Блогеров приравняли к журналистам и заставили отвечать за слова» ([http:// vm.ru](http://vm.ru)) и т.п.

Анализ прав и обязанностей блогеров и журналистов, предусмотренных законодательством Российской Федерации, позволяет утверждать о принципиальном отличии правовых статусов данных субъектов информационных отношений.

В соответствии с Законом о СМИ журналист должен быть связан с редакцией трудовыми или иными договорными отношениями. Принадлежность к редакции СМИ определяется и обязательным наличием у журналистов редакционного удостоверения. К блогерам аналогичных требований законодательством не предусмотрено.

В вопросах получения информации перечень профессиональных прав и обязанностей журналистов значительно шире. Поскольку журналисты являются неотъемлемой частью коллектива редакции СМИ, которая уполномочена реализовывать право на запрос информации в разнообразные государственные инстанции, закон о СМИ позволяет журналистам посещать государственные организации и быть принятыми должностными лицами, находиться в зонах повышенной опасности.

Государственные органы и организации не обязаны отвечать на запросы блогеров в семидневный срок. Институт аккредитации не распространяется на блогеров. Хотя, госорганы часто приглашают блогеров на общественно-значимые мероприятия. Таким образом, можно утверждать, что в вопросах доступа к информации у журналистов есть ряд профессиональных преференций.

Кроме того, закон о СМИ наделяет журналистов особыми обязательствами по отношению к источникам информации, в чем также проявляется признание ключевых признаков журналистской профессии.

В то же время правила закона о блогерах не противоречат статье 29 Конституции РФ, которая гарантирует каждому свободу мысли и слова, а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Свобода выражения мнений предполагает обязанности и ответственность, которые предусмотрены, например, 10-й статьей Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, статьей 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, всеми конституциями демократических государств, в том числе Конституцией РФ.

Ограничения, получившие продолжение в отдельных законах, предусмотрены в статье 29 основного закона Российской Федерации. Так, п. 3 данной статьи запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Очевидно, что такие ограничения должны быть предусмотрены и в законе о блогерах.

Несмотря на критику закона, направленную как на избыточность норм, дублирующих уже существующие юридические правила, так и техническое их несовершенство, обратим внимание на значимость данного закона применительно к сфере распространения массовой информации и публичной коммуникации.

Полагаем, закон о блогерах закрепил отличия между журналистикой как профессией и блогосферой как видом общественной деятельности с учетом все возрастающей социальной значимости блогов как источников информации, что предполагает ответственное отношение их авторов к транслируемым сообщениям. Несмотря на то что в законе предусмотрены созвучные требования в области работы с информацией, например, проверять достоверность размещаемой информации, уважать частную жизнь, честь и достоинство граждан, не разжигать социальную рознь и т.д., законодатели не приравнивали блогеров к журналистам, и правовой статус этих субъектов информационных отношений регулируют два разных закона.

С другой стороны, полагаем, что введение правового статуса блогеров связано не только с обособлением данного института публичной коммуникации от журналистики как сферы профессиональной деятельности, но и с тенденцией выделения субъектов информационных отношений, оказывающих серьезное влияние на формирование общественного мнения, в самостоятельный институт публичной коммуникации и, соответственно, наделение таких субъектов рядом юридических обязанностей и ответственностью. В случае публичной коммуникации к ее участникам должны предъявляться систематизированные в едином юридическом документе требования к исполнению норм права и предполагающие ответственное отношение к транслируемым сообщениям.

Литература

Бекуров Р.В. Этика поведения в социальных сетях // Этика массовых коммуникаций: опыт и научные исследования в России и Германии: материалы международного семинара (3 – 4 октября 2013 г.) / под ред. С.Г. Корконосенко. СПб., 2013.

Блогосфера российского Интернета. Информационный бюллетень компании Яндекс. Весна 2009 [Электронный ресурс] URL: http://download.yandex.ru/company/yandex_on_blogsphere_spring_2009.pdf (дата обращения 12.01.2015).

Георгий Вирен Блогеры заменят репортеров? (К вопросу о взаимоотношениях информационных агентств и блогосферы) // Меди@льманах 2013 № 4.

Интернет-СМИ: Теория и практика: учебное пособие для студентов вузов / под ред. М.М. Лукиной. М., 2010.

Интернет в России. Вып. 44. Зима 2013 – 2014 [Электронный ресурс] URL: <http://fom.ru> (дата обращения 12.01.2015).

Интернет: возможности использования [Электронный ресурс] / URL: // <http://www.levada.ru/20-11-2014/internet-vozmozhnosti-ispolzovaniya> (дата обращения 12.01.2015).

Подведены итоги работы Роскомнадзора в 2014 году [Электронный ресурс] URL: // <http://rkn.gov.ru/news/rsoc/news29403.htm> (дата обращения 12.01.2015).

Сайты шведских газет ввели ограничения на комментарии к статьям [Электронный ресурс] URL: // <http://lenta.ru/news/2011/08/30/swedes> (дата обращения 21.12.2014).

References

Bekurov R.V. Etika povedeniya v sotsial'nykh setyakh // Etika massovykh kommunikatsii: opyt i nauchnye issledovaniya v Rossii i Germanii: materialy mezhdunarodnogo seminara (3-4 oktyabrya 2013 goda) / pod red. S.G. Korkonosenko. SPb., 2013.

Blogosfera rossiiskogo Interneta. Informatsionnyi byulleten' kompanii Yandeks. Vesna 2009 [Elektronnyi resurs] // http://download.yandex.ru/company/yandex_on_blogsphere_spring_2009.pdf (data obrashcheniya 12.01.2015).

Georgii Viren. Blogeryzamenyat reporterov? (K voprosu o vzaimootnosheniyakh informatsionnykh agenstv i blogosfery) // Medi@l'manakh 2013 № 4.

Internet-SMI: Teoriya i praktika: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov / Pod red. M.M. Lukinoi. M., 2010.

Интернет в России. Вып. 44. Зима 2013 – 2014 [Elektronnyi resurs] // <http://fom.ru> (data obrashcheniya 12.01.2015).

Интернет: vozmozhnosti ispol'zovaniya [Elektronnyi resurs] // <http://www.levada.ru/20-11-2014/internet-vozmozhnosti-ispolzovaniya> (data obrashcheniya 12.01.2015).

Podvedeny itogi raboty Roskomnadzora v 2014 godu [Elektronnyi resurs] // <http://rkn.gov.ru/news/rsoc/news29403.htm> (data obrashcheniya 12.01.2015).

Saity shvedskikh gazet vveli ogranicheniya na kommentarii k stat'yam [Elektronnyi resurs] // <http://lenta.ru/news/2011/08/30/swedes> (data obrashcheniya (data obrashcheniya 21.12.2014).

Kapustina A.G. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia)

Law status of journalists and bloggers in the newest information legislation of Russian Federation.

The author carries out a comparative analysis of Russian national rights and responsibilities of journalists and bloggers, distinguishes fundamental differences in the legal status of the subject of information relations, determines the trend of development of the Russian legislation activity regulation of participants of information relations in the Russian segment of the Internet. On August 1, 2014 the Law on bloggers entered into force that, on the one hand fixed the differences between journalism as a profession and

the blogosphere as a kind of social activity. On the other hand, at the legislative level it has solved the problem of the responsible attitude to bloggers - often influential and popular sources of information - to the broadcasting of messages. It is obvious that in Russian Federation it is being actively formed a system of legal regulation of information relations on the Internet, existed for many years legal gaps in this area are gradually disappearing.

Key words: *law bloggers, media law, journalists, online media, legal status of journalists, legal status of bloggers, anonymous, responsibility, media, public communication.*

Kapustina Anna Georgievna – candidate of linguistics, professor assistant of theory of journalism dpt., Southern Federal University, Institute of linguistics, journalism and cross-cultural communication. E-mail: anna_kapustina@mail.ru

---

ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 808.5
ББК 81.2

**К.Ю.Колесина,
Н.Н.Маевский,
Е.М.Прищепа**

**О ВЗАИМОСВЯЗИ
ГУМАНИТАРНОГО
(ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО)
И ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
В КЛАССИЧЕСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

Авторы статьи рассматривают вопрос о значимости гуманитарного образования и его связи с необходимой педагогической подготовкой современных студентов классических университетов (бакалавров, магистров), обучающихся по профилям «Отечественная филология» и «Зарубежная филология» по направлению подготовки действующих ФГОС ВПО «Филология» и пути её реализации на основании включения в образовательный процесс (ООП и УП) соответствующего психолого-педагогического модуля, что отражает потребности современной школы, осуществляющей модернизацию и внедрение новых образовательных стандартов.

Ключевые слова: гуманитарное (филологическое) и педагогическое образование, классический/педагогический университет, направление и профили подготовки, психолого-педагогические дисциплины, модель подготовки педагогических кадров, компетенция/компетентность.

Колесина Карина Юрьевна – докт. пед. наук, профессор кафедры английской филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета

Тел.: 8-908-196-77-86

E-mail: karina379@yandex.ru

Маевский Николай Николаевич – канд. филол. наук, профессор кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета

Тел.: 8-928-15-13-096

E-mail: nik.maevsky@yandex.ru

Прищепа Елена Михайловна – канд. пед. наук, доцент кафедры общей психологии и педагогики Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Тел.: 8-909-406-07-49

E-mail: prs@ugra.ru

© Колесина К.Ю., Маевский Н.Н., Прищепа Е.М., 2015.

Главная проблема современной высшей школы, сформулированная на десятом съезде Российского союза ректоров, проходившем 30 октября 2014 г. с участием 600 членов Союза и приглашённых, – *каким путём идти дальше отечественной высшей школе*. В выступлении на съезде президент РСР ректор МГУ В.А.Садовничий, характеризуя задачи современной высшей школы, отметил, в частности: «Гуманитарное образование оказывает *определяющее влияние* на развитие личности и нации в целом. Без него *невозможно успешное развитие* экономики, устойчивое общество. Какое-то время назад была упущена из виду роль русского языка и истории государства» (курсив наш. – К.К., Н.М., Е.П.) (Академия. – 01.11.2014). Отметим, что Президент РФ В.В.Путин внёс предложение объявить 2016 г. годом образования в странах СНГ.

Подготовка педагогических кадров для образовательных учреждений разного уровня и типа остается весьма актуальной для модернизируемой российской системы образования, что входит в задачи реализуемых в настоящее время приоритетной национальной программы «Образование», госпрограммы «Развитие образования на 2013 – 2020 годы» и национальной образовательной инициативы (программы) «Наша новая школа», где особое внимание обращено на подготовку нового учителя и совершенствование учительского (педагогического) корпуса.

Отметим, что педагогическое образование и подготовка педагогических кадров были осо-

бым предметом дискуссии, состоявшейся на прошедшей в июле 2009 г. в Париже очередной (проходят 1 раз в 10 лет) Всемирной конференции по высшему образованию ЮНЕСКО. Обозначив стратегические и политические инициативы по реформированию высшего образования в обозримом будущем, конференция в своих материалах определила, что *высшее педагогическое образование* должно ориентироваться на учебные планы и программы, вооружающие будущих педагогов новыми подходами, технологиями подготовки школьников к жизни в новых реалиях XXI в.

В ежегодном Послании Президента Федеральному Собранию РФ 12 ноября 2009 г. также указывалось, что отечественное педагогическое образование ждет серьезная модернизация, включая постепенное преобразование педагогических вузов либо в крупные центры подготовки преподавателей, учителей, либо в педагогические факультеты классических университетов.

Однако настораживает, что в настоящее время в педагогическом мире, в прессе, звучат голоса о недопустимости уже имеющего место разрушения системы современного педагогического образования.

Несомненно, что качественного высшего образования не может быть без качественного среднего образования. Однако невозможно получить водночасеи то, и другое. «...начинать следует с высшего образования – хотя бы потому, что только оно способно обеспечить систему общего образования современным, молодым и энергичным учителем. Сколько денег ни вкладывай в эту систему, без массовой подготовки и привлечения к ней способной молодежи качественно ничего меняться не будет. Об этом свидетельствует, в частности, и опыт тех стран, которые уже осуществили модернизацию своих систем образования. Да и «технологический цикл» в системе общего образования как минимум вдвое длиннее, чем в системе высшего профессионального образования, а значит, начиная с неё, ждать результатов придется значительно дольше» [Кирой, с. 8 – 9].

Отметим, что история отечественного образования сохранила для потомков яркие образы замечательных учителей-словесников, преимущественно университетских преподавателей, но при этом работавших в пансионах, лицеях, гимназиях (например, Н.Ф.Кошанский, Л.Ф.Мерзляков, В.Я.Стоюнин, В.П.Острогорский, Л.Б.Поливанов). Их отличали как глубокие знания по предмету, так и увлеченность литературой и языком, активная научная работа в филологической области. Каждый совмещал в себе ученого-исследователя, переводчика, учителя. Огромный духовный потенциал этих педагогов притягивал к ним учеников, формировал у них трепетное отношение к культуре, языку, литературе. С именами этих учителей связаны первые опыты по созданию учебных программ и учебников, им принадлежат основополагающие методические работы, они были зачинателями внеклассной и внешкольной работы с учениками: школьных театров, литературных вечеров, бесед и т.п. И у каждого из них *путь в учительство начинался в ауди-*

ториях лучших российских университетов, выпускники которых всегда считали своим долгом и высокой честью работать в школах.

История российского учителя-словесника непосредственно связана с историей русской интеллигенции. Начало русской интеллигенции как культурно-исторического явления обычно относят ко 2-й половине XIX в., к этому же периоду можно отнести и рождение феномена «учитель словесности», когда гимназический курс русского языка и словесности стал одним из основных учебных курсов, а учитель-словесник – самым главным учителем. И уже тогда в работах методистов появилась мысль о том, что школе нужны разные учителя. Еще Ф.И. Буслаев писал, что среди словесников есть «схоластики», «философы», «практики», «систематики». Эта мысль кажется особенно актуальной в наше время, когда современной школе нужны учителя, способные не только провести эффектный урок, но и самостоятельно разработать методические материалы, обоснованно выбрать программу обучения, методически адаптировать к учебной ситуации научную информацию. Нужны такие педагоги-филологи, которые могут руководить школьными методическими объединениями, оказывать научную и методическую помощь другим учителям, помогать в организации педагогической практики студентов, преподавать язык и литературу в профильных классах. Именно такими, думается, должны стать выпускники классического университета, избирающие профессию педагога.

Известно, что профессия педагога одна из самых социально значимых профессий. Именно поэтому выдающийся педагог, основоположник русской педагоги К.Д.Ушинский отмечал, что «в деле обучения и воспитания, во всём школьном деле ничего нельзя улучшить, минуя голову учителя» (УГ. 2014. № 47).

В настоящее время Министерство образования и науки РФ приступило к реализации масштабной программы поддержки развития педагогического образования, в которую всё активнее должны включаться большинство вузов страны, обеспечивающих подготовку педагогических кадров, что возможно прежде всего в рамках крупных университетских центров, к которым прежде всего относятся федеральные университеты, включая и ЮФУ.

Решая данную задачу комплексно, следует помнить, что к 2020 г. количество школьников увеличится на 2 млн человек, а в текущем десятилетии оно постепенно и постоянно значительно нарастает (см. Доклад Правительства РФ о реализации государственной политики в сфере образования, опубликованный на официальном сайте Минобрнауки России – mon.gov.ru).

На основании перечня поручений по итогам форума Народного фронта «Качественное образование во имя страны», состоявшегося 15 октября 2014 г., Минобрнауки поручено обеспечить подготовку педагогических кадров с учётом поэтапного введения ФГОС общего образования и разработку модельных дополнительных профессиональных про-

грамм педагогического образования в соответствии с профессиональным стандартом педагога.

В новых условиях модернизации всего образования, включая среднюю школу, появление альтернативных учебных заведений повышенного типа (лицеев, гимназий, колледжей), постепенный переход к школе профильной (в ее концепции было заложено 12 профилей, из которых в настоящее время реализуется 9, включая социально-гуманитарный и филологический), а также со временем к школе 12-летней, – классические университеты обязаны заново определить свое место и роль в подготовке кадров преподавателей; перед ними возникает первоочередная задача выработки концептуальных (структурных, содержательных и методических) подходов к проектированию системы педагогического образования в целом с учетом реальных кадровых потребностей регионов и их социокультурной специфики.

Концепция современного многоуровневого (многоступенчатого) филологического университетского образования несомненно теснейшим образом должна быть связана с концепцией школьного и высшего педагогического образования, базируясь на непреходящих, вечных специализациях, определяемых филологией как наукой, главнейшая из которых – это филолог-педагог (преподаватель, учитель родного – русского или национального, иностранного, включая РКИ, классических языков, а также соответствующих литератур), и должна быть ориентирована на глубокое освоение существующих и разработку новых филологических (лингвистических, литературоведческих, интегрированных) курсов (базовых, элективных, факультативных) в данной образовательной (предметной) области – «Филология», что обеспечит будущему преподавателю-словеснику, преподавателю иностранного языка возможность творчески подходить к отбору содержания, интерпретировать и адаптировать новое знание на доступном для учащихся уровне, обеспечить адекватность обучения и развития способностей учащихся в соответствии с запросами личности, выбором ими индивидуально-образовательной траектории (индивидуального образовательного маршрута), включая обучение профильное.

Многие нерешенные проблемы филологического образования в современной средней школе заложены в высшем педагогическом образовании. Для того чтобы быть высоким профессионалом, преподавателю словесности прежде всего необходимо быть *настоящим филологом*. Поэтому специалист, осваивающий квалификацию филолога-преподавателя в условиях классического университета должен получить разносторонние и прочные базовые знания, чтобы впоследствии уметь самому осуществлять преподавательскую деятельность в общеобразовательных, средних специальных и высших учебных учреждениях.

Учитель-словесник, преподаватель-филолог прежде всего должен сформироваться как языковая личность, осознающая величие и мощь русского языка, глубоко разбираться в его тонкостях, быть носителем речевой культуры высшего элитарного типа, быть знакомым с совре-

менными технологиями, всей палитрой методов, приемов обучения как русскому языку и литературе, так и национальным, иностранным языкам, зарубежной филологии, постепенно овладевая ими в процессе своей профессиональной деятельности. Именно с этим связана необходимость совершенствования *модели подготовки педагогических кадров*.

Главный редактор журнала «Русская словесность» А.И.Княжицкий справедливо утверждает, что современный учитель (преподаватель) словесности, как и методист по русскому языку и литературе, «в отличие от так называемого «чистого филолога»... должен знать и уметь никак не меньше, чем ученый, но он должен еще владеть наукой (или искусством?) передачи знаний, должен уметь сделать знание интересным, доступным, увлекательным» [Княжицкий, с. 2].

Педагогическое образование как государственный и общественный институт оказывается полем непрерывного, непрекращающегося диалога различных культур: исследовательской, собственно педагогической, методической, управленческой и др. В силу этого «в содержании педагогического образования присутствуют совершенно различные логики, так, для классической университетской культуры характерен примат научного содержания, которое затем «проецируется» в учебный процесс; напротив, в педагогических университетах определяющее значение имеет сложившаяся и реально функционирующая образовательная среда, которая в той или иной степени адаптирует новые научные знания и культурную информацию» [Бермус, с. 189 – 190]. [См. также указанные в списке литературы работы Н.Н. Маевского, К.Ю. Колесиной].

К сожалению, в текущем учебном году в классических университетах завершается пятилетняя подготовка специалиста «Филолог. Преподаватель» по направлению/специальности «Филология» ФГОС ВПО – 2. По действующим также (4-й учебный год) в настоящее время ФГОС ВПО-3 осуществляется двухуровневая подготовка бакалавров (4 года) и магистров (2 года) по нескольким профилям/программам указанного направления. Важно отметить, что в своём выступлении на 10 съезде Российского союза ректоров В.А.Садовничий указал на *необходимость вернуться* к пятилетней (и даже шестилетней) подготовке ведущего инженерного корпуса страны по монопрограммам, а также *пятилетней подготовке учителя (преподавателя)*. И это, конечно, необходимо учитывать в связи с переходом на новые ФГОС ВПО-3+ в текущем учебном году при корректировке новых ООП и УП по направлению 45.03.01 – «Филология».

Именно поэтому включение в действующие ФГОС ВПО-3 по направлению «Филология» *педагогического модуля* (см. приложение 1) подготовки будущих бакалавров и магистров, одного из профилей «Преподавание филологических дисциплин» и создание соответствующей основной образовательной программы (ООП), реализуемой в учебных планах (УП), весьма актуально и необходимо, так как классическим университетам принадлежит значительная роль в своевременном (опережающем, заранее спланированном), качественном обеспечении

современной модернизируемой образовательной системы педагогическими кадрами для учебных заведений разных типов и уровней как историческим центрам такой подготовки, интегрирующим научно-педагогическую мысль.

Цели и задачи подготовки будущих педагогов в университете рассматриваются нами в контексте ценностно-нормативной культуры общества, что связывается с ориентацией на гуманитарные ценности:

- ценность духовно-нравственного и гражданского развития личности;
- ценность профессионального становления и индивидуально-творческого развития будущего специалиста;
- ценность внутреннего мира личности, потребности самореализации в жизни, культуре, познании, общении;
- ценность прав и свобод личности как проявление самоуважения, чувства собственного достоинства, как выбор смыслов и способов самоопределения в культурной среде и профессиональной деятельности;
- ценность жизни и здоровья обучаемого, его эмоционально-психического и нравственного благополучия.

Взаимосвязь гуманитарного и педагогического образования проявляется в компетенциях специалиста в сфере образования, в числе которых выделим следующие:

1. Способность понимать значение культуры как формы человеческого существования и руководствоваться в своей деятельности базовыми культурными ценностями, современными принципами толерантности, диалога и сотрудничества;
2. Готовность к толерантному восприятию социальных и культурных различий, уважительному и бережному отношению к историческому наследию и культурным традициям;
3. Способность использовать навыки публичной речи, ведения дискуссии и полемики;
4. Владение одним из иностранных языков на уровне, позволяющем получать и оценивать информацию в области профессиональной деятельности из зарубежных источников;
5. Осознание социальной значимости своей будущей профессии, обладание мотивацией к осуществлению профессиональной деятельности;
6. Способность использовать систематизированные теоретические и практические знания гуманитарных, социальных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач;
7. Способность и готовность нести ответственность за результаты своей профессиональной деятельности;
8. Способность к подготовке и редактированию текстов профессионального и социально значимого содержания;
9. Способность решать задачи воспитания и духовно-нравственного развития личности обучающихся;

10. Способность осуществлять педагогическое сопровождение процессов социализации и профессионального самоопределения обучающихся, подготовки их к сознательному выбору профессии;

11. Способность организовывать сотрудничество обучающихся, поддерживать активность и инициативность, самостоятельность обучающихся, их творческие способности;

12. Способность разрабатывать и реализовывать, с учетом отечественного и зарубежного опыта, культурно-просветительские программы;

13. Способность выявлять и использовать возможности региональной культурной образовательной среды для организации культурно-просветительской деятельности;

14. Способность разрабатывать современные педагогические технологии с учетом особенностей образовательного процесса, задач воспитания и развития личности.

Гуманитарные ценности и профессиональные компетенции отражены в задачах профессионально-личностного становления будущих специалистов:

- формирование гуманистических, гражданских идеалов и ценностей, воспитание гуманистического мировоззрения как уважение к человеческой жизни, сохранение духовного опыта человечества, ответственность перед будущими поколениями;

- воспитание ответственного и творческого отношения к учебному и профессиональному труду, интереса к будущей профессии, стремления стать конкурентоспособным специалистом;

- воспитание уважения к национальным традициям и культуре других народов, формирование опыта гражданского поведения, основанного на защите свобод и прав человека, овладение ситуациями ответственности, самостоятельности в решении социальных проблем;

- развитие духовно-нравственной и эстетической культуры путем ознакомления с ценностями культуры, их охраны и возрождения, в творческих видах деятельности (художественных, научных, нравственных).

Полагаем, что развитие и формирование личности студента на филологическом факультете классического университета осуществляется наиболее эффективно, если ему предоставляется право:

- поиска ценностно-личностных смыслов освоения познавательного, профессионального, творческого, культурного, информационного пространств будущей профессиональной деятельности;

- выбора студентом такой позиции, которая позволила бы ему достичь наибольшего успеха, наивысшего самовыражения в деятельности.

Создание в университете среды активной деятельности студентов в сфере освоения, сохранения и приумножения ценностей гуманитарно-педагогической культуры и ценностей своего духовного становления актуализирует их смыслообразующую потребность в контексте будущей профессиональной деятельности. Особо подчеркнем, что задачи воспитания и культурного образования специалиста в университете

закljučаются в том, чтобы помочь ему обрести себя в гуманитарно-педагогической культуре, сформировать свой собственный культурный облик и образ.

Более глубокое содержание лингвистического и литературоведческого образования в классическом университете – залог и более глубокой педагогической подготовки. Здесь нужна и другая педагогическая составляющая, включающая методологическую, теоретическую, смысловую дидактику и определяемые ею частные методики.

Современному учителю не хватает методологической культуры, которая должна и может быть восполнена в рамках дидактической подготовки в классическом университете на основе органического слияния базового филологического образования с модулем психолого-педагогической подготовки.

Следует добавить, что школьные стандарты нового поколения ориентируют на более глубокое содержание образовательного процесса в школе, а реализовать его могут только педагоги-исследователи, педагоги-мыслители.

Следовательно, *возвращение педагогической подготовки* филологов повысит качество образовательного процесса в современной школе, усилит приток в них выпускников с классическим филологическим образованием и повысит мотивацию поступления абитуриентов на филологические профили педагогической и непедагогической ориентации.

Литература

Бермус А.Г. Стратегия разработки образовательных программ по педагогическим специальностям в едином образовательном пространстве региона // Роль классических университетов в развитии единого научного и образовательного пространства России. Ростов н/Д, 2000.

Кирой В.Н. Новые университеты России: проблемы и пути их решения // Высшее образование в России. М., 2010. № 3.

Княжицкий А.И. Учитель словесности. Подготовка и повышение квалификации // Русская словесность. 2003. № 7.

Маевский Н.Н., Колесина К.Ю., Трошкина Т.П. Компетентностный подход к формированию профиля (модуля) «Преподавание филологических дисциплин» // Информ. бюл. № 12 Совета по филологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию. Великий Новгород, 2010.

Маевский Н.Н. Может ли бакалавр быть подготовлен к педагогической деятельности по новому ФГОС ВПО по направлению 032700 – Филология // Язык как система и деятельность – 2: материалы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д, 2010.

Маевский Н.Н. Педагогический модуль как составляющая в системе подготовки филологов-преподавателей по направлению 031000 – Филология // Филологические чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 2007.

Маевский Н.Н. Методическая подготовка выпускников-филологов современных классических университетов как показатель улучшения качества

современного педагогического образования // Вузовские формы обучения: современное состояние и перспективы развития: материалы межвуз. науч.-практ. конф. М., 2007.

Маевский Н.Н. Педагогическая практика в многоуровневой системе университетского филологического образования: структура и содержание // Актуальные проблемы методики преподавания русского языка на современном этапе российского среднего и высшего образования. М., 2004.

Маевский Н.Н. Научно-методическая подготовка магистров по направлению «Филология» в классических университетах: концепция и содержание // Речь. Речевая деятельность. Текст. Таганрог, 2004.

Маевский Н.Н. Модуль педагогической подготовки в ФГОС ВПО третьего поколения по направлению «Филология» и место в нём курса «Система и методика преподавания лингвистических дисциплин в вузе» // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Вып. I: материалы междунар. науч. конф. Ростов н/Д, 2007.

References

Bermus A.G. Strategiya razrabotki obrazovatel'nykh programm po pedagogicheskim spetsial'nostyam v edinom obrazovatel'nom prostranstve regiona // Rol' klassicheskikh universitetov v razvitii edinogo nauchnogo i obrazovatel'nogo prostranstva Rossii. Rostov n/D, 2000.

Kiroi V.N. Novye universitety Rossii: problemy i puti ikh resheniya // Vysshee obrazovanie v Rossii. M., 2010. № 3.

Knyazhitskii A.I. Uchitel' slovesnosti. Podgotovka i povyshenie kvalifikatsii // Russkaya slovesnost'. 2003. № 7.

Maevskii N.N., Kolesina K.Yu., Troshkina T.P. Kompetentnostnyi podkhod k formirovaniyu profilya (modulya) «Prepodavanie filologicheskikh distsiplin» // Inform. Byull. № 12 Soveta po filologii Uchebno-metodicheskogo ob'edineniya po klassicheskomu universitetskemu obrazovaniyu. Velikii Novgorod, 2010.

Maevskii N.N. Mozhet li bakalavr byt' podgotovlen k pedagogiche-skoi deyatel'nosti po novomu FGOS VPO po napravleniyu 032700 – Filologiya // Yazyk kak sistema i deyatel'nost' – 2: Materialy Mezhdunar. Nauch. konf. Rostov n/D, 2010.

Maevskii N.N. Pedagogicheskii modul' kak sostavlyayushchaya v sisteme podgotovki filologov-prepodavatelei po napravleniyu 031000 – Filologiya // Filologicheskie chteniya: materialy Mezhdunar. Nauch.-prakt. konf. Orenburg, 2007.

Maevskii N.N. Metodicheskaya podgotovka vypusnikov-filologov sovremennykh klassicheskikh universitetov kak pokazatel' uluchsheniya kachestva sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya // Vuzovskie formy obucheniya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: materialy mezhvuzovskoi nauch.-prakt. konf. M., 2007.

Maevskii N.N. Pedagogicheskaya praktika v mnogourovnevoi sisteme universitetskogo filologicheskogo obrazovaniya: struktura i sodержanie // Aktual'nye problemy metodiki prepodavaniya russkogo yazyka na sovremennom etape rossiiskogo srednego i vysshego obrazovaniya. M., 2004.

Maevskii N.N. Nauchno-metodicheskaya podgotovka magistrrov po napravleniyu «Filologiya» v klassicheskikh universitetakh: kontseptsiya i sodержanie // Rech'. Rehevaya deyatel'nost'. Tekst. Taganrog, 2004.

Maevskii N.N. Modul' pedagogicheskoi podgotovki v FGOS VPO tret'ego pokoleniya po napravleniyu «Filologiya» i mesto v nem kursa «Sistema i metodika prepodavaniya lingvisticheskikh distsiplin v vuze» //Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost': lingvokul'turologicheskii i pragmaticheskii aspekty. Vyp. I: materialy mezhdunar. nauch. konf. Rostov n/D, 2007.

Kolesina K.Yu., Maevsky N.N., Prischepa E.M. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation)

On the interrelation of the humanities (linguistics) and pedagogy education at classic university

The authors study the relevance of education in the humanities and its relation to the necessary pedagogical training of modern students of classic universities (bachelors, masters) enrolled in specialties “National philology” and “Foreign philology” in the direction of the current training of FSES HPE (ФГОС ВПО) «Philology» and the ways of its implementation on the basis of inclusion in education-tive process (OOP and UP) corresponding psycho-pedagogical module that reflects the needs of the modern school, to carry out modernization and introduction of new educational standards.

Key words: humanities (philology) and teacher education, classic/pedagogical university, direction and specialties of training, psycho-pedagogical discipline, pattern of teaching staff preparation, competence.

Kolesina Karina Yurievna – Ph.D. of pedagogy, professor of English linguistics dpt. Institute of linguistics, journalism and cross-cultural communication of Southern federal university. E-mail: karina379@yandex.ru

Maevsky Nikolay Nikolaevich – candidate of linguistics, professor of English linguistics dpt. Institute of linguistics, journalism and cross-cultural communication of Southern federal university. E-mail: nik.maevsky@yandex.ru

Prischepa Elena Mikhailovna – candidate of pedagogy, professor assistant of general psychology and pedagogy dpt. Academy of psychology and pedagogy of Southern federal university. E-mail: prs@ugra.ru

	Модуль 1: «Отечественная филология» (русский язык и литература; национальные языки; русский язык как неродной/как иностранный (РКИ)) Модуль 2: «Зарубежная филология»												
	Вариативная часть, в т.ч. дисциплины по выбору студента												
	Компьютерные технологии в обучении языку и литературе/ Средства обучения языку в современной лингводидактике	2	72					x					Зачет
	Модуль 3: «Преподавание филологических дисциплин» (с указанием основного языка\языков)												
	Методика преподавания языка/языков: русского/русского как неродного/русского как иностранного (РКИ)/ национально-го// Лингводидактика и преподавание иностранных языков	4	144						x		x		Экзамен
	Методика преподавания литературы	4	144						x		x		Экзамен
	Дидактика	2	72					x					Экзамен
	Вариативная часть, в т.ч. дисциплины по выбору студента												
	История методики русской словесности/ Лингвистические основы описания РКИ	2	72								x		Зачет
	Дисциплины по выбору студента												
	Стилистика и культура речи в школе/Стилистика и культура речи в иноязычной аудитории/Риторика в школе	2	72								x		Зачет
	Школьная лексикография (отечественная/зарубежная)/Русская словесность в школе/Функциональная лингвистика (РКИ)	2	72								x		Зачет

Б.5.	Учебная и производственная практики												
	Педагогическая практика (4 нед.)	4	144									x	Экзамен

Общее количество зачетных (кредитных) единиц – 32

Общее число академических часов

на профильные дисциплины

модуля (профиля) педагогической

подготовки (включая педпрактику)

– 1152

УДК 81-33
ББК 81.1.

**В.В. Сибул,
А.Г. Иванова**

**ВОПРОСЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-
ОРИЕНТИРОВАННОГО
ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
СТУДЕНТОВ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ**

Рассматривается проблема содержания профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов нелингвистических специальностей, которая приобретает особую актуальность в связи с возрастающей ролью иноязычного общения в профессиональной деятельности современных специалистов.

Ключевые слова: *успешность; многоаспектность; профессиональная деятельность; коммуникация.*

Сибул Виктория Владимировна – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета Российского университета дружбы народов
Тел.: +7(916) 274-25-87,
E-mail: vsibul1970@mail.ru

Иванова Арюна Гомбоевна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков экономического факультета Российского университета дружбы народов
Тел.: +7(916)459-14-38
E-mail: ariunadi@mail.ru

В современных условиях иноязычное общение становится существенным компонентом будущей профессиональной деятельности конкурентоспособного специалиста. В связи с этим значительно возрастает роль дисциплины «иностраный язык профессионального общения» в российских неязыковых вузах. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования требует учета профессиональной специфики при изучении иностранного языка, его направленности на помощь в реализации задач будущей профессиональной деятельности выпускников.

Особую актуальность приобретает профессионально-ориентированный подход к обучению иностранному языку на экономических факультетах вузов, который предусматривает формирование у студентов способности иноязычного общения в конкретных профессиональных, деловых, научных сферах и ситуациях с учетом особенностей профессионального мышления. Профессионально-ориентированное обучение в современных работах по методике преподавания иностранного языка рассматривается как обучение, основанное на учете потребностей студентов в изучении иностранного языка, диктуемых особенностями будущей профессии или специальности [Образцов, Ахулкова, Черниченко; Хусаинова].

Оно предполагает сочетание овладения профессионально-ориентированным иностранным языком с развитием личностных качеств обучающихся, необходимых при реализации профес-

сиональной деятельности, знанием культуры страны изучаемого языка и приобретением специальных навыков, основанных на профессиональных и лингвистических знаниях [Малюга, 2011, с. 81 – 85; 2013, с. 35 – 40]. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку признается в настоящее время приоритетным направлением в обновлении образования.

С момента присоединения России к Болонскому процессу появилась настоятельная необходимость по-новому взглянуть на процесс обучения вообще и на обучение иностранному языку в частности. Иноязычное общение становится существенным компонентом профессиональной деятельности специалистов. Анализ педагогических научно-методических источников показал, что существует бесчисленное множество методических направлений и технологий обучения иностранному языку на неязыковых факультетах вузов. В настоящее время ставится задача не только овладения навыками общения на иностранном языке, но и приобретения специальных знаний по специальности.

Рассматривая иностранный язык как одно из возможных средств формирования профессиональной направленности будущего специалиста, Н.Д. Гальскова отмечает, что при изучении профессионально-ориентированного языкового материала устанавливается двусторонняя связь между стремлением студента приобрести специальные знания и успешностью овладения языком [Гальскова, с. 4]. Она считает иностранный язык эффективным средством профессиональной и социальной ориентации в неязыковом вузе. По мнению автора, для реализации данного потенциала необходимо соблюдение следующих условий:

- четкая формулировка целей иноязычной речевой деятельности;
- социальная и профессиональная направленность этой деятельности;
- удовлетворенность обучаемых при решении частных задач;
- формирование у обучаемых умения творчески подходить к решению частных задач;
- благоприятный психологический климат в учебном коллективе.

Огромный вклад в разработку теории профессионально-ориентированного преподавания иностранного языка внесли также П.И. Образцов с соавторами. Они обосновали принцип профессиональной направленности учебного материала при обучении иностранному языку в неязыковом вузе. Авторы подчеркивали, что изучение иностранного языка должно быть не самоцелью, а средством достижения цели повышения уровня образованности, эрудиции в рамках своей специальности. Учет специфики профилирующих специальностей, с их точки зрения, должен проводиться по следующим направлениям: работа над специальными текстами, изучение специальных тем для развития устной речи, изучение словаря-минимума по соответствующей специальности, создание преподавателями пособий для активизации грамматического и лексического материала обучающихся [Образцов, Иванова].

Предмет «иностранный язык профессионального общения» имеет ряд особенностей. Специфика данного предмета определяется направлением пути овладения иностранным языком. Еще Л.С. Выготский отмечал в своих работах, что усвоение иностранного языка идет путем, противоположным тому, которым идет развитие родного языка. Ребенок усваивает родной язык неосознанно и ненамеренно, а иностранный – начиная с осознания и намеренности. Поэтому можно сказать, что развитие родного языка идет снизу вверх, в то время как развитие иностранного языка – сверху вниз, поэтому преподаватель обучающий иностранному языку будущих специалистов должен опираться на их профессиональные интересы и намерений реализовать себя в выбранной ими сфере деятельности.

Второй особенностью иностранного языка как учебного предмета является то, что язык выступает и средством, и целью обучения. В первую очередь обучаемый усваивает наиболее легкие языковые средства, овладевает разными видами речевой деятельности, которые до определенного момента выступают целью обучения, а затем используются им для освоения более сложных языковых действий, т.е. являются уже средством обучения. Обретенные навыки владения языком помогают в дальнейшем изучать аутентичный материал по своей специальности как в печатном, так и в аудио формате.

Следующей специфической чертой данной учебной дисциплины является ее «беспредметность»: в отличие от других дисциплин, она не дает человеку знаний о реальной действительности, так как язык является лишь средством формирования, существования и выражения мыслей об окружающем мире в целом и какой-либо отдельной его сфере в частности.

Целью обучения иностранным языкам в неязыковых вузах является достижение уровня, достаточного для практического использования иностранного языка в будущей профессиональной деятельности. Таким образом, если в языковом вузе иностранный язык является специальной базой, то в неязыковых вузах – это приложение к общей культуре, поэтому в неязыковом вузе формулировка конечной цели требует конкретизации.

Практическое овладение иностранным языком составляет лишь одну сторону профессионально-ориентированного обучения предмету. По мнению А.А. Рыбкиной, иностранный язык может стать не только объектом усвоения, но и средством развития профессиональных умений. Это предполагает расширение понятия «профессиональная ориентированность» обучения иностранному языку, которое включало один компонент – профессионально-ориентированную направленность содержания учебного материала.

Профессионально-ориентированное обучение предусматривает профессиональную направленность не только содержания учебных материалов, но и деятельности, включающей в себя приемы и операции, формирующие профессиональные умения, в том числе отражение стра-

тегий ведения бизнеса в стратегиях коммуникации [Пономаренко, Радюк]. Профессиональная же направленность деятельности, во-первых, требует интеграции дисциплины «иностраный язык профессионального общения» с профилирующими дисциплинами; во-вторых, ставит перед преподавателем иностранного языка задачу научить будущего специалиста на основе межпредметных связей использовать иностранный язык как средство систематического пополнения своих профессиональных знаний, а также как средство формирования профессиональных умений и навыков; в-третьих, предполагает использование форм и методов обучения, способных обеспечить формирование необходимых профессиональных умений и навыков будущего специалиста [Зиннурова, с. 39].

Исходя из вышесказанного, профессионально-ориентированное обучение иностранному языку в неязыковых вузах требует нового подхода к отбору содержания. Он должен быть ориентирован на последние достижения в той или иной сфере человеческой деятельности, своевременно отражать научные достижения в сферах, непосредственно затрагивающих профессиональные интересы обучающихся, предоставлять им возможность для профессионального роста.

Таким образом, будет правомерно рассматривать содержание обучения иностранному языку на экономических факультетах вузов как совокупность того, что обучающиеся должны усвоить в процессе обучения той или иной специальности экономического профиля, чтобы качество и уровень владения иностранным языком соответствовали запросам и целям их дальнейшей профессиональной деятельности в сфере экономики, а также целям и задачам данного уровня обучения. Отбор содержания призван способствовать разностороннему и целостному формированию личности студента, подготовке его к будущей профессиональной деятельности.

В последние годы в теории и практике профессионально-ориентированного обучения в неязыковых вузах большое внимание уделяется вопросам, связанным с использованием его как инструмента общения в диалоге культур (И.Л. Бим, Н.Д. Гальскова, А.А. Мильруд, С.Г. Тер-Минасова). Коммуникативное и социокультурное развитие студентов средствами учебного предмета «иностраный язык профессионального общения» осуществляется в большей мере за счет правильной реализации лингвострановедческого подхода. Такой подход обеспечивает усвоение языка в тесной связи с иноязычной культурой, которая включает в себя разнообразные познавательные сведения об истории, литературе, архитектуре, быте, нравах, образе жизни страны изучаемого языка.

Современные социально-экономические процессы актуализируют проблему эффективной языковой подготовки студентов и формирования профессионально-языковой компетентности. Так, Ф.М. Зиннурова понимает под профессионально-языковой компетентностью интегративное качество личности, адекватно регулирующее ее профессиональ-

ное и социальное становление. Оно позволяет специалисту мобилизовать в ходе общекультурной, коммуникативной и профессиональной деятельности приобретенные языковые знания и умения, а также использовать обобщенные способы коммуникативной деятельности в условиях реализации профессиональных функций [Зиннурова].

Вместе с тем профессионально-языковую компетентность можно рассматривать как уровень языковой подготовки специалиста, обеспечивающий успешность коммуникаций, позволяющий оперировать специальной терминологией и формирующий культуру речевого поведения в предстоящих ситуациях профессиональной деятельности [Зиннурова, с. 14].

Литература

Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранному языку: пособие для учителя. М., 2000.

Зиннурова Ф.М. Формирование профессионально-языковой компетентности студентов ССУЗ в полиэтническом регионе (на примере строительных специальностей): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Йошкар-Ола, 2006.

Малюга Е.Н. Некоторые особенности речевого поведения в официально-деловом стиле // Вестн. Бурятского гос. ун-та. 2011. № 11.

Малюга Е.Н. Развитие теории межкультурной деловой коммуникации в современном языкознании // Вестн. Бурятского гос. ун-та. 2013. № 11.

Образцов П.И., Ахулкова А.И., Черниченко О.Ф. Проектирование и конструирование профессионально-ориентированной технологии обучения. Орел, 2005.

Образцов П.И., Иванова О.Ю. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов. Орел, 2005.

Пономаренко Е.В., Радюк А.В. Смысловый синергизм как основа актуализации коммуникативных стратегий и тактик английского делового дискурса // Научный вестн. Воронежского государственного архитектурно-строительного ун-та. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2013. № 2 (20).

Хусаинова М.А. Становление профессиональной позиции студентов – будущих менеджеров средствами иностранного языка: дис. канд. .... пед. наук. Самара, 2006.

References

Gal'skova N.D. Sovremennaya metodika obucheniya inostrannomu yazyku: Posobie dlya uchitelya. M: ARKTI-Glossa, 2000.

Khusainova M.A. Stanovlenie professional'noi pozitsii studentov – budushchikh menedzherov sredstvami inostrannogo yazyka: dis. kand.... ped. nauk. Samara, 2006.

Malyuga E.N. Nekotorye osobennosti rechevogo povedeniya v ofitsial'no-delovom stile // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 11.

Malyuga E.N. Razvitie teorii mezhkul'turnoi delovoi kommunikatsii v sovremennom yazykoznanii // Vestn. Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 11.

Obraztsov P.I., Akhulkova A.I., Chernichenko O.F. Proektirovanie i konstruirovaniye professional'no-orientirovannoi tekhnologii obucheniya. Orel, 2005.

Obraztsov P.I., Ivanova O.Yu. Professional'no-orientirovannoe obuchenie inostrannomu yazyku na neyazykovykh fakul'tetakh vuzov. Orel, 2005.

Ponomarenko E.V., Radyuk A.V. Smyslovoi sinergizm kak osnova aktualizatsii kommunikativnykh strategii i taktik angliiskogo delovogo diskursa // Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya. 2013. № 2 (20).

Zinnurova F.M. Formirovanie professional'no-yazykovoi kompetentnosti studentov SSUZ v polietnicheskom regione (na primere stroitel'nykh spetsial'nostei): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Ioshkar-Ola, 2006.

Sibul V.V., Ivanova A.G. (Russian University of People's Friendship, Moscow, Russian Federation)

Questions of professional-oriented teaching of foreign language for students of economic specialty

The article discusses the problem of the content of professional-oriented teaching of a foreign language to students of non-linguistic specialties, which is particularly relevant from the viewpoint of the increasing role of foreign language communication in the professional activity of modern professionals.

The purpose of foreign language teaching in non-linguistics universities is to achieve a level that is sufficient for practical use of a foreign language in future career. Thus, if foreign language at linguistic university is a special base, at non-linguistic universities it is an application to general professional knowledge base and skills, so at non-linguistic universities the statement of ultimate goal requires specification.

Thus, it is sufficient to consider the contents of foreign language teaching at non-linguistic faculties as the totality of what students should learn in the education process, the quality and level of foreign language should correlate with their needs and goals, as well as the goals and objectives of this level of training. Selection of the content is intended to promote the broad development of the student's personality, its preparation for future careers.

Key words: *success, multidimensionality, professional activity, communication.*

Sibul Victoria Vladimirovna – candidate of linguistics, senior lecturer of foreign language dpt. of economic faculty, Russian University of People's Friendship, Moscow, Russian Federation. E-mail: vsibul1970@mail.ru

Ivanova Aryuna Gomboevna – candidate of linguistics, professor assistant of foreign language dpt. of economic faculty, Russian University of People's Friendship, Moscow, Russian Federation. E-mail: ariunadi@mail.ru

---

РЕЦЕНЗИИ

РУССКАЯ КАРТИНА МИРА СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ТРЕБОВАНИЕ ВРЕМЕНИ ИЛИ «КУЛЬТУРНЫЙ КАПРИЗ»?

(Юзефович Н.Г. *Интерлингвокультурная картина мира в английском языке вторичной культурной ориентации (на материале описания российской действительности)*: монография. Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2013. 266 с.)

По-видимому, настало время, когда описывать реалии российской жизни на том несуществующем, искусственном иностранном языке, какому когда-то обучали в советской школе, уже нельзя: Российская Федерация сегодня прочно интегрирована в общемировое культурное, экономическое, политическое пространство. Следовательно, игнорировать значение в своей дальнейшей судьбе европейских языков (среди которых особое место занимает и русский), их иерархию, функции, статус – она больше не может и не должна.

Как решительно и верно указывает во введении к своей новой книге Наталья Григорьевна Юзефович, «глобализм и билингвизм стали ключевыми словами современной эпохи; именно в условиях глобализма и билингвизма формируется посредник мирового межкультурного коммуникативного пространства, абсолютно новое явление в истории человечества – глобальный английский язык, который актуализируется, главным образом, в двух направлениях: культурная нейтрализация и этническая идентификация» (с. 5). В этом объективно существующем положении допустимо усматривать целый ряд «скрытых пороков», якобы представляющих собой опасность или даже угрозу для человечества в том, что касается важнейшего его атрибута – естественной вербальной коммуникации. Среди вероятных рисков называют стремительное формирование на базе единого глобального кода некоего «языка элиты» и окончательный переход к нему с сопутствующей, такой же быстрой детериоризацией и отвержением иных естественных языков, включая отказ от необходимости их практического освоения, употребления и научного познания; утрату консервативно-устойчивого комплекса феноменов, которые складываются в уникальную картину национально-культурной идентичности на фоне общей, весьма размытой в своей неопределенности и изменчивости интернациональной панорамы; в конечном счете – сегрегацию глобального сообщества по признаку владения «выделенным» языком как первым, родным, или как вторым, иностранным (подробнее об этом см., например, в книгах известного британского социолингвиста Дэвида Крестала *Language Death, 2000*, и *English as a Global Language, 2003*). Вопреки сказанному, существование в мировом коммуникативном пространстве глобального языка и выдвигание на его роль именно английского оспаривать невозможно и непродуктивно. Эта мысль и послужила отправной точкой для фундаментального, нетривиального по осуществленным в нем подходам, логичного по построению труда хабаровского ученого-англиста.

Заметим, что изучением языковых контактов и, конкретно, современного состояния двух контактирующих языков, русского и английского, Н.Г. Юзефович занимается достаточно давно. В 2006 г. вышла ее книга «Русскоязычная политическая лексика советского периода в английском языке» (Хабаровск, изд-во ДВГГУ), в 2011 г. монография «Лексика русского политического дискурса в лингвокультурном пространстве английского языка» (Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publishing). Но в последней, рецензируемой нами книге, найденное ею направление окончательно терминологически определено как *политическая интерлингвокультурология*. Ее определение выглядит так: междисциплинарная область знаний, где политический дискурс исследуется в интерлингвокультур-

ной парадигме, в соответствии с которой язык общения служит средством этнической идентификации «чужой» лингвокультуры.

В соответствии с логикой познания предмета исследования автор строит первую главу («Русская лингвокультура в политическом дискурсе») таким образом, что в ней сначала рассматриваются феномены, связанные с базовым понятием лингвокультуры: концептосфера, языковая картина мира, языковая личность. По мере развития тезиса о множественности культур, нежестко «замкнутых» на национальные языки, в тексте работы возникает требуемая конкретика, при которой автор сосредоточивает внимание на концептосфере и языковой картине политического мира только одной, русской лингвокультуры. И здесь речь неизбежно заходит о двуязычии как непреложном условии существования любой лингвокультуры в начале XXI в., русской не в последнюю очередь. «Глобализация обуславливает развитие билингвизма, общение без переводчика оправдано экономией времени, финансов и пр. Билингвизм предполагает осознание того, как родной язык отражает картину окружающего мира и как мир отражается другим языком, что при этом происходит: восприятие новой ментальности или выражение своей родной картины мира средствами другого языка? Эффективность межкультурной коммуникации определяется тем, могут ли участники общения проникнуть в мир другого языка» (с. 17 – 18).

Глава вторая («Интерлингвокультура: глобальный английский, языковая личность, картина мира») отталкивается от аксиоматичного утверждения о победе английского языка, выдвигание которого на роль посредника глобального общения обусловлено его политической, экономической активностью на мировой арене, коммуникативными возможностями, относительной доступностью, функциональностью, историей формирования (с. 58). Авторская рефлексия развивается по меньшей мере в двух взаимосвязанных познавательных направлениях. Это развернутая (в то же время ограниченная рамками однотомного типографского издания) характеристика и анализ лингвокультурного пространства английского языка. И это обзор и лингвистическая оценка англоязычной репрезентации политического лексикона. В данном разделе монографии рассматриваются разноаспектные специфики ксенонима как знака вторичной лингвокультурной номинации и как средства идентификации заявленной в нем (точнее, им) инолингвокультуры (*tovarishch*, *babushka*, *datcha* и мн. др.). Англоязычный ксеноним в работе отделяется от этимона – инолингвокультурного знака первичной номинации, корреляция которого с соответствующими русскоязычными знаками возможна только при их обратном переводе на русский язык, т.е., в отличие от ксенонима, не «вшита» в его внутреннюю форму. Это, например, *White Russian* (белогвардеец), *Decembrist* (декабрист), *Old Believer* (старовер), *Bear State* (о России, с пейоративным оттенком значения) и проч.

Далее автор рассуждает о политической эвфемизации – дисфемизации как идеологических вариантах, посредством которых взаимодействуют второй язык и родная лингвокультура в контексте требований политкорректности; о концептуальной энантиосемии и связанных с нею проблемах перевода; об интерлингвокультурном тексте и интерлингвокультурном произведении как особом формате знания; об актуализации субстрата в пределах корреляций «родной язык и инолингвокультура» и «второй язык и родная лингвокультура». Авторские умозаключения, в большинстве случаев достаточно оригинальные и свежие, подкреплены требуемым количеством убедительных примеров и иллюстраций из словарей и текстов, созданных на английском языке как англоязычными авторами, так и русскими писателями-эмигрантами.

Помимо прочих достоинств этого раздела отметим его высокую информативность, особенно заметную, например, в параграфе «Биография английского языка», в частности, в его фрагменте о «внешней» и «внутренней» истории современного английского; в описании и оценке концепции «трех кругов» Брайса Качру (Braj Kachru) и его последователей; в комментировании учения Дженнифер Дженкинс (Jennifer Jenkins) об английском как *lingua franca*.

В третьей, заключительной главе работы акцент перемещается на проблематику лексикографирования интерлингвокультурной картины мира. При этом автор последовательно уделяет внимание общим характеристикам отечественной и зарубежной лексикографии, кодификации ксенонимов, ксенонимам-универсалиям, прецедентным ксенонимам, специальным и специализированным ксенонимам, интерлингвокультурному двуязычному словарю как лексикографическому продукту, составленному с опорой на принцип кодификационной системности.

(Здесь автор рецензии с удовольствием отмечает несомненную справедливость и пользу высказываемых Н.Г. Юзefович идей о крайней необходимости реформирования отечественной двуязычной лексикографии, поскольку сам долгое время вынужден был пользоваться справочными изданиями типа Русско-английского словаря общественно-политической лексики 1987 г., демонстрирующими целый набор самых разнообразных межъязыковых несоответствий, ошибок, несоответствий.)

В заключении к монографии Н.Г. Юзefович формулирует важнейшие выводы исследования, особо подчеркивая ценность предельно трезвого взгляда на сложившееся положение вещей. «Наша лингвокультура, – пишет она, – в интерлингвокультурной парадигме представлена через призму “чужого” для нее языка. Российская лингвокультура с позиции английского языка – это инолингвокультура, соответственно, выбор языковых средств определяется точками соприкосновения контактирующих лингвокультур, отношением к нашей стране, стереотипами, идеологическими установками общества, писателя, издательства и языковой нормой. Наиболее значимую роль играет автор: его идеологическая позиция, уровень билингвальной компетенции <...>, фоновые знания <...>, что отражается и в формировании прецедентной информации о России» (с. 226).

К сожалению, мы не обнаружили в этой интересной, своевременной и полезной книге значимого прогностического компонента, который, с учетом масштабности проделанного исследования и успешности в решении поставленных в нем задач, был бы более чем уместен. Впрочем, высказанная мысль не должна восприниматься как упрек автору, но как указание на одну из возможных перспектив дальнейшей работы над избранной темой, – работы, которая, конечно, будет продолжена на еще более высоком теоретическом уровне с опорой на уже имеющиеся у автора достижения и открытия, а также на новый и новейший эмпирический материал.

С.Г. Николаев

«ВЗОРВАННАЯ ИДИЛЛИЯ» ШВЕЙЦАРСКОГО МИФА

(*Матт П., фон. Литературная память Швейцарии: Прошлое и настоящее / пер. с нем. Т.А. Баскаковой. М.: Центр книги Рудомино, 2013. 464 с. (Серия «Литературная Гельвеция»)*)

Серию «Литературная Гельвеция», совместный проект «Центра книги Рудомино» и швейцарского совета по культуре «Pro Helvetia», открыла в 2013 г. книга Петера фон Матта – одного из самых неравнодушных и проникательных исследователей немецкоязычной швейцарской литературы. Следом за ней вышли переведенные впервые на русский рассказы немецкоязычной писательницы Адельхайд Дюванель (ей, кстати, посвящена одна из глав книги П. фон Матта) и роман франкоязычного автора Франка Фердинанда Рамю «Великий страх в горах». Для России, весьма медленно осваивающей швейцарскую литературу, это, безусловно, события. Впрочем, они встраиваются в уже закономерный для 2000-х гг. ряд: переоткрытие Р. Вальзера, переводы швейцарской драматургии, выход фундаментального 3-томного труда ИМЛИ по истории швейцарской литературы, которая, надо заметить, представлена всей мультязычной традицией Швейцарии, синхронно.

Начинавший свою академическую карьеру с изучения Грильпарцера и Гофмана, П. фон Матт постепенно расширял географическую, стилевую, хронологическую карту своих изысканий, в итоге одна за другой выходили его книги: о связях литературы и психоанализа Фрейда, о творчестве Гете, Кафки, Канетти, Бахман, Елинек, Х. Мюллера. Он вовлекает в свой кругозор литературы Австрии, ФРГ и ГДР, Швейцарии, раскрывая дальние и соседские связи культур, если и мыслящих на своих «диалектах» и диалектах, то уже веками объединенных общей судьбой немецкого литературного языка, Hochdeutsch, с которым так или иначе каждый новый писатель вступает в интимный, подчас бунтарский, диалог.

С 2000-х гг. П. фон Матт сосредоточивается на литературе Швейцарии, старинной и новейшей, настраивая свой критический камертон на столь разные стилевые и экзистенциальные тональности, будь то прекраснородушное менторство Готфрида Келлера или поэтический «саботаж» Роберта Вальзера. Для разноразличной Швейцарии, избравшей как знак своей символической идентичности нейтральный латинизм Helvetia (от имени племени гелветов, населявших некогда северо-запад страны), способность слышать каждый голос жизненно необходима: она обеспечивает механизмы понимания и наследования культуры, той самой «памяти», без которой «мы духовно мертвы» (с. 5).

Книга «Литературная память Швейцарии» демонстрирует редкое для современной критики качество: автор ее не самоутверждается в оригинальной методологии, не боится «тривиальностей» (с. 156), погружаясь в материал всей полнотой эмоций. Однако взгляд его отнюдь не наивен: он самоироничен и постоянно балансирует между интуитивным прикосновением к тексту и метапозицией.

«Любым обществом в большей мере управляют коллективные фантазии, чем исторические факты» (с. 70), – заключает П. фон Матт, прослеживая историю швейцарского мифа, с таящейся в его идиллической сердцевине жадной разлома, бегства, «саботажа». Созданная по модели античных буколик еще в 18 веке (Альбрехт фон Галлер живописал ее в поэме «Альпы»), пастораль эта будет «взорвана». Теленок, настигаемый почтовой каретой, несущейся во весь

опор, вероятно, не спасется, а лошадей уже очень скоро сменит паровоз, который пройдет сквозь тоннель в некогда дремавших горах: экфрасис картины Роберта Коллера «Готардская почта» (1873) открывает книгу.

То, что бег времени является одной из болевых тем в швейцарской художественной традиции, П. фон Матт демонстрирует на исторически разном материале. Если в основе национального мифа – идея истока как гармонического содружества человека, Бога и природы, то движение вперед, прогресс неминуемо мыслится как отдаление, утрата «рая». Так, рубка старинного дуба-великана символизирует в «Людах из Зельдвиллы» Г. Келлера «трещину, проходящую через прекрасную Швейцарию» (с. 45). «Прекрасная Швейцария» – сельская, горная, та, в которой исцеляется девочка Хайди из романа Иоганны Шпири. Правда, в отличие от политиков и туристических менеджеров, поэты видят и внутри спянного мифом коллектива не-идиллическое: например, готовность к «коллективному преступлению» (с. 137) во имя сохранения комфорта и порядка («Черный паук» Иереми Готхельфа, «Визит старой дамы» Ф. Дюренматта), готовность к смерти при жизни в убаюкивающем ритуале, например в ритуале всеобщей призрачной рыбалки («Последний гость» Т. Хюрлимана). Образы забвения вины из холодноватой прозы «консерватора» Дюренматта оживают под пером П. фон Матта, а Фриш – современник, литературный соперник и оппонент знаменитого швейцарца перечитывается исследователем в явно экзистенциальном ключе: золотая «тюрьма» Швейцарии как нельзя лучше олицетворяла для писателя страх косности, остановки жизни – внутренней жизни в первую очередь.

Готовность выпрыгнуть из приговоренности к какой угодно идиллии П. фон Матт обнаруживает в поэтических мирах Р. Вальзера, возведшего «прогулку» в метафору поэтического поведения *par excellence*, и К. Мерца, отправляющего своих героев на Камчатку и в Венецию, которые, как кафкианская Америка, познаются в путешествии вспять и внутрь. Автору удастся, шаг за шагом, провести и читателя по «внутренней Швейцарии» – той, которая одновременно открыта в сверкающих ландшафтах туристических проспектов и сокрыта в памяти, запечатленной в слове. Стилистика П. фон Матта почти беллетристична, однако мысль его – или, как переводит немецкие Denken и Sprechen Т.А. Баскакова, – «думание» и «говорение» – отмечены острым умом и не оставляющим никаких иллюзий реализмом.

В.В. Котелевская

ХРОНИКА

ХІІ СЪЕЗД РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ

ХІІ съезд Российского союза германистов (РСГ) состоялся 27 – 29 ноября в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (г. Калининград). Докладчиков из России, Германии, Австрии, Италии, Польши объединила тема «Литература и война: ситуация 1914 – 1918 годов». Партнерами мероприятия выступили сразу несколько академических и государственных институций: Немецкая служба академических обменов (DAAD), Институт русско-немецких литературных и культурных взаимосвязей РГГУ (г. Москва), Австрийский культурный форум в Москве, Генеральное консульство ФРГ в Калининграде. Съезд проходил под эгидой «Года немецкого языка и литературы 2014 / 2015 в России» и «Года русского языка и литературы 2014 / 2015 в Германии».

Событие оказалось знаковым и с точки зрения организации. Это первый съезд литературоведческой секции РСГ. С начала существования союза (2003 г.) вплоть до 2012 г. съезды проводились для лингвистов и литературоведов совместно, затем большинством голосов была поддержана предложенная Президиумом новая схема: один год – «лингвистический», второй – «литературоведческий», третий – филологический, объединяющий обе дисциплинарные ветви. (Первый «лингвистический» съезд состоялся в прошлом году в Казанском федеральном университете.) Характерной чертой ХІІ съезда можно назвать и беспрецедентное для истории РСГ количество докладов на немецком языке: не только европейские, но и российские коллеги в большинстве своем читали доклады и вели дискуссию на немецком. Приятным «бонусом» съезда стало интегрированное в структуру мероприятия 25-часовое повышение квалификации для литературоведов – преподавателей российских вузов, организованное DAAD и Институтом русско-немецких литературных и культурных взаимосвязей РГГУ. География вузов была представлена настолько широко, насколько вообще широки просторы РФ: от Калининграда до Магадана, от Москвы и Иваново до Ростова-на-Дону.

Хроника съезда выглядит «плотной» и с точки зрения фактического наполнения (работа начиналась в 9.00 и завершилась глубоким вечером), и в событийно-содержательном ракурсе.

Первый день был отдан пленарному заседанию и семинарам. Так, Моника Шмитц-Эманс (г. Бохум, Германия) прочитала доклад «Historisches Wissen und Bildererzählungen: Der Erste Weltkrieg in Comics und Graphischen Romanen» (Историческое знание и рассказы в картинках: Первая мировая война в комиксах и графических романах). Представленный исследовательницей материал (доклад и визуальная презентация) позволил буквально «увидеть» образы Первой мировой в малоизвестном аспекте: как разные стороны конфликта репрезентировали пропагандистскую парадигму «своего» и «чужого», как фигуры «врага» переводились на язык масскульта и авангардного гротеска. В докладе Йорга-Ульриха Фехнера (г. Бохум, Германия) «“Das Menschenschlachthaus”: Deutsche Literatur vor, während und nach dem 1. Weltkrieg» («Человеческая бойня»: Немецкая литература до, во время и после Первой мировой войны) метафора «бойни» была рассмотрена с культурологической и историко-литературной точки зрения. Бурная и длительная дискуссия на пленарном заседании позволила понять, что в теме Первой мировой при изменении привычной методологической и геополитической оптики обнаруживаются белые пятна, но при этом – и новые связи между культурами и образными языками.

Несколько синхронно проходивших в первый день семинаров для членов РСГ были объединены темой «Актуальность литературоведения. Научный и методологический трансфер в германистике». Мартин Хубер (г. Байройт, Германия) рассматривал социологическую модель «литературного поля» П. Бурдьё; Сильвио Виетта, признанный гуру в исследованиях европейского и немецкого модернизма, предлагал взглянуть на катастрофу Первой мировой войны сквозь призму критики цивилизации в литературе экспрессионизма, от проблем энергопроизводства в пьесе «Газ» Г. Кайзера до апокалиптических мотивов в лирике; Моника Шмитц-Эманс исследовала методологические проблемы изучения комиксов и графических повествований: нарратологические, трансмедиальные, жанрово-интертекстуальные. Эти и другие семинары позволили существенно откорректировать и освежить представления о современном состоянии методологии в литературоведении, а также о перспективах, равно как и границах, междисциплинарности.

28 и 29 ноября шла активная работа трех секций, которую предваряли пленарные доклады коллег из Германии и Австрии.

На секции «Великое испытание: эстетика войны и поэтика травмы» ряд докладов был посвящен рецепции войны в лирике первой трети XX в. (доклады Н.В. Пестовой, одного из ведущих специалистов по немецкому экспрессионизму (г. Екатеринбург), Н.И. Ковалева (г. Москва), А.Е. Крашенинникова (г. Магадан)), а также проблемам вытеснения войны в швейцарской литературе (Н.А. Бакши, г. Москва), сатирическим образам Первой мировой (М. Вангель, г. Ловено ди Менаджио, Италия), «(пост)травматическому мышлению» в немецкой литературе (М.С. Потемина, г. Калининград) и т.д.

Докладчики секции «Закат Европы: Первая мировая война в философии культуры» в большей степени сосредоточили внимание на связи литературы и культурно-философской мысли эпохи. Так, Павел Заяс (г. Познань, Польша) анализировал механизмы немецкой пропаганды в польском культурном пространстве; Алексей Жеребин, президент РСГ (г. Санкт-Петербург), выступил с докладом о «проблеме оправдания войны в эссеистике Д.С. Мережковского и Т. Манна»; компаративистские штудии продолжил Дирк Кемпер, директор Института русско-немецких литературных и культурных взаимосвязей РГГУ, рассмотревший рецепцию Достоевского в свете «немецкого славянофильства» в «Размышлениях аполитичного» Т. Манна; проблеме преодоления «войны как опыта катастрофического» в дневниках Л. Витгенштейна был посвящен доклад Веры Котелевской (г. Ростов-на-Дону).

На секции «От Канта к Крупцу: германская война и русская идея» в особенной степени был актуализирован компаративистский метод и неизбежный «публицистический» акцент литератур – современниц войн. В докладе Александра Белобратова, известного переводчика и специалиста по австрийской литературе (г. Санкт-Петербург) анализировалась ситуация «молчанья муз и гомона публицистики» в творчестве А. Шницлера и А. Куприна осенью 1914 г.; Юрий Цветков (г. Иваново) сосредоточил внимание на «австрийской идее» Г. фон Гофмансталя периода Первой мировой войны; «русскую идею» у раннего Л. Витгенштейна рассматривала Татьяна Федяева (г. Санкт-Петербург); и т.д.

Завершился съезд экскурсией по Калининграду – городу, воплощающему драматический поворот политической «русско-немецкой» истории. Общение русских и европейских коллег вокруг темы первой войны, развязавшей цепь мировых катастрофических событий, еще раз продемонстрировало, что литература остается тем островом, где истины эпохи проговариваются громче, от-

кровеннее и вместе с тем звучат философичнее, чем трескучие речи политиков. Участники мероприятия учились друг у друга методологическим приемам, с помощью которых могут быть прочитаны тексты эпох войн, столь разные по своим национальным и мировоззренческим языкам.

Материалы съезда войдут в традиционно публикуемый РСГ ежегодник «Русская германистика», а его программу можно скачать на сайте РСГ: <http://www.germanistenverband.ru/ru/xii-syezd-rsg>.

В.В. Котелевская

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР»

Конференция, проходившая 17 – 22 октября 2014 г. в г. Кракове (Польша), была организована Высшей школой перевода МГУ совместно с Краковским педагогическим университетом имени Комиссии Народного Образования при поддержке Центра культуры и русского языка (Фонд «Русский мир»). Научная конференция была посвящена 200-летию со дня рождения великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, чье творчество знают и любят не только в России. С докладами выступили ученые и переводчики из более чем 10 стран мира: России, Польши, Испании, Греции, Украины, Белоруссии, Болгарии, Азербайджана, Казахстана, Японии, Израйля, Латвии. Большинство докладов было представлено на русском языке.

На пленарном заседании выступил декан Высшей школы перевода Н.К. Гарбовский с докладом «“Выхожу один я”...” свобода и ответственность переводчика», в котором в оригинальной образной форме была сделана попытка ответить на вопросы, стоящие перед переводчиком классической литературы: «Как перенести в другой мир всю прелесть оригинального произведения? Стоит ли соперничать с его автором, исправлять или даже улучшать его? А что делать с текстами, которые уже воссоздали оригинал в предшествующих переводах? На все эти и многие другие вопросы может ответить только сам переводчик. Он один ищет окончательные решения». Тему перевода классических текстов в творчестве М.Ю. Лермонтова продолжила в своем докладе «Михаил Лермонтов – переводчик классической немецкой литературы» Н.Н. Миронова, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. На основе теории поэтической эквивалентности Р. Якобсона и теории тематической и формальной эквивалентности В. Шмида в докладе были представлены результаты исследования переводов в их соответствии/несоответствии оригиналу, а также рассмотрены вопросы рецепции поэзии М.Ю. Лермонтова в Германии в их ретроспективе. Пленарное заседание было завершено докладом профессора МГУ Э.Н. Мишкурова «Художественный перевод в зеркале герменевтики», в котором была обоснована необходимость возврата к широкому применению современных герменевтических методов, способов и приемов перевода художественных текстов – прозаических и особенно поэтических произведений как важной составной части текстового материала, характеризующегося онтологической «непереводимостью» по определению по причине асимметрии языков различного строя на образно-смысловом, символично-аллегорическом, лингвопоэтическом, метасемиотическом, этнопсихолингвистическом, лингвокультурологическом, функционально-когнитивном и других уровнях.

Вызвали неподдельный интерес и доклады на секционном заседании. На секции «Перевод и переводоведение. М.Ю. Лермонтов в переводах: история и современность» научная дискуссия была связана с докладом Иноуэ Юкиёси (Университет Дзёти, г. Токио, Япония) «Анаграмма, скрытая в произведениях М.Ю. Лермонтова «Демон», «Дары Терека» и «Тамара» и ее перевод на японский язык». Ученый представил разработанную им методику перевода стихотворений М.Ю. Лермонтова на японский язык с учетом скрытой анаграммы. Однако понимание самого термина «анаграмма», представленное в докладе, вызвало множество вопросов, поскольку оно отличалось от известного и широко используемого в отечественном литературоведении. В докладе О.И. Костиковой (МГУ) речь шла о переводе в культурно-антропологической парадигме, в частности, о переводах священных книг с греческого на русский язык. В докладе С.В. Коростовой (ЮФУ, Россия) были затронуты проблемы, связанные с лингвокультурной составляющей категории эмотивности, репрезентированной в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», а также с интерпретацией художественного текста в процессе межкультурной коммуникации. В докладе Г.В. Алексеевой (Дом-музей Ясная Поляна, Россия) «Э. Моод над переводом трактата Л.Н. Толстого “Что такое искусство?”: диалог переводчика и писателя» была проанализирована переписка писателя и переводчика, обогатившая текст перевода и повлиявшая впоследствии на авторские изменения в трактате. В.И. Сенкевич (Белоруссия) в докладе «Культурная релевантность языка и перевод» говорил о существенности диагностики культурной релевантности языкового материала при переводе, о недопустимости симуляции культурно нагруженных элементов языка оригинала их переводческими альтернативами. В этой связи в докладе были проанализированы и разграничены понятия *перевод* и *трансляция*.

На секции «Наука о переводе в глобальном мире» Т.Ю. Ланда (г. Тель-Авив, Израиль) проанализировала пьесы В. Набокова «Изобретение вальса» и И. Бродского «Демократия!» в ракурсе их творческой дуалистичности. В докладе Е.М. Мешковой (МГУ) «О методологии герменевтики: лингвопоэтике текста как одним из методов филологической герменевтики, способствующем пониманию идейно-художественного содержания текста, эстетические свойства которого в значительной степени обусловлены реализацией метасемиотического потенциала стилистически маркированных языковых единиц, о том, что сопоставление оригинала и перевода на уровне типа повествования позволяет установить наличие эквивалентности при переводе. Особый интерес вызвал доклад ученого, переводчика и поэта Вальдемара Гаевски (Вшехница Польска Высшая Школа, г. Варшава, Польша) «Мой новый перевод романа в стихах “Евгений Онегин” А.С. Пушкина. Заметки переводчика». Автор представил историю переводов романа в стихах А.С.Пушкина, начиная с XIX столетия и вплоть до начала XXI в., уделяя особое внимание полным переводам этого произведения, а также преимуществам и недостаткам принятых методов перевода, но прежде всего обращая внимание на построение так называемой Онегинской строфы. В. Гаевски удалось обосновать собственную концепцию перевода пушкинского шедевра, выдвигая как фактор первостепенной важности принцип умеренности в выборе метрической системы «Онегинской строфы» в польском языке, а также принцип гармонии «золотое сечение» как математический критерий красоты.

Наибольшее число докладчиков собрала секция «Русский язык в системе подготовки специалистов межкультурной коммуникации», на которой поднимались вопросы методики преподавания русского языка как иностранного, инокультурного влияния на русский язык, этнокультурной специфики образовательных систем. В докладе Т.Л. Ляхнович (Белоруссия) был дан подробный анализ степенной морфологической классификации глаголов и обоснованы преимущества ее использования в преподавании русского языка. Димитрина Лесневская (г. София, Болгария) представила доклад, посвященный методике обучения профессионально-деловому общению в теории и практике преподавания русского языка как иностранного. Ж.Х. Салханова (Казахский национальный университет им. аль-Фараби г. Алматы, Казахстан) в своем докладе рассмотрела риторический аспект изучения и преподавания русского языка, причем риторическая компетенция признается необходимым компонентом образованности личности и профессионального мастерства специалистов гуманитарного профиля.

Конференция была завершена торжественным собранием, посвященным пятилетию Центра культуры и русского языка (Фонд «Русский мир») Краковского педагогического университета имени Комиссии Народного Образования, на котором состоялось подведение итогов работы секций и вручение сертификатов. В заключение собрания участники были приглашены на праздничное представление к 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова, подготовленное студентами и преподавателями Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова совместно с польскими студентами Института русской филологии Краковского педагогического университета.

С.В. Коростова

**ФОРУМ ПО СЛАВИСТИКЕ ДЛЯ РЕКТОРОВ РОССИЙСКИХ
И ГЕРМАНСКИХ ВУЗОВ
(29.09 – 01.10.2014 г., Берлин, Германия)**

В рамках программы Года русского языка и литературы в Германии 29.09 – 01.10.2014 г. в Берлине состоялся Форум по славистике для ректоров российских и германских вузов, организованный Минобрнауки при поддержке Россотрудничества и Посольства России в Германии. Форум собрал свыше 50 руководителей российских и германских вузов, институтов и кафедр русского языка и славистики, исследователей и научных сотрудников. С немецкой стороны в Форуме приняли участие представители университетов Берлина, Магдебурга, Грейфсвальда, Фрайбурга, Дрездена, Геттингена, Карлсруэ, Лейпцига, Бохума, Дуйсбурга-Эссена. В состав российской делегации вошли Президент СПбГУ, Президент МАПРЯЛ Людмила Вербицкая, Президент Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина Виталий Костомаров, ректоры МГОУ, Курского и Воронежского госуниверситетов, Института Дружбы народов Кавказа, представители ЮФУ, РГПУ им. А. Герцена, РГГУ, Новосибирского госуниверситета, РосНОУ, Литературного института им. А.М. Горького. Рабочими языками конференции стали немецкий и русский. В центре внимания её участников оказались направления взаимодействия между университетского образовательного сотрудничества, а также проблемы, связанные с особенностями преподавания русского языка и русской литературы в современной Германии. Рассматривались также вопросы подготовки высококвалифицированных зарубежных специалистов со знанием

русского языка, в частности образовательные программы бакалавриата, магистратуры и повышения квалификации для будущих преподавателей-русистов за рубежом.

29 сентября работу Форума предварила встреча российской делегации с членами Общества по изучению русского языка (Берлин, район Лихтенберг), знакомство с направлениями его деятельности и обсуждение перспектив сотрудничества. Основное заседание Форума состоялось 30 сентября. В его открытии приняли участие Президент СПбГУ, Президент МАПРЯЛ Людмила Вербицкая, член Президиума МАПРЯЛ, профессор Магдебургского университета им. Отто фон Герике Ренате Беленчиков, советник Посольства России в Германии Александр Авраменко и руководитель представительства Россотрудничества Олег Ксенофонтов. На церемонии открытия состоялось вручение медали А.С. Пушкина Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы профессору дидактики русского языка Берлинского университета им. Александра фон Гумбольдта Анке Бергман.

На пленарном заседании Форума обсуждались направления сотрудничества русских и германских вузов в области славистики (доклады ректора Курского госуниверситета В.В. Гвоздева, декана филологического факультета Воронежского госуниверситета О.А. Бердниковой, профессора Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига Элизабет Шоре, представителя Свободного университета Берлина в Москве Тобиаса А. Стюдеманна). Особое внимание докладчиков было уделено роли русского языка в мире, и в современной Германии в частности (доклады Л.А. Вербицкой «Русский язык в России и в мире» и методиста Немецко-русского института культуры Виталия Колесника «Русский язык в Саксонии 2014: шанс или вызов?»), особенностям его преподавания как иностранного (сообщение директора Центра обучения русскому языку РГГУ В.Я. Труфановой «Краткосрочное обучение русскому языку в современном международном образовательном пространстве»), а также взаимовлиянию русской и немецкой культурных концептосфер (доклады зав. кафедрой зарубежной литературы филологического факультета РГПУ им. А. Герцена А.И. Жеребина «Немецкая славистика – наша сестра», профессора, руководителя семинара славянской филологии в Геттингенском университете Матиаса Фрайзе «Современное восприятие национальных поэтов в Германии и России. Гете и Пушкин», профессора Института славистики Грайфсвальдского университета Харри Вальтера «Культурологический фон в пословицах-“перевёртышах”»).

От Южного федерального университета на пленарном заседании выступила Л.В. Табаченко, зав. кафедрой общего и сравнительного языкознания Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, с докладом, посвященным перспективам сотрудничества с вузами Германии в рамках направления «Западная и Восточная Европа: межкультурная коммуникация». Особый интерес слушателей в докладе вызвала презентация магистерской программы «двойных дипломов» «Славянская филология» (для русских и немецких студентов), разработанной доцентами ИФЖиММК ЮФУ Н.А. Архипенко и О.С. Мирошниченко, а также других форматов образовательных программ, в частности возможных научно-образовательных семинаров (сессий), небольших конференций, интерактивных дискуссий, мастер-классов не только для студентов, но и для аспирантов и преподавателей по ряду направлений и курсов: «Славянская этнолингвистика»; «Традиции русской убеждающей речи (от Древней Руси до современности)»; «Церковнославянский язык

в русской национальной культуре»; «Концепты русской культуры в творчестве А.П. Чехова»; «Немецкая лирика в русских переводах»; «Гёте и русские писатели»; «Русско-немецкие типологические связи в романе модернизма и постмодернизма»; «Немецкий роман о художнике 18-21 вв. в контексте истории жанра»; и др. (краткие аннотации авторских курсов опубликованы в вышедшем сборнике материалов Форума).

Дальнейшая работа Форума продолжилась в рамках программ Круглых столов по следующим направлениям: «Дистанционные технологии изучения русского языка, литературы и культуры России: использование российских игровых и образовательных электронных ресурсов» и «Межуниверситетское образовательное сотрудничество». Заинтересованный и оживленный отклик вызвала презентация к.ф.н. О.В. Штыркиной инициированного Федеральным союзом немецких обществ «Запад – Восток» (BDWO) образовательного проекта «РуссоМобиль» – языкового и культурного офиса «на колесах», на «борту» которого молодые российские преподаватели знакомят немецких школьников с Россией, делают для них русский язык и русскую культуру более понятными, используя большое количество интересных учебных материалов (игры, песни, книги, журналы, цифровые видео-диски). Целевая группа проекта – это в первую очередь ученики всех форм школьного обучения, которые стоят перед выбором второго, третьего или четвертого иностранного языка, в условиях стремительного падения интереса к изучению русского языка в немецких школах.

Заключительная дискуссия была посвящена перспективам и проблемам межуниверситетского образовательного сотрудничества. Участники Форума, с одной стороны, отметили, что русский язык в Германии остаётся востребованным глобальным (мировым) языком, но, с другой, подчеркнули непростые условия его преподавания в Германии, ослабление мотивации изучения, что затрудняет реализацию существующих и потенциальных программ сотрудничества, в частности в условиях сокращения и закрытия отделений славистики в немецких университетах.

В ходе работы Форума была открыта выставка литературы для немецких славистов в рамках проекта «Русская книга в дар». Немецкие слависты получили свыше 150 изданий, переданных для этих целей ВГБИЛ им. М.И. Рудомино.

В рамках культурной программы состоялась обзорная экскурсия по Берлину, а в заключительный день конференции ее участники отправились в Потсдам, на экскурсию по дворцово-парковому ансамблю Сан-Суси и во дворец Цецилиенхоф – место проведения Потсдамской конференции. Форум был замечательно организован, следует поблагодарить организаторов за созданную рабочую и дружескую атмосферу и отметить плодотворность и важность подобных встреч в укреплении связей, в том числе научных и образовательных, между Россией и Германией в сегодняшней неоднозначной политической обстановке.

Л.В. Табаченко

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ
ПРОСТРАНСТВО ЛИТЕРАТУРНОЙ И МАССОВОЙ КОММУНИ-
КАЦИИ»
(Октябрь, 2014, Майкоп)**

Третий раз кафедра литературы и журналистики Адыгейского государственного университета организует международную конференцию «Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации». В этом году конференция прошла 10 – 12 октября, и ее участники смогли продлить лето – Майкоп встретил всех поистине летней погодой, ласковым солнцем и цветущими розами во внутреннем дворике университета.

Если многие российские гуманитарные конференции в современных условиях испытывают проблемы с методологией и предметной областью, с трудом пытаются сохранить свою индивидуальность, то коллегам из Адыгейского университета удалось найти интересный формат и междисциплинарную область, которые стали привлекательными и интересными для исследователей России, стран СНГ и дальнего зарубежья.

Организаторы конференции попытались гармонично соединить четыре различных плана, которые, как правило, разделяют и зачастую противопоставляют друг другу. Это образы художественной литературы и образы массовой коммуникации, а также национальная и мировая литература. И такую попытку можно назвать правомерной и успешной. Поиск общего в развитии этих пространств, попытка выявить универсальный механизм в развитии, казалось бы, различных гуманитарных феноменов и стали идейной платформой майкопской конференции.

Гостеприимный Майкоп собрал более 80 ученых – филологов, журналистов, философов и представителей других специальностей со всей России, а также Абхазии, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Дагестана, Казахстана, Германии, Англии, Китая и Польши.

Конференция была приурочена к юбилею профессора Казбека Гиссовича Шаззо, классика адыгского литературоведения, внесшего огромный вклад в развитие национального самосознания народа, открытия адыгской литературы миру и введению ее в сокровищницу мировой литературы, прозаика и драматурга, переводчика, выдающегося ученого и педагога. Достаточно лишь отметить, что К. Шаззо перевел на адыгейский язык несколько пьес Шекспира, после чего они стали уникальной и бессменной частью репертуара национального театра. Одна из секций конференции была полностью посвящена литературно-критическому творчеству профессора К. Шаззо, в частности, проблемам художественного конфликта, а чествование юбиляра было организовано в Государственной филармонии, где выступили его ученики, научная и творческая интеллигенция Адыгеи, многочисленные гости. Профессора К. Шаззо лично поздравил глава республики А.К. Тхакушинов, а также представители многих субъектов Российской Федерации.

На пленарном заседании конференции выступили декан филологического факультета Адыгейского государственного университета профессор У.М. Панеш, Вице-президент Адыгской (черкесской) международной академии наук профессор Л.А. Бекизова, главный научный сотрудник сектора кабардинской литературы РАН профессор Х.И. Баков, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований профессор Р.Г. Мамий, ведущий научный сотрудник Кабардино-Балкарского научного цен-

тра РАН профессор Ю.М. Тхагазитов, профессор Чеченского государственного педагогического института Т.Б. Джамбекова, профессор Кубанского государственного университета Ю.В. Лучинский и профессор Карачаево-Черкесского республиканского института повышения квалификации Т.А. Чанкаева.

Пленарные доклады касались вопросов интеграции национальной культуры (У.М. Панеш), исследования национально-эстетического своеобразия национальных литератур (Л.А. Бекизова), применения кросс-культурного подхода к анализу национальных письменных источников (Х.И. Баков, Р.Г. Мамий), поэтических аспектов отражения различных образов в национальной литературе Кавказа (Ю.М. Тхагазитов, Т.Б. Джамбекова, Т.А. Чанкаева), механизмов взаимодействия художественных образов литературы и медийных образов журналистики (Ю.В. Лучинский).

Работа конференции включала четыре секционных заседания: 1. Художественный текст: кросс-культурный аспект; 2. Национальные литературные пространства и фольклорно-мифологические феномены; 3. Массовая коммуникация и кросс-культурные связи и 4. Лингвокультурологическое и медийное пространство текста.

Еще одной особенностью конференции стал высокий уровень дискуссионности секционных заседаний. Практически все секции работали в режиме активного поиска: многочисленные вопросы докладчикам, возможность вступить в научную полемику, в том числе и для студентов, – стали приятным фоном секционной работы.

Южный федеральный университет представляли профессор Л.В. Табаченко, доцент М.В. Новак и доцент А.В. Овруцкий.

Л.В. Табаченко выступила с докладом «“Злая судьба” в идиолекте А.П. Чехова» в секции «Художественный текст: кросс-культурный аспект». Доклад был посвящен анализу гештальтов недоброжелательной судьбы. М.В. Новак и А.В. Овруцкий участвовали в работе секции «Массовая коммуникация и кросс-культурные связи» и выступили с докладами на тему «Конфессиональные противоречия и генезис системы многонациональной православной прессы Америки» и «Рекламные и PR-коммуникации в политическом процессе (на примере референдума о независимости в Шотландии)». В своем докладе М.В. Новак проследила основные этапы развития православной прессы Америки, А.В. Овруцкий сообщил о результатах дискурсивного анализа коммуникационной кампании за независимость Шотландии.

В итоге конференции принимающая сторона организовала экскурсию в живописные горы Адыгеи, где гости конференции могли воочию убедиться в богатстве природных источников вдохновения адыгских поэтов и писателей.

Полагаем, что кафедра литературы и журналистики Адыгейского государственного университета смогла найти эффективный формат и предметное научное поле для этой конференции, она имеет свой оригинальный образ, результаты ее работы очевидны и плодотворны, а обратная связь от участников позитивна. Все это является залогом устойчивого и поступательного развития майкопской международной конференции «Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации».

А.В. Овруцкий

ПОЛОЖЕНИЕ
о правилах рецензирования статей в журнале
«Известия Южного федерального университета.
Филологические науки»

Научные статьи, поступившие в редакцию журнала «Известия Южного федерального университета. Филологические науки», проходят через институт одностороннего «слепого» рецензирования (single-blind – рецензент знает об авторе, автор – нет).

Заведующий редакцией журнала передаёт статьи редакторам разделов (в распечатанном или электронном виде). Редакторы разделов определяют рецензентов согласно научной тематике статей.

Рецензент должен рассмотреть полученную статью в течение 40 рабочих дней и представить в редакцию рецензию (по e-mail, с досылком по почте или непосредственным представлением в редакцию).

Рецензент может рекомендовать статью к опубликованию; рекомендовать к опубликованию после доработки с учетом замечаний; не рекомендовать статью к опубликованию.

В рецензии должен быть оценён научный уровень материала. Необходимо обратить внимание на соответствие названия, цели и задач содержанию статьи, наличие элементов новизны, достаточность научной аргументации, наличие обобщений и выводов, научную и практическую значимость работы.

Если рецензент рекомендует статью к опубликованию после доработки с учетом замечаний или не рекомендует статью к опубликованию, в рецензии должны быть указаны причины такого решения.

Заведующий редакцией журнала знакомит автора статьи с рецензией в обязательном порядке в том случае, если в рецензии есть замечания, которые необходимо учесть для улучшения содержания статьи, а также в случае отклонения статьи.

Если статья по рекомендации рецензента подверглась авторской переработке, она направляется на повторное рецензирование тому же рецензенту, который сделал критические замечания. Срок повторного рецензирования – до 30 дней.

Редколлегия вправе направлять статьи на дополнительное анонимное рецензирование. При наличии отрицательных рецензий на рукопись от двух разных рецензентов или одной рецензии на ее доработанный вариант статья отвергается без рассмотрения другими членами редколлегии.

Заведующий редакцией доводит до сведения автора принятое решение. Максимальный срок рецензирования между датами поступления рукописи в редакцию и вынесения редколлегией окончательного решения составляет 70 дней.

В дальнейшую переписку с авторами отклонённых статей заведующий редакцией журнала не вступает.

Наличие положительных рецензий не является достаточным основанием для публикации статьи.

Окончательное решение о целесообразности публикации принимает редакционная коллегия на специальном заседании, посвящённом выпуску очередного номера журнала.

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ

Журнал является научно-прикладным, рецензируемым; выходит на русском языке (4 раза в год); имеет подписной индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы».

С 2010 г. журнал включен в перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

В журнале получают отражение фундаментальные и прикладные исследования по филологии (языкознанию и литературоведению), методике преподавания русского (в том числе как иностранного) и иностранных языков, литературы и журналистики.

В журнале публикуются научные статьи, материалы конференций, симпозиумов, круглых столов, информация о научных мероприятиях, рецензии, отчёты об исследованиях, переводы трудов зарубежных авторов и другие научные работы.

Издание информирует читателей о состоянии и перспективах развития филологических наук в России и за рубежом. Журнал адресован ученым, преподавателям вузов, колледжей и средних учебных заведений, аспирантам и докторантам. Издание направляется в ведущие научные и образовательные учреждения РФ и зарубежных стран, крупнейшие национальные библиотеки, научные фонды и иные структуры и учреждения, работающие в сфере науки и образования.

Высокий научный уровень журнала обеспечивается не только учёными Южного федерального округа, но и ведущими учёными вузов и научных организаций других регионов РФ, а также ряда стран ближнего и дальнего зарубежья.

Сайт журнала на международной платформе Open Journal Systems <http://www.philol-journal.sfedu.ru>

Правила публикации для авторов

В предлагаемых для публикации научных статьях должны содержаться обоснование актуальности темы, четкая постановка цели и задач исследования, научная аргументация, обобщения и выводы, представляющие интерес своей научной новизной, теоретической и практической значимостью.

Статья должна быть тщательно вычитана. Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, подвергать их редакционной правке и отправлять авторам на доработку.

Для публикации в журнале необходимо отправить статью на русском или английском языке по электронной почте igornerf@yandex.ru (зав. редакцией журнала).

Предлагаемые к публикации материалы должны быть оформлены согласно указанным ниже требованиям.

Материалы, присланные в редакцию, не возвращаются.

Требования к оформлению статьи

Объем научной статьи – 0,4 – 0,7 п.л. (16000–28000 печ. зн.). В случае превышения указанного объема условия публикации статьи оговариваются в индивидуальном порядке. Объем сообщения, рецензии, хроники научной жизни и т.п. определяются в индивидуальном порядке.

Структура публикации

- УДК; ББК
- инициалы и фамилия автора (-ов) в правом верхнем углу строчными буквами;
- название (посередине строки прописными буквами);
- аннотация статьи на русском языке (не более 500 знаков);
- ключевые слова (не более 10);
- текст статьи;
- список литературы и источников в алфавитном порядке;
- аннотация на русском языке для перевода сотрудниками редакции на английский язык: Ф.И.О. автора (-ов), место работы, город, страна, название статьи, ключевые слова и аннотация (объемом 20-25 строк);
- сведения об авторе (-ах): фамилия, имя, отчество; место работы (вуз, факультет, кафедра и т.п.); учёная степень, ученое звание, должность; дом. адрес, телефон, e-mail.

Технические установки

- редактор MS WORD 6/0 и выше;
- формат бумаги – А4, шрифт Times New Roman, стиль Normal, кегль –14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – 2,5 см;
- примеры в тексте выделяются курсивом;
- ссылки на литературу даются в квадратных скобках с указанием автора (-ов) или (если это коллективный труд) названия работы и страницы через запятую: [Иванов, с. 4]; [Философия культуры..., с. 176].

В необходимых случаях после фамилии указывают год (при цитировании нескольких работ одного автора);

- цитаты тщательно сверяются и заверяются подписью автора (-ов) на последней странице статьи следующим образом: «Цитаты, приведенные в тексте статьи, верны»;

- иллюстрации должны включать объяснения значений всех компонентов, порядковый номер, подрисуночную подпись. Таблицы должны иметь порядковый номер и заголовок, расположенные над ней. В головке таблицы текст пишется с прописной буквы, сокращения слов не допускаются. На иллюстрации и таблицы должны быть ссылки в тексте.

Данные иллюстраций и таблиц не должны дублировать текст;

- статья должна быть подписана автором (-ами) на последней странице.

Примеры оформления списка литературы и ссылок на неё

Список использованной литературы оформляется под заголовком «Литература», или «Литература и источники». Примечания лучше оформлять в виде затекстовых ссылок, используя для них общепринятую индексную нумерацию, и помещать их перед списком литературы. Например:

В тексте:

«...лучшей книги о Сахалине до сих пор не было и нет»².

В примечаниях:

² См.: Комментарии к «Острову Сахалину», составленные М.Л. Семановой. С. 580.

Описание источника приводят в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». Источник описывают в следующем порядке:

- фамилия и инициалы автора курсивом, название работы, место и год издания, количество страниц, например:

Гусев А.Ф. Граф Л.Н.Толстой, его «Исповедь» и мнимо-новая вера. Ч. 1. М., 1890. 460 с.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. 384 с.;

- если это статья, то после двойного слэша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например:

Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // *Апресян Ю.Д.* Избр. тр. Т. 2. М., 1995.

Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 1990. № 2, 3;

- если ссылка дается на сборник или иное аналогичное издание, то его описывают либо под фамилией научного редактора (-ов) с указанием «ред.» (для других языков – ed., и т.п.); либо под заглавием книги, например:

Greenberg J. (ed.). Universals of human language. Vol. I. Method and theory. Stanford (California), 1978.

Или:

Universals of human language. Vol. I. Method and theory. Stanford (California), 1978.

Для электронных ресурсов допускается вместо слов «Режим доступа» (или их эквивалента на другом языке) использовать для обозначения электронного адреса аббревиатуру «URL» (Uniform Resource Locator – унифицированный указатель ресурса). После электронного адреса в круглых скобках приводят сведения о дате обращения к элек-

тронному сетевому ресурсу, после слов «дата обращения» указывают число, месяц и год:

Непомятый В.С. Пушкин и судьба России [Электронный ресурс]. // Глагол. – Электрон. дан. М., 2001. URL: <http://www.glagol-online.ru/n5/115/> (дата обращения: 03.09.2009).

Условия передачи авторских прав

Авторы, которые публикуются в данном журнале, соглашаются со следующими условиями:

1. Авторы сохраняют за собой авторские права на работу и передают журналу право первой публикации вместе с работой, одновременно лицензируя ее на условиях Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным указанием авторства данной работы и ссылкой на оригинальную публикацию в этом журнале.

2. Авторы сохраняют право заключать отдельные, дополнительные контрактные соглашения на неэксклюзивное распространение версии работы, опубликованной этим журналом (например, разместить ее в университетском хранилище или опубликовать ее в книге), со ссылкой на оригинальную публикацию в этом журнале.

3. Авторам разрешается размещать их работу в сети Интернет (например, в университетском хранилище или на их персональном веб-сайте) до и во время процесса рассмотрения ее данным журналом, так как это может привести к продуктивному обсуждению, а также к большему количеству ссылок на данную опубликованную работу (Смотри The Effect of Open Access).

4. Ознакомиться с полным текстом лицензионного соглашения Creative Commons Attribution License можно на сайте: <http://creativecommons.org/licenses/by/3.0/deed.ru>

Статьи, оформленные без соблюдения указанных требований, редакцией не рассматриваются.

Адрес редакции:

344006, Российская Федерация,
г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 150, к.11
Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации,
Южный федеральный университет
Заведующий редакцией журнала: Нефёдов Игорь Владиславович
Телефон: +7-960-464-33-21
E-mail: igornef@yandex.ru
Сайт журнала: <http://www.philol-journal.sfedu.ru>

Сдано в набор 3.03.2015/ Подписано в печать 24.03.2015.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура «PetersburgC»
Печать цифровая. Усл. печ. л.16,12. Уч.-изд. л. 13,94. Тираж 500 экз.
Заказ № 312

Типография ЗАО «Центр Универсальной Полиграфии»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, офис 109,
тел. 8-918-570-30-30.